

ОКСАНА БАБЕНКО
ОЛЕГ БАБЕНКО
ВИКТОР БЕЛОУС

Статья 54-10,

или

ЖЕНЩИНЫ

«КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»

54⁷. За підприємих державної промисловості, транспорту, торговельно-фінансового обігу або кредитної системи, а також кооперації, вчинений контрреволюційною метою через відповідне використання державних установ і підприємств або через протидіяння їх нормальності, а також за використання державних установ і підприємств для протидіяння їх діяльності, вчинене в інтересах колишніх власників або заінтересованих капіталістичних організацій, застосовуються заходи соціального захисту, зазначені в ст. 54².

54⁸. За вчинення терористичних актів, спрямованих проти представників радянської влади або діячів революційних робітничих організацій, і за участь у виконанні цих актів особами, які не належать до контрреволюційної організації, застосовуються —

заходи соціального захисту, зазначені в ст. 54².

*54⁹. За зруйнування або пошкодження з контрреволюційною метою через вибух, підпал або іншими способами залізничних шляхів і засобів сполучення, засобів народного зв'язу, телефонного зв'язу, громадських складів та інших споруд або державного майна застосовуються —

заходи соціального захисту, зазначені в ст. 54².

54¹⁰. За пропаганду або агітацію, яка полягає в закликах до повстання, підризу або послаблення радянської влади чи до вчинення окремих контрреволюційних злочинів (ст. ст. 54² - 54⁹), а також за розповсюдження чи виготовлення або зберігання матеріалів того самого змісту застосовується —

позбавлення волі на строк не менш, як шість місяців. За ті самі дії під час масових заворушень або з використанням зброї чи національних забобонів мас, або у воєнній обстановці в місцевостях, оголошених на воєнному стані, застосовуються заходи соціального захисту, зазначені в ст. 54².

54¹¹. За всяку контрреволюційну діяльність, спрямовану на підготування або вчинення злочинів, зазначених в цьому розділі злочинів, а також за участь у вчиненні злочинів, утвореній для підготування або вчинення злочинів, зазначених в цьому розділі, застосовуються заходи соціального захисту, зазначені у відповідних статтях.

54¹². За недонесення про певно відомий підготовлюваний контрреволюційний злочин застосовується —

позбавлення волі на строк не менш, як шість місяців.

54¹³. За активні дії або активну боротьбу проти робітничих організацій, спрямованих на підготування або вчинення злочинів, зазначених в цьому розділі, застосовуються заходи соціального захисту, зазначені у відповідних статтях.

Государственный архив Кировоградской области

**Кировоградское областное отделение
поисково-издательского агентства
«Книга Памяти Украины»**

**Кировоградская областная организация
Национального союза краеведов Украины**

***Посвящается
памяти жертв
Большого террора (1937-1938 гг.)
и массовых политических
репрессий 1940-х – начала 1950-х гг.
в СССР.***

**Библиотека издания
«Між Бугом і Дніпром.
Науково-красназнавчий вісник
Центральної України»**

Серия «Архивные документы свидетельствуют»

Редколегия серии:

*Олег Бабенко (председатель),
Оксана Бабенко,
к.и.н. Владислав Берковский,
к.филолог.н. Виктор Белоус,
Татьяна Гончарова,
Марина Грач,
к. филолог.н., доц. Валентина Гребнёва,
к.и.н. Вадим Колечкин,
Лилия Маренец,
д.и.н., проф. Василий Орлик,
засл. работник культуры Украины Иван Петренко.*

Оксана Бабенко
Олег Бабенко
Виктор Белоус

СТАТЬЯ
54-10,
ИЛИ
ЖЕНЩИНЫ
«КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»

Кропивницкий
2018

ББК 63.3(4ККР-4КІР)
УДК 94(477.65)
Б 12, Б 43

Б 12   Бабенко Оксана, Бабенко Олег, Белоус Виктор

Б 43   Статья 54-10, или Женщины «контрреволюции» : [Текст] / Оксана Бабенко, Олег Бабенко, Виктор Белоус. – Кропивницкий: Центрально-Українське видавництво, 2018. – 180 с. – (Серия «Архивные документы свидетельствуют»).

ISBN: 978-966-130-156-5

Большевики на собственном опыте захвата власти высоко оценили роль в этом пропаганды и агитации. Большевистская власть также твёрдо знала, что её не любят, ей не доверяют, её не поддерживают, потому и приняла меры по собственной защите от любых негативных разговоров о себе, признав их уголовным преступлением. Диапазон наказаний за эти «преступления» широк: расстрел или объявление врагом трудящихся, но менее шести лет лишения свободы. Всё это – с конфискацией имущества полностью или частично.

Персонажи предлагаемой читателю книги – простые труженицы, женщины-матери, хранительницы семейного очага, вся вина которых только в том, что государство «рабочих и крестьян» отобрало у них и их детей возможность досыта наесться хотя бы простым хлебом и иметь минимум одежды. «Заповеди демократии», провозглашавшиеся новыми «мессиями от Маркса-Ленина-Сталина», с каждым очередным годом их пребывания у власти, становились всё более расплывчатыми, а потом и вообще исчезли со скрижалей. Народ же легковёрно вопрошал о наступлении обещанного благоденствия...

О том, к чему в ряде типичных для того времени случаев привели наивная вера и элементарное человеческое стремление к лучшей жизни – в этой книге.

По материалам архивных следственных дел, хранящихся в Государственном архиве Кировоградской области.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Украины в составе советской империи.

ISBN: 978-966-130-156-5

© Бабенко Оксана, Бабенко Олег, Белоус Виктор, 2018

© ДАКО, 2018

© Центрально-Українське видавництво, оригінал-макет, 2018

Оглавление

К читателю	6
1. Неудавшийся праздник (<i>Максименюк Тодора, д. 11318</i>)	23
2. Польки-бабочки» (<i>Лакишек Мария, д. № 4574, и Курганская Евгения, д. № 9639</i>)	28
3. «Стойкость духа (<i>Бобровская Мария, д. № 2590</i>)	34
4. Новый Йорк – Новый Миргород: билет в одну сторону (<i>Стебельская-Гекк, д. № 11230</i>)	37
5. Куплет для дуэта или Частушка как вид антинародного творчества (<i>Ткаченко Павлина, Ткаченко Мария, д. № 1934</i>)	44
6. Юбка «антисоветчицы» (<i>Запекла Дарья, д. 8977</i>)	47
7. За чистоту рядов... (<i>Кожемякина Фекла, д. №8973</i>)	49
8. Позднее прозрение (<i>Чернецкая Антонина, д. №10159</i>)	51
9. Аптекарь как враг народа (<i>Аптекарь Хава, д. 4026</i>)	60
10. Душок денег (<i>Чистякова Мария-Вильгельмина, д. № 14174</i>)	64
11. Суд скорый... и справедливый? (<i>Солонцова София, д. № 8048</i>)	69
12. Субъективный комментарий (<i>мать и сын Волковы, д. № 1487; 8692</i>)	73
13. «Извлечение корней»: два примера (<i>Рива Злобинская и Виктория Вольнская, д. №№ 4848, 12801</i>)	78
14. Ответчица (<i>Елена Скоблина, д. №12376</i>)	88
15. Интересное совпадение (<i>Соколовская Вера, д. №12306</i>)	100
16. Католические шпионки (<i>д. №4134</i>)	116
17. «Япона-шпиона» (<i>Жеденко Мария, д. №3697</i>)	128
18. «Шпионка» из музея (<i>Вишневская Мария, д. 4326</i>)	132
19. Гордость агента (<i>Немцы-лютеране</i>) (<i>Гильденбрандт и др., д. № 3862</i>)	136
20. Возможно, им и повезло... (<i>Игельник, д. № 8074</i>)	141
21. «Учительница первая моя...» (<i>Иванченко Александра, д. № 2066</i>)	150
22. Политическая гинекология (<i>Буч Виктория, д. №7881</i>)	152
23. Театральный этюд (<i>Вайраух Александра, д. № 2250</i>)	155
24. Труженицы стальных магистралей (<i>Пляченко Любовь, Гаврикова Ирина, д. № 7999</i>)	158
25. Молоко для оккупантов (<i>Белая Евдокия, д. №5803</i>)	161
26. «Смешная» фамилия (<i>Вовторник Дарья, д. № 11446</i>)	164
27. Как избежать пули... (<i>Топонарь Елизавета, д. № 1345</i>)	171
Послесловие	174
Библиография	176

Несколько лет тому назад на раскладке прилавка одного из книжных базарчиков, заменивших собой изысканный мир старого магазина «Букинист», зацепала глаз праздных прохожих уже потрепанная книжица (всего-то 50 страниц) Веры Морозовой «Женщины революции», изданная ещё в советское время (Москва: Молодая гвардия, 1982). Она содержала написанные с присущим эпохе пафосом очерки об участницах и героях революции 1917 года.

Приведем лишь фрагмент аннотации к этому изданию: «Мы идём тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки», – писал на заре века Владимир Ильич Ленин. Среди тех, кто шёл рядом с Лениным, были и герои этой книги. Друзья и соратники В.И. Ленина – профессиональные революционерки, бесстрашные подпольщицы и умелые конспираторы – таковы героини книги Мария Голубева, Клавдия Кирсанова, Людмила Сталь, Татьяна

Людвинская. Маленькие повести, составляющие книгу, построены на документальных материалах».

В фондах Кировоградского областного государственного архива также достаточно документальных материалов, которые передают пафос той, «революционной», эпохи, и являются своеобразной летописью деяний её адептов. Но еще больше

документов, которые есть неопровержимыми свидетельствами всего ужаса повседневной жизни простых и не только граждан, которых повели верные ленинцы, вчерашние революционеры и революционерки, по не менее обрывистому и трудному пути к «светлому будущему».

Поэтому постоянный дух противоречия заставил вспомнить давнее латинское изречение «*Audiat et altera pars!*» – «Да будет выслушана и другая сторона!».

Представителей «другой стороны» сейчас среди живых практически не осталось, однако не дать им слова было бы неправильно. Конечно, серо-жёлтые страницы архивных следственных дел – плохая замена живому человеческому голосу, однако выбора у нас нет: листаем старые дела и пытаемся представить себе женщин, революция для которых не стала «делом всей жизни», а скорее наоборот.

Теперь о названии нашей книги. Два числа на обложке обозначают номер статьи Уголовного Кодекса УССР и номер части этой статьи. А далее – к кому эти числа применялись.

Статья 54 УК УССР

В Уголовном кодексе УССР, утвержденном ЦИК УССР 8 июня 1927 года, то, что называлось «контрреволюционными преступлениями», подпадало под действие статьи 54, пунктов от 1 до 14. Кодекс был принят накануне 10-й годовщины октябрьского переворота.

В части «контрреволюционной деятельности» кодекс УССР несколько отличается от соответственного «издания» в интерпретации «старшего брата» нумерацией статей: статья 54 УК УССР, по которой было репрессировано наибольшее количество лиц, соответствует статье 58 Уголовного кодекса РСФСР.

Выдержки из текста главы первой Кодекса «Преступления государственные» мы приводим для сведения любознательных читателей как информацию, которая минимально необходима для понимания сути дальнейшего изложения и нашей точки зрения.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС У.С.С.Р.

б) Особенная часть

Глава I. Государственные преступления

1. О контрреволюционных преступлениях

54-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

54-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст.58-2 – 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса (то есть, высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление вра-

гом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества).

54-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

* * *

Следует отметить, что в последние несколько десятилетий в сфере социальных наук приобрели популярность исследования гендерного направления. Общий антропоцентризм гуманитарных исследований сменил свою выраженную маскулинность, уделяя больше внимания так называемым «женским исследованиям» (*feminine studies*).

Наше повествование, приводимое ниже, было вызвано к жизни ознакомлением с несколькими публикациями советского времени, посвящёнными показу роли женщин в войнах и, особенно, революциях. Поскольку основным пунктом обвинения в судебных процессах и внесудебных расправах 30-40-50-х годов прошлого века стала так называемая «к/р (то есть, «контрреволюционная») агитация», то и название нашей книги имеет подзаголовок Женщины «контрреволюции».

Изучая упомянутый исторический период, представители разных наук отмечали, в частности, рост роли женщин в политической деятельности, привнесение ими (женщинами) своей мягкости и психологизма в бурлящий социум эпохи. Бо-

лее того, даже некоторые изменения в лексике и синтаксисе языка произошли под воздействием женщин¹.

Внешне советское общество позитивно воспринимало линию партии на повышение роли и авторитета женщины в социализации нового строя, на уравнивание статуса мужчины и женщины (это можно увидеть и почувствовать на примере известной скульптуры Мухиной «Рабочий и колхозница»: представители обоих полов дружно вздымают серп и молот, символы новой державы). Подобное равенство, тем не менее, имело и негативную сторону: женщины наравне с мужчинами становились субъектами репрессий карательных органов Советской власти.

Мы не ставим целью сравнительный анализ количественных показателей репрессированных по признакам их пола, а предлагаем лишь краткий обзор судебных фигуранток нескольких следственных дел того периода. Политические, юридические и методологические основы карательного аппарата «государства рабочих и крестьян» были заложены в период 1917-1923 гг., о чём упоминает в своей книге проф. С.П. Мельгунов, описывая страшные испытания, выпавшие на долю противников нового режима, оказавшихся в большевистских застенках², а так же десятки других, как научных, так и популярных изданий.

* * *

Итак, эта книга – объективный рассказ о судьбах женщин,

---

¹ См.: Семенюк О.А. Мови періодів соціальних перетворень: деякі загальні риси // Франція та Україна, науково-практичний досвід у контексті діалогу національних культур. V Міжнародна конференція. – Збірник наукових праць. – Том 1. – Ч.1. - Дніпропетровськ: Арт-Прес, 1998. – С. 164-169; Уорф Бенджамин Л. Отношение норм поведения к языку // Новое в лингвистике. – Вып.1. – М.: Иностр. лит-ра, 1960. – С. 135-168; Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900 – 1941): Стан і статус. – Чернівці: Рута, 1998. – 208 с.; Comrie B., Stone G. The Russian Language since the Revolution. – Oxford University Press, 1978. – 214 p. и пр.

² Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918-1923. – Симферополь: Таврия, 1990. – 262 с.

живших в страшные годы тоталитарного террора. Мы не приукрашали действительность и не драматизировали её, мы даже собственные комментарии свели к минимуму. В тоже время наша книга – обличение «советского» режима и антигуманной, человеконенавистнической коммунистической идеологии, господствовавшей на просторах 1/6 земной суши – в государстве «рабочих и крестьян» и сегодня будорожащей умы «вечно вчерашних» грезами и ностальгией о «славном прошлом» и «великой державе». Она – призыв осмыслить прошлое, оценить настоящее и задуматься над будущим. Во всяком случае, осознать, что если вся страна – зона, то и ее население делиться, как минимум на две категории: те, кто ее сторожит, и кто в ней есть охраняемый. 100 % – все просто не могут быть только «вертухаями»...

Не сомневаемся, что книга из чьих-то уст может получить ярлык скучной, неинтересной... Но ненужной её не назовёшь, ибо она есть повод для размышлений, оценок и сравнений!

* * *

Сегодня, как никогда остро, в украинском обществе стоит языковой вопрос. Без украинского языка не построить соборную и независимую Украину. Почему? Ответ можна найти уже в далеко не метафорическом названии книги Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия».

Авторы сознательно ведут повествование на русском языке. В книге обильно цитируются оригиналы процессуальных документов из архивных следственных дел. Подавляющее их большинство – на русском языке. Разумеется, их вполне реально перевести на украинский язык, однако, сохранив их смысл, мы одновременно утратим важную составляющую языковой характеристики эпохи, что должно быть вполне понятно даже и не филологу. Помещение же авторского текста на украинском между цитатами из протоколов, которые велись на русском языке, несколько усложнило бы чтение книги. А это, на наш взгляд, тоже нежелательно.

О более серьёзных причинах выбора языка написания книги – ниже.

В условиях продолжающегося уже который год вооружённого противостояния российской агрессии на юго-востоке Украины, резко возрастает роль и влияние средств массовой информации как действенного оружия пропаганды. Не является открытием то, что современные украинский и русский литературные языки, в силу разных экстралингвистических обстоятельств, все еще классифицируются как «близкородственные». Не является секретом и то, что многие носители русского, достаточно хорошо воспринимающие украинский на слух, в то же время плохо понимают письменную речь. Наша и подобные ей книги послужат им стимулом оторваться от назойливой заангажированной пропаганды с обеих сторон и постараться выработать собственную точку зрения на события и причастных к ним исторических личностей прошлого и настоящего. Тем более, что «прошлое» лезет из всех щелей агрессивного северо-восточного «соседа», удивительным образом объединившего в одно целое образы «добрых государей» – Николая, Иосифа и тень последнего – нашего современника.

Кроме того, возрастающий (по утверждению наших СМИ!) интерес всего мира к событиям в Украине и всему украинскому вообще, диктует целесообразность подачи книги именно на русском, одном из официальных языков ООН; на языке, который в своё время достаточно массово изучался не только в странах Восточной Европы, но и за океаном, и которым сейчас владеют многие тысячи потенциальных зарубежных потребителей информации об Украине. Таким образом, расширяется целевая аудитория наших читателей, поскольку электронный вариант книги станет доступным многим благодаря всемирной сети Internet.

Вот почему эта книга – на русском, и мы считаем, что именно это обстоятельство есть пускай и маленькой, но всё-таки «перемогою» на фронте всемирной гибридной войны за национальные и общечеловеческие ценности.

Немного о гендерном неравенстве

Мы начинаем эту книгу несколько издалека, предлагая краткую историю женского вопроса. Конечно, можно сразу перейти к основному содержанию, хотя нам этот раздел кажется достаточно важным для понимания и сравнения положения женщины «у них» и «у нас».

Добро и зло, чёрное и белое, плюс и минус, мужчина и женщина – приметы нашего дуалистичного мира. Правда, если в арифметике плюс и минус не спорят, кто из них главнее и важнее, то в человеческом обществе спор о главенствующих ролях мужчины и женщины ведётся постоянно. Христианство, с его известной историей о создании женщины из ребра Адамова, отводило женщине второстепенную роль в семье и социуме, что прекрасному полу и его приверженцам однажды перестало нравиться. Так возник феминизм, набор движений и идеологий, направленных на создание и защиту равных политических, экономических и социальных прав женщин. Несмотря на то, что сам феминизм стал предметом споров и рассуждений уже несколько веков назад, определение ему французский философ и утопический социалист Шарль Фурье дал только в 1837 году. В своей работе «Теория четырех движений и всеобщих судеб» он писал о «новой женщине», расширение прав которой привлечет общий социальный прогресс. Причем, процесс этот будет двусторонним: феминистки должны как менять общественную жизнь, так и меняться сами, основываясь на принципах взаимности и ассоциации. Спустя полтора века термин прочно укоренился и использовался для характеристики идеологии о гендерном равноправии в странах Америки, Европы, Азии.

В разное время женщины боролись за разные ценности: поначалу приоритетом были равные экономические и политические права, затем – возможность получения высшего образования, а позже – свобода выбора любой работы. Идея равноправия и братства была не новой: например, теория демократии, родившаяся еще в Древней Греции, обращалась к

всеобщему народному управлению. Правда, к женщинам это не имело отношения – они не считались гражданами государства. Один из первых трудов, в которых шла речь о праве женщины на образование и политическое волеизъявление, датируется еще 1504 годом. Авторство «Книги о городе женщин» принадлежит французской писательнице итальянского происхождения Кристине де Пизан, одной из первых, известных истории, профессиональных женщин-писательниц, перу которой также принадлежат многочисленные философские трактаты о роли слабого пола в семье и обществе.

Эпоха просвещения пошла еще дальше: призыв к свободе, равенству и братству, пришедший вместе с Великой Французской революцией, был оформлен в «Декларацию прав человека и гражданина» в 1789 году. На волне всеобщей воодушевленности француженки начали создавать свои клубы, но вскоре обнаружили, что привилегии новой жизни распространяются только на мужчин. Одним из первых документов феминизма считается «Декларация прав женщины и гражданки», написанная и опубликованная французской писательницей Олимпией де Гуж в 1791 г. В «Декларации» заявлялось, что игнорирование, забвение женских прав, «тирания сильного пола» являются причиной национального несчастья и нравственного разложения; что женщина рождена свободной и по праву равна мужчине.

Декларация была забыта, женские союзы – запрещены, а сама Олимпия – казнена по обвинению не только в препятствовании революции, но и как женщина, «забывшая о достоинствах своего пола». Однако, текст книги весьма актуален и сегодня: «Из общности мужчин и женщин состоит нация, на которой покоится государство; законодательство должно быть выражением воли этой общности. <...> Все гражданки и все граждане должны, сообразно с их способностями, иметь одинаковый доступ ко всем общественным должностям.; только одно различие их добродетелей и талантов может служить масштабом для их выбора».

В своем обращении к женщинам она восклицала: «Разве

еще не время, чтобы и среди нас – женщин – началась революция? Разве мы никогда не примем деятельного участия в формировании общества?» [Цит. по Браун Л. Женский вопрос. СПб., 1906. С.72]. В 1793 году специальным декретом правительства были запрещены женские клубы, появившиеся в революционной Франции и принимавшие активное участие в политическом процессе того времени. Равные избирательные права с мужчинами женщины Франции получили лишь в 1945 году.

Вторым классическим текстом современного феминизма считается книга английской писательницы Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин», изданная в 1792 г. и написанная под влиянием событий Великой Французской революции.

Считается, что феминизм вырос на почве социальных утопий Сен-Симона, Фурье, Оуэна и других подобных мыслителей той эпохи. Но во многом благодаря Фридриху Энгельсу и его работе «О происхождении семьи, частной собственности и государства», в который он определил угнетение женщин как наиболее древнюю и жёсткую форму угнетения кого бы то ни было в истории человечества, феминизм становится одним из аспектов марксизма и коммунизма, ещё одним инструментом создания «нового общества».

Бытовало мнение, что как только женщина получит право голоса, женские вожди и лидеры быстро смогут оказаться у кормила. Последующее крушение подобных надежд явилось первым крупнейшим разочарованием феминизма, пришедшим к кризису и падению первой волны феминизма XX в. Однако, в итоге, был создан исторический образ феминизма, который борется за равные права для женщин.

Протесты женщин против социального неравенства к концу XIX-XX века приняли, в частности, форму борьбы за равное с мужчинами избирательное право, *suffrage*. Суфражистки (так в многих странах называли поборниц равноправия) верили, что, имея легальную возможность голосовать на выборах, женщины вскоре освободятся от всех других форм дискриминации. Основной социальной базой суфражистского движения

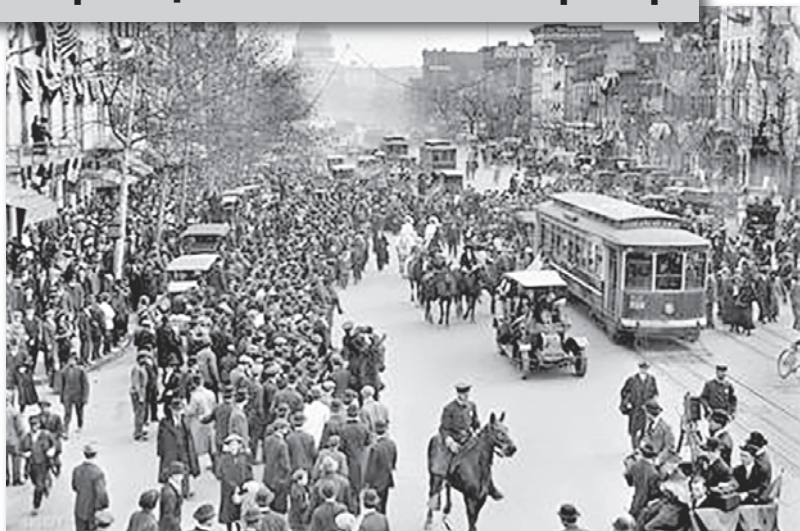
был средний класс (интеллигенция и буржуазия – в России, что давало основание называть его также «буржуазным» феминизмом в отличие от «пролетарского» женского движения как составной части рабочего движения за социализм). В начале XX в. (в 1904 г.) суфражистские организации США, Канады, Великобритании, Германии, Нидерландов, Норвегии и Швеции объединились в Международный союз за женское равноправие, который уже в 1911 г. насчитывал двадцать четыре национальные ассоциации.

Всероссийский союз равноправия женщин в 1905 г. был приглашен присоединиться к Международному союзу, и в 1906 г. делегация российских суфражисток участвовала в работе III конгресса женщин в Копенгагене. Во всех странах – участницах Союза ежегодно проводились тысячи митингов, миллионы листовок о бесправном положении женщин распространялись в самые отдаленные уголки земного шара. Участвуя в «становлении нового порядка» в начале нового века, женщины требовали права голоса, придавали этому «исключительно важное значение» и «на меньшее были не согласны».

Если в США и Великобритании борьба суфражисток была, несмотря на хорошо организованные и довольно массовые женские движения, очень длительной и безуспешной вплоть до 20-х гг. XX столетия, то в России сложилась иная ситуация. Требование предоставления женщинам права избирать и быть избранными стало звучать здесь в начале XX в. Оно было включено в программы некоторых политических партий. Раньше других, в 1903 г., требование равноправия женщин включила в свою программу российская социал-демократическая рабочая партия (большевики и меньшевики); к концу 1905 г. вопрос о равноправии включали также программы кадетов и эсеров. Женщины ожидали гражданского признания в годы первой русской революции 1905-1907 гг., но «Манифест» 17 октября провозгласил определенные гражданские и политические права и свободы только мужчинам (повторилась ситуация и Американской, и Французской революций, когда женщин исключали из категории граждан).

Манифестации носили массовый характер:

Парад женщин в Вашингтоне, 3 марта 1913 года

**Борьба была непростой,
случалось и такое:**

Революционная волна в России подняла женщин на борьбу за свои права. Многие феминистки («равноправки»), боровшиеся ранее за доступ женщин к высшему образованию и за право на профессиональный труд, начали теперь борьбу за политические права женщин. В то время наиболее известной и крупной феминистической организацией было «Русское взаимоблаготворительное общество». В январе 1905 г. около тридцати женщин либеральных взглядов объявили о создании женской политической организации в Москве, а затем и в Петербурге – Всероссийского союза равноправия женщин (Союз действовал до 1908 г.). В декабре 1905 г. сформировалась третья и последняя из женских организаций периода 1905-1907 гг. – Женская прогрессивная партия.

Хотя российские феминистки не были такими воинственными, как многие их подруги на Западе, все же суфражизм в России встречал сопротивление. Причем, не только со стороны консервативных кругов царской России, но и со стороны лидеров социалистических и рабочих организаций, которые враждебно относились к самостоятельным и организованным действиям женщин. По этому поводу на первом Всероссийском съезде женщин в декабре 1908 г., подготовленным феминистками, высказалась Стефания Исполатова, отметив, что за это стремление к самостоятельности на женщин «сыпятся упреки в феминизме (слово, которое у нас считается чуть ли не ругательным). Еще бы! Ведь феминистками называют тех бунтовщиц, которые, считаясь с историческими фактами, не верят программам, словам и обещаниям и самостоятельно хотят добиться своих прав».

Феминистические организации в России, боровшиеся за общегражданское право голоса, были, по сравнению с западными, не столь массовыми. Так, Всероссийский союз равноправия женщин в пик своей деятельности в 1905 году, насчитывал 8 тыс. членов, в то время как, например, Национальная американская ассоциация за избирательные права женщин выросла с 17 тыс. в 1905 г. до 100 тыс. в 1915 году. Национальный совет женщин в такой маленькой стране как Дания насчитывал

в 1899 г. 80 тыс. участниц. Наиболее радикальной в России феминистической организацией был Всероссийский союз равноправия женщин, в Платформе которого содержались такие требования как:

- немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного избирательного права без различия пола, веры, национальности;
- признание прав народов, входящих в состав России, на политическую автономию и национально-культурное самоопределение;
- уравнивание во всех политических и гражданских правах женщин с мужчинами во всех областях жизни и слоях общества без ограничения прав замужних женщин.

Феминистки требовали также уравнивания прав крестьянок с правами мужчин при всех аграрных реформах; охраны труда женщин и обязательного страхования наравне с мужчинами; допущения всех женщин во все области общественной и служебной деятельности; совместного обучения с мужчинами; отмены всех законов о проституции, унижающих достоинство женщин.

С 1909 г. до Февральской революции новая организация – Российская лига равноправия женщин – активно, но безуспешно пыталась добиться от власти изменения законодательства в пользу равноправия женщин. По инициативе Лиги 20 марта 1917 г. в Петрограде прошла одна из самых первых и массовых демонстраций в поддержку избирательных прав для женщин.

В июле 1917 г. Временное правительство объявило о своем решении предоставить российским женщинам все политические права, признав, в частности, что «право участвовать в выборах в Учредительное Собрание принадлежит всем гражданам России обоих полов, достигших 20 лет к моменту выборов». Октябрьская революция 1917 г. также подтвердила принцип женского равноправия и повышения социального статуса женщин.

Таким образом, настойчивая и организованная деятельность женщин в защиту своих прав в двух русских демократических революциях не была напрасной в смысле обретения избирательных прав. Период борьбы за общегражданское право голоса для женщин продолжался чуть более 12 лет. Россия стала одной из первых стран, предоставивших женщинам равные избирательные права с мужчинами в начале XX в.

Несколько фото. В комментариях они вряд ли нуждаются.

*Эти дамы проводят демонстрацию
в защиту своих прав*

*Эти своих прав
уже добились...*

Утрата прав мужчин

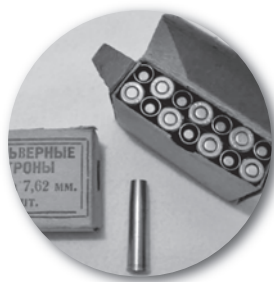
Примеры полной утраты мужчинами права на управление транспортными средствами

Умолчим пока о равенстве, скажем о похожести: наши женщины на фото – как патроны в обойме: одинаковы, не отличишь.

И при исполнении приговора полагался женщине такой же патрон, как и мужчине: права-то равные!

Неудавшийся праздник*

История празднования Международного женского дня далеко не однозначна. Нам она известна в таком варианте: в 1910 году на форуме женщин в Копенгагене немецкая коммунистка Клара Цеткин призвала мир учредить Международный женский день 8 марта. Она имела в виду, что в этот день женщины будут устраивать митинги и шествия, и тем самым обращать внимание общественности на свои проблемы. Изначально праздник назывался «Международный день солидарности женщин в борьбе за свои права».

Судя по всему, 8 марта – обычная политическая кампания социал-демократов. В начале XX века по всей Европе протестовали женщины. И чтобы привлечь к себе внимание, им достаточно было просто пройти по улицам с плакатами, на которых написаны социалистические лозунги – и внимание общественности обеспечено. А вождям социал-демократических партий – аргумент в полемике, мол, прогрессивные женщины с нами солидарны. 8 марта стало официальным праздником в СРСР в 1921 году. Искренне и наивно поверили в него некоторые женщины, рассказ о судьбе одной из которых предлагаем ниже.

Мы неоднократно рассказывали о сложностях и протестах населения, с которыми столкнулась Советская власть при проведении коллективизации сельского хозяйства. Подтвердим свои слова цитатами из архивного следственного дела № 11318 из фондов Государственного архива Кировоградской области: «в коллективе будут все на казарменном положении, будут общие нары, будут все голодные, не нужен нам коллектив» [л.д. 9]; «сгонят всех и будут кормить с одного котла как скот» [л.д. 7]; «народ глупый, что платит, самообложение не нужно» [л.д. 9]; «деньги от самообложения не на строительство идут,

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 11318

а на выпивку коммунистам и душегубам» [л.д.7]; «нужно хлеб продавать на частном рынке, государство нам всё рано ничего не даёт» [л.д. 7]. Именно так, по данным свидетелей, говорили жители с. Могильное Ежелик Роман, Яремчук Михаил, Бондарь Филипп, который в 1929 г. ещё говорил: «Хлеб забирают насильно, нам, крестьянам, оставляют ячмень, а пшеницу забирают. Это шкуродёрство, нас голодом заморят» [л.д. 21].

Расследуя дело, следствие установило, что «гражд. Ежелик Роман Прокофьевич, рожд. 1895г., уроженец с. Могильное Хатцеватского района состоял на учёте бывших белых офицеров как подпоручик петлюровской армии, снят с особого учёта 02.12.26 г.» [л.д. 48], получив «доказательство» классовой враждебности противников коллективизации. Далее ряд свидетелей показал, что «Ежелик и Яремчук повлияли на Максименюк Тодору, середнячку, которая 10.03 30 г. организовала всех женщин села, с которыми пошла и разбила замки, разобрали коллективные инвентарь и семена. Максименюк являлась организатором разгрома коллектива села Могильное» [л.д. 17, 19].

Как пояснил сотрудникам ГПУ свидетель Радзиевич П.А.: «На торжественном собрании женщин Максименюк выступила с криками и площадной руганью, кричала: «Нас под угрозой сослать на Соловки загоняют в коллектив, надо всем выйти из коллектива, ни один чтоб не остался». На следующий день 8 и 9 марта ходила по селу и агитировала: «Нам, жёнам, теперь есть право, надо собраться, выписаться из коллектива и разобрать всё имущество»; «10.03. с раннего утра бегала по селу, собирала женщин на сход к сельсовету. Собрав женщин, она всё время агитировала за разбор коллектива. В 16 часов того же дня по призыву Максименюк Тодоры все женщины во главе с ней направились к складам коллектива с семенами и инвентарём – начали ломать замки и разобрали семена и инвентарь, также уничтожили все имевшиеся в коллективе списки и отчёты. По инициативе Максименюк в ночь с 10 на 11.03.30 г. была организована охрана у складов коллектива, где ещё осталось часть неразобранного инвентаря. 11.03 Максименюк устроила и организовала демонстрацию женщин по селу Мо-

**ЧТО ДАЛА
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
РАБОТНИЦЕ И КРЕСТЬЯНКЕ**

гильное. Во главе с демонстрацией Максименюк отправилась в 3-е земельное общество, где также были разграблены и разобраны коллективные семена и инвентарь. В тот же день демонстрация направилась в первую земгромаду, но по дороге была задержана милицией и разошлась по домам» [л.д. 23]; по данным свидетелей Паламарчука Ф. И., Черчелюка И.И. в разборе имущества участвовали и др. женщины: Демченко Александра, Сивач Евдокия, Скрипник Мария, Малёвана Явдоха [л.д. 25-29]. К делу приобщена и анкета Максименюк: «1900 г.р, середнячка, неграмотная, состав семьи: муж, 58 лет, сыновья – 1 год, 6 лет, 13 лет, 18 лет и 20 лет; дочери 11 и 16 лет» [л.д.52]. Подследственная подписала анкету тремя крестиками. Имеется и справка сельсовета: «Довідка №819, 25.03.30 р. Дана в тому, що гр. с. Могильної Максименко Тодора Трифоновна є середнячкою, ЄСПП платить в нормальному порядку в сумі 18 крб. 14 коп. До революції мала біля 5 десятин польової землі, 2 коней, 1 корова, 1 хата, клуня. В цей мент має 8.05 десятин польової землі, хата, клуня, 9 едаків, 2 лошаи, виборчих прав не позбавлена» [л.д. 33].

Полученные следствием материалы обобщены в обвинительном заключении: «В средних числах марта м-ца 1930 года в Хащеватском районе Первомайского округа на почве коллективизации в ряде сёл, как то Могильное, Бандурово, Котовка, Будённовка и др., возникли массовые волынки, выразившиеся в разборе коллективного имущества, обобществлённых семян, требовании возврата паёв из буряковых т-в, роспусков с/с и выборов старост. Нити этих волынок перебрались в Хащеватский р-н из соседнего Тульчинского округа, где были в ряде сёл избраны старосты, волынки перерастали в вооружённое сопротивление»...

Подобная «кулацкая группировка» возникла и в с. Могильное, «указанная группа кулаков и подкулачников, Ежелик Роман, Яремчук Михаил, Бондарь Филипп, Максименко Федора и Лозинский Емельян, ставящая себе цель сорвать колхозное движение по селу Могильное Хащеватского р-на, проводила активную к.р. работу среди населения, в результате чего 10.03 с.г. в

с. Могильное возникла массовая волынка женщин, которая привела к окончательному развалу коллективизации в селе» [л.д.54]. Следствие просило Ежелику – расстрел, Яремчуку и Лозинскому – по пять лет, Бондарю и Максименюк – по три года концлагеря [л.д 57].

Уже 12 апреля 1930 г. судебная тройка при Коллегии ГПУ УССР постановила: «Максименюк Федору Трифоновну заключить в концлагерь сроком на три года, считая срок с 11.03.30 г.»; Ежелика, Лозинского, Яремчука приговорили к пяти годам каждого, Бондаря освободили, дело в отношении его без объяснения причин для этого прекращено производством [л.д. 58].

Максименюк реабилитована 04.05.1989 г. [л.д.62], а вот её подельнику, Ежелику Роману Прокофьевичу, повезло меньше: он задержался в местах лишения свободы, где его и расстреляли в 1942 году. Скорее всего, припомнили погоны подпоручика петлюровской армии.

Такой вот боевой получился Международный женский день в 1930 году в с. Могильное: тут и демонстрация женщин, и борьба за свои права политические и имущественные. Не учли только участницы активности советской карательной системы, твёрдо и непреклонно стоявшей на страже линии партии во имя эфемерных идеалов теоретиков от марксизма, объяснявших все свои действия стремлением к благу трудящихся. Кстати, в деле нет сведений о судьбах Максименюк, Яремчука, Лозинского после осуждения. Вернулись ли они из концлагерей, как сложилась их последующая жизнь, какова доля их детей?

«Польки-бабочки»*

Помните, что танцевали наши родители-прародители на вечеринках, а мы – на детских утренниках? Мазурку, краковяк, польку? «Польку-бабочку», задорный танец, поднимавший настроение и показывавший, как весело самим танцорам?

Буквально с первых дней своего возникновения власть страны, возникшей на развалинах Российской империи после Октябрьского переворота 1917 года, поставила перед своими учреждениями и организациями задачу создания *«светлого образа страны рабочих и крестьян»*. Следует признать, что пропагандистские усилия оказались настолько эффективными, что подействовали на многих зарубежных литераторов и политических деятелей (Бернард Шоу, Джон Рид, Ромен Роллан, Герберт Уэллс, Аверелл Гарриман и др.). Повлияла пропаганда и на умы тысяч простых людей из соседних стран, которые в поисках лучшей жизни, семейного счастья, а то и просто работы устремились в СССР, привлечённые лозунгами теоретического марксизма о воссоединении пролетариев всех стран, о том, что у пролетариев нет национальности и т.п. заявлениями.

Западная граница тогдашнего СССР была, наверное, самой нестабильной и неопределённой. Польша, ранее входившая в состав Российской империи, стала самостоятельным государством в своих исторических пределах, однако выдвигала претензии на некоторые сопредельные территории, часть которых получила от Петлюры в обмен на военную помощь УНР. Через несколько лет войска Рабоче-Крестьянской Красной Армии под командованием Якира и Тухачевского попытались эти территории вернуть, но получили сокрушительный отпор и откатились чуть ли не до Киева. Проживавшие на этих землях

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 4574, № 9639

люди, поляки и украинцы, чехи, словаки и другие, столкнулись с изменениями систем собственности, власти и религии, с разделом семей и утратой родственных и др. связей. В этих условиях, да ещё и при достаточно «прозрачной» границе, имели место массовые нелегальные пересечения государственных рубежей, разросся бизнес контрабандистов и перевозчиков, различных курьеров. Сложившаяся ситуация активно использовалась и спецслужбами для сбора информации о соседних странах, заброски разведчиков и диверсантов. Этим объясняется и необходимость напряжённой работы контрразведки с обеих сторон, которая, впрочем, не должна иметь общих черт с навязчивым параноидальным бредом, яркие примеры которого зачастую приходится встречать в откровенно сфабрикованных сотрудниками НКВД делах с окраской «контрреволюционная деятельность» и «шпионаж».

В Государственном архиве Кировоградской области хранятся переданные туда из Службы безопасности Украины архивные следственные дела, в том числе и на лиц, осужденных практически только за то, что они, родившись на тогдашней территории Польши, в своё время перебрались в СССР, как, например, Мария Лакишек (д.№ 4574-фпд).

В постановлении об избрании меры пресечения оперуполномоченный отделения Дорожно-транспортного отдела УГБ по ст. Гайворон сержант госбезопасности Минчин указал, что *«Лакишек Мария Иосифовна, 1902 года рождения, уроженка гор. Ковель, Польша, грамотная, беспартийная, работает счетоводом ВРП ст. Гайворон,.. при сомнительных обстоятельствах в 1923 году прибыла на территорию СССР, в Польше имеет родственников, с которыми поддерживает регулярную письменную связь, работая на производстве, проявляет антисоветские настроения, направленные к подрыву мероприятий Сов.власти»*. Женщину арестовали 18 сентября 1937 года, она содержалась *«под стражей при тюропде ОДТО ГУГБ НКВД ст. Гайворон»* (л.д.10).

5 ноября 1937 года сержант г/б Минчин выносит ещё одно постановление, на этот раз о приобщении к следственному

делу по обвинению Лакишек таких материалов: *«отношение ОДТО ГПУ Гайворона от 09.08.1926 года, выписку из письма родителей Лакишек от 24.09.1926 года и отношение ОДТО ГПУ Гайворона от 05.08.1929 года»* (л.д.13), которые убедительно подтверждают, что со стороны органов НКВД за «резмигрантами» и «польперебежчиками» осуществлялся плотный контроль, велось постоянное наблюдение с использованием различных оперативных приёмов и средств.

Очень «убедительно» описывает Лакишек справка, выданная исполнительным комитетом Гайворонского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 8 октября 1937 года за № 172/10: *«Выдана настоящая на гр-ку Лакишек Марию Иосифовну, проживающую жилкооп «Коммунар» ст. Гайворон, в том, что таковая по национальности полька, польперебежница, прибыла на территорию СССР в 1922 году, брат её также польперебежчик. Лакишек проживает на квартире польского перебежчика пенсионера Марченко Тихона. Как личность Лакишек антисоветская, в общественной жизни участия не принимает»* (л.д. 17). Поскольку термин «польперебежчик» имеет уж очень узкий профессиональный характер, то можно без труда догадаться, под чью диктовку сочинялся этот «красноноречивый» и очень «аргументированный» документ!

В протоколах допросов Лакишек отмечено, что по национальности она украинка, хотя отец и мать – белорусы. В Польше проживают её отец Иосиф, мать Харитина, и сестра Павла. Брат Степан живёт в Тюмени. При эвакуации жителей прифронтовой полосы в 1915 году М. Лакишек вместе с матерью и сестрой были вывезены из г. Сарны в г. Орёл, где прожили до 1917 года, после чего возвратились в Польшу. Не желая проживать в Польше, Мария получила визу на выезд в СССР в советском консульстве в Варшаве и в 1922 году через Ровно, Здолбунов, Шепетовку прибыла на территорию Украины, работала на ст. Коростень, Немиров, Сенчинцы, Гайворон. На момент ареста – конторщица вагоноремонтного пункта ст. Гайворон (л.д.18-25).

Реалии жизни простого человека в СССР того периода были

достаточно суровы, и Мария, скорее всего, жаловалась на них родителям в переписке. В письме к ней от 19.11.1926 г. родственники пишут: «...люди как-нибудь стараются, так и ты, Маня, старайся где-нибудь добиться. А лучше, конечно, если бы ты приехала домой, всё же легче для нас было бы, не страдали за тобой» (л.д.15). О своём желании выехать в Польшу Лакишек опрометчиво высказывалась в трудовом коллективе, о чём не преминул сообщить при допросе свидетель Садиков М. М.: «в СССР рабочих притесняют, нет свободы личности, в Польше рабочим живётся лучше, чем в СССР... Если бы Польша завладела Украиной, тогда можно было бы здесь остаться, иначе я советский режим выдерживать не намерена» (л.д. 29).

Сегодня многие поддержали бы мнение Лакишек, а в то время подобное заявление на фоне трескучей пропаганды «успехов и достижений на пути построения социализма» звучало крайне вызывающе и стало одним из основных пунктов обвинительного заключения. Кроме этого, цепкие и изобретательные «контрразведчики гайворонского разлива» Минчин и его начальник Шичанин инкриминировали ей получение материальной помощи от родителей, «подготовку нелегального перехода в Польшу», «связь с контрреволюционным националистическим элементом, а также с лицами, подозреваемыми в шпионской деятельности» (л.д.33).

Одно время соседом Лакишек по дому был сотрудник НКВД, с семьёй которого она поддерживала обычные соседские отношения. Упомянутые выше сверхбдительные чекисты ничтоже сумняшеся бросили тень подозрения и на «коллегу по цеху»: «Находясь в Гайвороне, Лакишек с сомнительной целью пыталась устанавливать связи с сотрудниками органов НКВД, что ей удалось с сотрудником ОДТО НКВД Гайворон Силачёвым, с которым поддерживала связь с 1931 до отъезда Силачёва 1936 года» (л.д. 34). Дело 6 ноября 1937 года было направлено «для заслушания на Тройке по первой категории» (расстрел).

Особое совещание при НКВД СССР 26 ноября 1937 года определило Лакишек Марии Иосифовне, 1902 г.р., меру наказания в 10 (десять) лет исправтрудлагерей (л.д. 36).

Срок отбывала в Карагандинских лагерях до 30 декабря 1947 года, после освобождения проживала в г. Сарны по адресу улица (как это ни смешно и грустно!) Дзержинского, дом 1. Реабилитирована за недоказанностью обвинения постановлением Кировоградского областного суда №44 у356 с от 18 октября 1958 года (л.д. 63-67).

Марию Лакишек ещё можно считать удачливой: она выжила и была, пусть и с опозданием, но реабилитирована. Жительнице же с. Любомирки Александровского р-на Евгении Иосифовне Курганской, польке по национальности, 1889 года рождения, повезло меньше (д. № 9639-п). Неграмотную женщину (расписывалась в протоколах, ставя крестик или отпечаток пальца (л.д.10-14, 21-24) начальник Александровского РО НКВД с «доброй» фамилией Таубе («Таубе» – по-немецки «голубь») 10 февраля 1938 года обвинил в *«разведывательной деятельности в пользу Польши»* (л.д.1-2). Доведённая до пределов терпения нищетой и рабским бесплатным трудом в колхозе мать 4-х детей (на момент ареста – сыновья Иван, 19 лет, Алексей, 15 лет, дочери Мария, 12 лет, и Надежда, 3 лет) приняла решение ходатайствовать перед польским консулом в Киеве о выдаче ей разрешения на воссоединение с родственниками в этой стране.

Кто и как писал эти письма консулу от имени неграмотной Курганской, в деле не указано. О наличии у неё переписки с консульством Польши известно только со слов свидетелей. 10 июня 1938 года следствие наконец-то признало, что *«не добыто достаточно материалов в отношении Курганской Евгении Иосифовны, подтверждающих проведение разведывательной работы в пользу одного из капиталистических государств»*, посему обвинение по статье за шпионаж было снято, но предъявлено – по статье 54-10 УК УССР. Свидетельских показаний о восхвалении ею жизни польских крестьян, о нищете и бесправии их братьев по классу в СССР, о *«систематическом проведении контрреволюционно-фашистской агитации среди колхозников»* хватило, что бы Особое совещание при НКВД СССР отправило её в исправтрудлагеря сроком на пять лет (л.д. 27).

В ноябре 1939 года Курганская в письменной жалобе на имя областного прокурора Киева просила о пересмотре дела, однако ей в этом было отказано. Сведений о её дальнейшей судьбе, доле её детей в деле нет. Реабилитировали Курганскую в ходе массовой кампании по реабилитации 14 апреля 1989 года (л.д.36).

Не станем критиковать постулаты марксистско-ленинской национальной политики и лживую практику украшательской пропаганды, вспомним только пословицы, полностью применимые в случае с *«польперебежчицами»*: *«От добра добра не ищут»* и *«Где родился – там и пригодился»*, хотя в современных условиях в правильности последней пословицы можно обоснованно усомниться...

Стойкость духа*

Перечитываем это дело, а перед глазами – плакат, на котором журавль заглотнул голову лягушки, а та в свою очередь сдавливает ему горло передними лапками. Текст: «Never give up!» («Никогда не сдавайся!»). Может, не совсем уместная попытка юмора, особенно когда речь идёт об уголовном деле, но дочитайте до конца.

26 декабря 1937 года Бобровскую Марию Ильиничну, 1899 года рождения, проживавшую в г. Бобринец, ул. Луначарского, 81, ожидал неприятный рождественский и новогодний сюрприз: задержание, обыск и арест. В материалах по её обвинению указано, что она – дочь помещика, бывший муж в прошлом белый офицер, а сама она «проводила контрреволюционные разговоры, во время выборов в Верховный Совет делала контрреволюционные надписи на бюллетенях» [л.д.2]. В анкете арестованной написано, что её отец владел 500 десятин земли, имел 20 лошадей, а при допросе 17 февраля 1938 года она заявляет: «Я дочь помещика, отец мой имел крупное хозяйство. Первый мой муж по профессии учитель, имел высшее образование. Отец в 1928 году раскулачен и в 1932-33 году умер» [л.д. 11].

Муж Бобровской, Фёдор Семёнович, бывший директор свиноводческого совхоза «Червона Зірка», арестован УГБ НКВД. На допросе 26 декабря 1937 года Бобровской выдвинуто обвинение в «проведении контрреволюционной агитации среди рабочих совхоза, направленной к возбуждению недовольства рабочих против Советской власти, и исполнении контрреволюционной похабной надписи на избирательном бюллетене при выборах в Верховный Совет» [л.д. 9]. По заявлению следователя, «В проведении похабной контрреволюционной надписи на избирательном бюллетене вы изобличаетесь полным сходством почерка на бюллетене и имеющимся в деле образцом вашего почерка. Следствие требует от вас дать правдивые показания»

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 2590

[л.д. 9]. (Оригинал или фотокопия упомянутой надписи, материалы почерковедческой экспертизы в деле отсутствуют!) Бобровская твёрдит: *«Виновной себя в проведении контрреволюционной агитации не признаю»*. Эта фраза будет повторяться в протоколах допросов на всём протяжении следствия с вариантом *«подтверждаю свои прежние показания о том, что я контрреволюционной пропаганды не проводила»*.

Бобринец – городок маленький, в нём каждый человек на виду, тем более жена бывшего директора совхоза, поэтому со свидетелями у следствия, казалось бы, не должно было быть проблем. Допрошенные по настоящему делу Кравченко, Комарь, Борис, Евтодьев и др. приводили следующие высказывания Бобровской: *«При Советской власти до хорошего не доживём: всех честных людей Сталин приказывает расстреливать и расстреливают, обвиняя во вредительстве»* (напомним: муж Бобровской был арестован именно за вредительство!); *«При царской власти жилось лучше, и люди не голодали и не ходили голые и босые, а при Советской власти, если и дальше так будет, то народ с голода помрёт»*; *«Что то за Советская власть, которая мучит народ, и как рабочие терпят эту Советскую власть»*; *«Советской власти долго не существовать, ибо рабочему надоест терпеть нужду»* [л.д.15, 17, 20, 21, 22]. Имеет ли смысл повторять, что все эти показания Бобровская отрицала и продолжала настаивать на своей невинности? Кстати, о её собственном имущественном положении говорит протокол обыска от 26.12.1937 г.: *«При обыске в квартире Бобровской Марии изъят паспорт серия ОБ №178634. Больше ничего не обнаружено»* [л.д. 5].

Материалы дела слушались в закрытом заседании уголовной коллегии Николаевского облсуда 20 февраля 1939 года, было принято решение о проверке материалов следствия. 25 апреля 1939 года УНКВД по Кировоградской обл. выносит постановление о продлении сроков следствия и, соответственно, о продлении срока содержания Бобровской под стражей. Тут начинаются интересные моменты: в материалах подшиты справки о том, что свидетели Кравченко, Борис, Лакиза *«выбыли не-*

известно куда», а Халько и Король «в совхозе не работают и не работали» [л.д. 26-30]. Свидетель Комарь свои показания конкретизировать не смог, а Евтодьев от них практически отказался. Свидетели Никитенко, Панченко, Коваль характеризовали Бобровскую положительно [л.д. 31-40].

Следствие пыталось «сохранить лицо» и довести материалы до суда, однако уже 2 июня 1939 года было вынуждено вынести *«постановление о прекращении следдела и освобождении арестованного из под стражи»* [л.д.56]. Бобровская освобождена 3 июня 1939 года в связи с прекращением дела по ст.197, ч. 2 УПК УССР, ей возвращён её паспорт № 178634.

Дел, подобных прочитанному нами, в общем массиве материалов репрессий совсем немного, их буквально единицы. Можно ли считать, что Бобровской повезло? Не совсем: она отсидела с 26.12.37 г. по 3.06.39 г., почти полтора года. В стране шла ничем не оправданная охота на свой же народ, которая пошла на спад в конце 1938-начале 1939 года. Сотрудники карательных органов, «охотничьи собаки» власти, несмотря на «подкормку» продовольствием и вещами, видели и понимали, в каких тяжёлых условиях выживали простые люди. Кроме того, чувствовалось дыхание близкой войны, а такой ситуации дразнить свой народ небезопасно.

Критические высказывания в адрес Советской власти в большинстве случаев следовало бы рассматривать, как просьбу обернуться лицом к запросам и нуждам населения, а не только как «антисоветчину» и «контрреволюцию», но руководящая партия, провозгласив идею усиления классовой борьбы по мере расширения масштабов строительства социализма, отнесла к категории «врагов народа» значительную часть представителей этого самого народа. А, как модно было тогда говорить, «если враг не сдаётся – его уничтожают».

Как бы там ни было, а в случае с Бобровской стойкость духа, идея «никогда не сдаваться» и крепкая хватка на горле прожорливого «аиста» победили!

Новый Йорк – Новый Миргород: билет в одну сторону*

Это была большая немецкая семья: отец, мать, 4 сына и 6 дочерей. Они жили в США, где и родились некоторые из их детей. Персонаж нашей истории Матильда, например, родилась в Нью-Йорке, как говорила ей мать. В начале XX века (точной даты в деле нет) семья прибыла на жительство на юг Украины, на территорию нынешней Одесской области, где располагалось имение их родственника. Справка Братского сельсовета № 4102 от декабря 1937 г. [л.д. 9] и свидетели [л.д.41-42] подтверждают, что семья Гекк была богатой: отец, Карл Матфеевич, имел 700 гектаров земли, около 80 лошадей, 40 коров, паровую молотилку, широко использовал наёмную рабочую силу.

Во время гражданской войны немецкие, австрийские и денкинские офицеры квартировали, естественно, в доме немецкого помещика, что позволило свидетелям в дальнейшем (через 20 лет после этих событий) обвинить семью Гекк в пособничестве оккупантам [л.д. 38-39].

Далее было изъятие имущества, изгнание из дома, переезды. С 1922 года Карл Гекк работает конюхом при больнице с. Братского, куда ему помог устроиться знакомый доктор Терентьев. Он же принимает на работу сиделкой Матильду. В 1924 г. Терентьева переводят в 1-ю советскую больницу г. Кирова (ныне Кировоград), Матильда уезжает за ним.

В 1925 году она встречает в больнице Стебельского Михаила Яковлевича, со слов которого узнаёт, что он перешёл границу из Польши в СССР в 1923 году, жил в Ленинграде, учился там в железнодорожном институте, после чего переехал в Кирово, работал охранником в Промбанке, был членом ВКП(б). Молодые люди прожили вместе 5 лет без оформ-

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 11230

ления брака. Находясь в г. Сухуми в санатории по поводу лечения туберкулёза, Стебельский в 1930 году умирает.

Кто-то в семье, пусть и с трагическим опозданием, почувствовал, что в стране складывается тревожная и мало прогнозируемая обстановка. Было принято решение оформить Матильде документы на другую фамилию. Это подтверждается имеющимся в материалах дела свидетельством о рождении №5, выданным Златопольским сельсоветом 30.11.1933 года на основании справки врача, где указано, что Стебельская Матильда Карловна родилась 03.02.1904 г. в с. Златополь; родители – Стебельский Карл Матвеевич и Стебельская Маргарита Валентиновна [л.д. 11]. На основании этого свидетельства в 1933 году выдан паспорт (для сведения современного читателя: на паспортах того периода фотографии владельца не было).

С фото или без, но паспорт не помог: 14 февраля 1938 года начальник Новомиргородского райотделения НКВД УССР лейтенант госбезопасности с «весёленькой» фамилией Могильченко выносит постановление о начатии предварительного следствия: *«рассмотрев материалы о преступной деятельности гр. Стебельской-Гекк Матильды Карловны, 1904 г. рождения, уроженки г. Нью-Йорка, Америка, по национальности немки, дочь крупного помещика, работает в Новомиргороде завбазой Центроспирта, выразившейся в том, что Стебельская-Гекк Матильда Карловна, дочь крупного помещика, была замужем за польским шпионом Стебельским, который в 1923 году нелегально перешёл границу в СССР, занимался шпионажем в пользу Польши. Стебельская-Гекк вместе со своим мужем поддерживала связь с польским консульством в г. Киеве и со своими родственниками, проживающими за границей, откуда получала доллары»* [л.д.1]. На следующий день выносится постановление о мере пресечения, а 16 февраля – постановление районного прокурора Паленко о содержании Стебельской под стражей в тюрьме НКВД г. Кирово [л.д. 2,3].

Работу со Стебельской активно ведёт «нач.р/о РКМ НКВД сержант милиции Клецель В.Л.», допросивший её 17, 18, 19, 20, 21, 22, 28 февраля и 4 марта 1938 года. Обвиняемая признала,

что совместно с мужем, Стебельским Михаилом, участвовала в переписке с его родственниками, проживавшими в Польше, посылали им свои фото. *«Письма из Польши Стебельский мне прочитывал и я была в курсе всей переписки. После смерти Стебельского я лично в 1930 г. имела переписку с его родственниками, написала одно письмо брату Стебельского и получила от него ответ в 1931 г. Кроме того, в 1933 г. я также получила письмо от польского консула, где он пишет мне, что мой муж Стебельский Михаил Яковлевич является дезертир польского войска. Для чего именно, а также для какой цели польский консул мне об этом написал, я не знаю»* [л.д. 14].

В деле имеется оригинал письма № 14818/1/33 от 28 марта 1933 г. из Консульства Речи Посполитой Польской в Киеве, ул. Карла Либкнехта, 1, в котором за подписью секретаря сообщается о лишении мужа Стебельской, Михаила, польского гражданства за дезертирство из армии (*«obywatelstwa polskiego za dezercję z wojska»*) [л.д. 10].

Вот, собственно, и весь набор компроматериалов на Стебельскую: родилась в семье помещика, жила с больным туберкулёзом поляком, который переписывался с роднёй в Польше и получал из-за рубежа доллары до самой своей смерти в 1930 году. Да, ещё и свидетельство о рождении получила обманным путём, хотя на этом факте следствие предметно не останавливалось: задача, похоже, была поставлена более значимая – изобличить законспирированного вражеского агента, зловердного польского шпиона. Это ж как сильно надо было полякам набить Красную Армию в 1920 году, что так называемый «польшпионаж» искали вплоть до начала Второй мировой!

Матильда Стебельская-Гекк наверняка стала одним из примеров в победных реляциях контрразведки НКВД СССР об успехах в борьбе с коварным противником. А как же: представительница чуждого класса, мало того, что сама по национальности немка, так ещё и муж – поляк, целое письмо от иностранного консула получила (правда, о лишении мужа польского гражданства за дезертирство, но, правда, всего лишь только через каких-то три года после его смерти).

В ходе допросов от неё постоянно требовали сознаться в подрывной деятельности, однако ответы Стебельской сводились к одному: «Лично я контрреволюционной и шпионской работой не занимаюсь. Признаюсь, что я действительно имела переписку с родственниками моего бывшего мужа Стебельского... на территории Польши, но я в этих письмах плохого не писала. Я лично считаю, что шпион тот, который выдаёт всякие планы, о расположении военных частей, который пишет о том, как живут у нас и т.д. Об этом я в этих письмах, что писала родственникам в Польшу, не писала. По части моей письменной связи с польским консулом, то действительно было так, но я ему лично не писала никогда, а в 1933 г. действительно получила письмо, где польский консул пишет мне, что мой муж Стебельский М.Я. является дезертиром польской армии. Как польский консул узнал мой адрес, мне не известно. Признаюсь, что в переписке с польским консулом я действительно виновна и отрицать этого не могу» [л.д. 20]. Последнюю фразу, как и мнение о том, кто такой шпион, можно рассматривать как издёвку Стебельской над тупостью следователя, все претензии которого сводились к письму от польского консула и беспочвенным обвинениям в шпионаже.

Уже 21 февраля 1938 г. сержант Клецель заявляет: «Следствие располагает данными, что Стебельский М.Я. – польский шпион и что он не умер, а жив, а что представленные вами документы фальшивые», на что Стебельская отвечает: «Подтвердить точно, что Стебельский действительно умер в этой санатории я не могу, ибо я его лично мёртвым не видела, по справке, выданной мне, видно, что Стебельский умер 7-го октября 1930 г., а я лично приехала в Сухум 14-го октября 1930 г.»

Продолжая ответ, Стебельская заявляет: «В октябре 1937 года на спиртоводочном заводе в г. Кирово ко мне подошёл неизвестный мужчина, который также получал водку из завода и грузил эту водку на подводу, этот незнакомый мне человек, зовут его Ваня, прямо подошёл ко мне и говорит: «Я Вас знаю, Вы есть жена Стебельского М.Я. Ваш муж Стебельский М.Я. является польским шпионом»... Откуда именно этот человек

я не знаю, я его видела в первый раз» [л.д. 27]. Чем объяснить такое заявление – придумкой самой Стебельской или неуклюжей попыткой чекистов подвести к ней «своего человека»?

Как ни странно выглядит этот эпизод, следовательно возвращается к нему при допросе 4 марта: «Вопрос: Скажите, гр. Стебельская-Гекк, почему Вы, зная о том, что Ваш муж Стебельский М.Я. был шпионом со слов неизвестного Вам «Вани», не поставили об этом в известность органы НКВД?

Ответ: Действительно, о том, что мой муж Стебельский был шпионом я лично узнала со слов незнакомого мне человека «Вани»... Об этом я не считала нужным заявить в органы НКВД, ибо считала, что его в живых нет и не о чем говорить. Где находится этот незнакомый человек «Ваня» я не знаю, ибо я его видела единственный раз» [л. 36-37].

Похоже, подобные попытки «подвода своего человека» делались не раз. В деле совершенно неожиданно появляется ещё один фигурант, а протокол допроса Стебельской от 22 февраля 1938 года начинается с прямого вопроса: «Скажите, в каких отношениях Вы находились с Даниловым А.В?

Ответ: Данилова Афанасия Васильевича я знаю с 1937года... Взаимоотношения мои с Даниловым очень хорошие. Данилов бывал у меня на квартире очень часто, была я с ним очень близка и делилась с ним обо всём... между мною и Даниловым имелась договорённость сойтись и жить вместе... Данилов спрашивал меня, действительно ли это верно, что у моего отца было около 1000 десятин земли, и что мой отец был помещик и лишился права голоса. Обо всём этом я подробно рассказала Данилову,.. несмотря на всё это, договорённость о женитьбе с Даниловым была решена» [л.д. 30]. Больше о Данилове не говорят, а брачные планы, естественно, разрушены. На допросе 28 февраля 1938 года Стебельская рассказала и о том, как в августе 1937 года с нею настойчиво и неоднократно пытался познакомиться приезжавший в Новомиргород из Кировограда директор 19 школы горнаробраза. Он покупал водку и приглашал её в кино и на прогулки, предлагал встретиться в Кировограде [л.д. 33, 34].

Почувствовав серьёзность сложившейся вокруг неё ситуации, Стебельская сделала попытку бежать из-под стражи. Подробности побега и задержания её через два дня после побега нет, кроме фразы из протокола допроса от 4 марта 1938 г.: «Совершая побег 25.02.1938 г. из-под стражи, я себе не отдавала отчёта, что я делаю преступление, это даёт основания предполагать, что я действительно шпионка и имела цель скрыться, но я всё это сделала необдуманно и потом пожалела об этом совершённом факте» [л.д. 37].

В тот же день, 4 марта 1938 года, Стебельской предъявляется постановление о привлечении её в качестве обвиняемой [л.д. 50]. Уже упоминавшийся нами Могильченко сочиняет обвинительное заключение по делу, в котором, в частности, пишет: «Стебельская-Гекк М.К. **в 1935 году выйшла** замуж за польского шпиона Стебельского Михаила Яковлевича, который в 1923 году нелегально перешёл границу СССР и занимался шпионажем в пользу Польши. Стебельский якобы **умер в 1930 году** в санатории г. Сухум» (выделено нами, В.Б.); «Стебельская-Гекк М.К. поддерживала связь с лицами, подозрительными на шпионаж и вообще контрреволюционно настроенными» [л.д. 51].

Несмотря на безграмотность, непоследовательное и, в ряде случаев, бездоказательное изложение информации, дело 12 марта 1938 года направляется для рассмотрения «в особом порядке». Выписка из протокола № 233 заседания тройки при УНКВД по Одесской области от 15 октября 1938 года: «Слушали: дело 3 отдела УГБ УНКВД по Одесской области № 27792/11230.

45. Стебельская-Гекк Матильда Карловна, 1904 года рождения, уроженка г. Нью-Йорка, США, дочь помещика, немка, гражданство СССР, образование низшее.

Была в тесной связи с карательным отрядом, выдавала революционно настроенных крестьян. Муж – польский шпион. Поддерживала связь с польским консульством в Киеве. Была связана с лицами, подозрительными по шпионажу.

Постановили: Стебельскую-Гекк Матильду Карловну рас-

стрелять. Имущество, лично ей принадлежащее, конфисковать и сдать в доход государства. Дело сдать в архив» [л.д. 52].

Приговор приведён в исполнении 25 октября 1938 года [л.д. 53].

История, однако, на этом не закончилась. Оказалось, «в Новомиргороде существовала контрреволюционная шпионская группа, руководимая Гекк-Стебельской», одним из участников которой был «назначен» ею брат, Гекк Иван Карлович, 1902 года рождения, без определённых занятий [д. № 11844-фпд, л.д.12]. Его дело слушалось на том же заседании тройки под № 57. Расстреляли брата в один день с сестрой, 25 октября 1938 года.

Данных о месте захоронения нет. Таким образом, с названием этой истории мы немного напутали: из Нью-Йорка, где она родилась, Матильда Стебельская-Гекк действительно прибыла в Новомиргород, но конечной точкой её пребывания оказалась безвестная яма где-нибудь в окрестностях Одессы. Билет и в самом деле оказался в одну сторону...

Стебельская реабилитирована по постановлению прокурора Кировоградской обл. от 6 июня 1989 года на основании ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов» [л.д.62].

Куплет для дуэта или частушка как вид антинародного творчества*

«Нам песня строить и жить помогает, она как друг и зовёт, и ведёт, и тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадёт». А и как жить без песни? Да ещё когда жить «стало лучше, жить стало веселее», как сказал товарищ Сталин. А в селе – ни света, ни радио... Церковь снесли, клуба не построили. Вот и пели, что слышали.

Из постановления о начале предварительного следствия: *«Ткаченко Павлина Семёновна и Ткаченко Мария Ивановна систематически занимались к-р розлагательской работой среди колхозников, чтобы к-зники не выходили на работу, составляли песни против руководителей партии и Правительства...» (28 июля 1937 г.) [л.д. 1].*

В своём постановлении от 27 июля 1937 г. прокурор Витязевского района Анохин нашёл: *«Ткаченко Павлина Семёновна... составляет к-р песни против руководителей партии и Правительства и эти песни поёт среди колхозников» [л.д. 3], в таком же постановлении в отношении Ткаченко Марии Ивановны он нашёл, что та, помимо «песенного творчества», занималась «розлагательской работой среди стахановцев с тем, чтобы таковые не выходили на работу» [л.д. 12] (орфография оригинала сохранена, прим. автора).*

Участницы «дуэта» содержались в тюрьме г. Кирова, где им 25 сентября 1937 года было объявлено о привлечении к суду в качестве обвиняемых [л.д. 4, 13].

Ткаченко Павлина (Паулина) Семёновна, 1887 г.р., уроженка и жительница с. Ставровка Витязевского р-на, из крестьян-середняков, иждивенка, малограмотная, в 1929 году была под судом за подстрекательство женщин к разбору лошадей из колхоза. Её родственница (жена брата мужа), Ткаченко

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 1934

(Гичка) Мария Ивановна, 1904 г.р., ур. г. Бобринец, проживавшая в с. Ставровка, колхозница, родом из семьи кузнеца. Её отец, Гичка Иван Тимофеевич, работал до 1928 года в собственной кузне в с. Буховецкое, имел двух учеников-подмастерьев, не раскулачивался, но был обложен «твёрдым налогом», вследствие чего в 1930-31 году выехал в г. Краматорск [л.д.24]. К моменту ареста у Ткаченко было четверо детей: Рая, 12 лет, Нина, 10 лет, Леонтий, 6 лет и Владимир, 2 лет от роду.

Обе Ткаченко (в материалах дела они часто фигурируют как Ткаченковы, [л.д.64-65]) колхозную реальность воспринимали без описанного в газетах и книгах того времени энтузиазма, жаловались на низкий уровень жизни и практически бесплатный труд, однако в качестве основного обвинения им выдвигалось именно распевание «к-р песен» [л.д.31, 35-40]. Вот как это отражено в протоколе допроса одного из свидетелей: *«Ткаченко Мария стала петь песню к/р характера, направленную на подрыв авторитета руководителя партии и правительства, в похабной форме упоминая Гитлера, одновременно на подрыв мощи колхоза»* [л.д. 33].

Ткаченко Мария: *«в мае месяце я была в больнице в ожидании приёма, возле меня сидел незнакомый мальчик и пел: «день, день, трудодень, дайте хлеба хоть на день»* [л.д.24]. Она спела эту частушку в присутствии троих соседей.

Выписка из протокола заседания тройки при УНКВД по Николаевской области от 4 декабря 1937 года в отношении Ткаченко: за *«антисоветскую агитацию»*, выступления *«против мероприятий партии и правительства»*, *«клевету на Советскую власть и руководителей партии и правительства»*, *«распространение к-р песни»* заключить в исправтрудлагерь сроком на 10 лет» [л.д. 46, 47].

Отбывала (Мария) в Кировской обл., Кайский р-н, Вятлаг НКВД [л.д.57].

В мае 1939 года по неоднократным жалобам мужа и детей Марии Ткаченко в соответствующие инстанции [л.д.54-60] областного управления дела по её осуждению были направлены на повторное расследование. При этом было установлено, что сви-

детели допрашивались с нарушениями норм соэзаконности, отдельных из них принуждали подписывать, не читая, протоколы их допросов [л.д.68], справки, отрицательно характеризовавшие Ткаченко, были выданы сельсоветом по принуждению сотрудника НКВД и т.п. Фактов проведения враждебной антисоветской деятельности не установлено. Постановлением УНКВД по Кировоградской обл. от 15 августа 1939 года решение тройки по Николаевской области от 4 декабря 1937 года отменено, а осужденных Ткаченко Павлину Семёновну и Ткаченко Марию Ивановну признано необходимым из-под стражи освободить [л.д. 82-83]. Дело сдано в архив. Можете не верить, но такое, пусть и нечасто, но происходило. Вот уж действительно: *«тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадёт»!*

Теперь о «камне преткновения», то есть о песне. Из разрозненных в деле материалов можно восстановить её текст: *«Сидит баба в бурьяни и считает трудовни, день – трудовень, дай, Сталин (вариант – Гитлер) хлеба хоть на день»*. Трудовень представлял из себя условную единицу оплаты труда членов колхоза. Трудовни начислялись по-разному, в зависимости от рода исполнявшейся работы и от отношения бригадира/учётчика к конкретному работнику. Натуроплата по трудовням выдавалась, как правило, в конце сельскохозяйственного года. Денежная оплата была очень незначительной, потому колхознику было непросто приобретать товары промышленной группы (одежду, обувь, инструменты и инвентарь). Только и оставалось, что петь...

Юбка «антисоветчицы»*

Врагов с такой фамилией, как говорится, даже и врагу не пожелаешь. Её девичья фамилия в деле не фигурирует, а по мужу она – Запекла, что особенно выразительно звучит на украинском. В 1929 году семью как кулаков выселили за пределы Украины на север, в Вологодский округ, где глава семьи, Антон Запеклый, в 1930 году умер. Дарья Радионовна Запекла, 1892 года рождения, с детьми, Стефанией, 1916 г.р., Григорием, 1921 г.р. и Лидией, 1924 г.р. в июне 1935 года с места поселения сбежала и прибыла в Устиновский район, где и остановилась на жительство на хуторе Ленинка Степановского сельсовета [л.д.20]. Здесь её старшая дочь вступила в колхоз «Перебудова села», а мать числилась при дочери и самостоятельно заявления о предоставлении ей членства в артели не подавала. При разукрупнении колхоза «Перебудова села» осталась трудиться в артели под названием «10 съезд ЛКСМ».

По подозрению в проведении *«контрреволюционной агитации, направленной против мероприятий партии и Советской власти на селе»* 28 июля 1937 года её арестовывает Устиновское райотделение УНКВД УССР по Одесской обл. [л.д 2]. Свидетели Шаповалов П.А., Волченко П.Ф., Шаповалов Р.А., Шаповалова О.А. сообщили, что она в начале уборочной кампании 1937 года среди колхозников говорила: *«Вы знаете, раньше лучше было жить, вот мы раньше меньше работали, а лучше кушали, было хлеба вдоволь, никогда не голодали, а теперь знают одно: забирают хлеб до зерна в государство, а вы, колхозники, оставайтесь как хотите босые и голые»;*

«Сколько ни работай, всё равно колхозникам ничего не останется, всё заберут. Разве оно наше? Нас только дурят, чтобы мы работали лучше. Говорят, что хозяева колхозники, а берут – нас не спрашивают»;

«Скирдовать не пойду, пусть скирдают стахановцы и те,

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 8977

кто сидят в районе! Что мы на них работаем, разве это наше, что мы будем убирать»;

«Я не хочу работать, у меня не в чем работать! Пусть работают стахановцы, которым вы даёте мануфактуру» [л.д. 8-18].

Начальник Устиновского РО УНКВД Костюшенко допросил Запеклу 5 августа 1937 года, однако та полностью отрицала предъявленные ей обвинения в проведении антисоветской агитации. По поводу же отказа от работы на скирдовании, она пояснила: *«Я действительно говорила бригадиру, что у меня только одна юбка, и просила его, чтобы он меня поставил на погрузке соломы, а не на возке соломы гарбой»* [л.д. 20-21].

Современному, особенно молодому, читателю сложно даже представить тогдашний уровень бедности населения, отсутствие элементарной верхней одежды, чулочно-носочных изделий, нижнего белья. Неудивительно, что немолодая вдова с тремя детьми, да ещё и раскулаченная, то есть, лишённая жилья и домашнего скарба, так переживала по поводу своей единственной юбки! Вот только сытый голодного не разумеет!

Следственное дело с обвинительным заключением по нему было 10 августа 1937 года направлено в судтройку УНКВД по Одесской области *«для применения меры соцзащиты»* [л.д.22], а уже 1 сентября 1937 г. Запеклой определили эту самую «меру»: 8 лет исправтрудлагерей, где её след и пропал.

Реабилитирована заочно 21 апреля 1989 года [л.д.26], но сообщать об этом было некому.

За чистоту рядов...*

История коллективизации полна примеров трагических судеб крестьян. Выполнение задачи накормить Красную Армию, не дать умереть от голода городскому населению повлекло за собой суровые репрессии против крестьян-сторонников единоличной обработки земли. Типичной в этом плане есть судьба Фёклы Мироновны Кожемякиной, 1891 года рождения, уроженки и жительницы Устиновского (тогда его название писали как «Устимовский») района Кировоградской области.

В 1929 году её и её мужа, Петра Филипповича, раскулачили на хуторе Заводском Медовского сельсовета, а чуть позже, в 1930 г., в порядке массового выселения кулаков, вместе с сыном Василием, 14 лет, и дочерью, Еленой, 16 лет, отправили на жительство в «Вологодский округ Северного края» [л.д.25]. Муж в 1932 году умер, а дети ушли и судьба их неизвестна.

Весной 1932 года Кожемякина с места поселения скрылась, работала несколько лет в различных совхозах на Севере, а в 1936 году прибыла на Украину, где в 1937 году поступила (в материалах дела это определено как «**проникла**») в члены артели им. Энгельса Устиновского района. Здесь «Кожемякина, будучи членом колхоза, стала разлагать колхозников, заявляя последним: «Сколько ни работайте, всё равно ничего не получите, это всё работаем даром»; «Пусть будет и уборочная, а выходной день должен быть» [л.д.26, 17].

Односельчане по-разному относились к Кожемякиной. Одни предлагали, ссылаясь на новую Конституцию СССР, вернуть ей дом, конфискованный при раскулачивании, другие, наоборот, были против этого. Претензий к качеству работы Кожемякиной в ходе следствия не выявлено, но вот за «**антисоветское проявление со стороны бежавшей с высылки кулачки Кожемякиной Ф.М. среди колхозников**», она была 29 июля

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 8973

1937 года арестована бывшим Устиновским РО УНКВД УССР по Одесской области и 11 сентября того же года судебной тройкой при УНКВД по Одесской обл. приговорена к лишению свободы сроком на 10 лет в исправительно-трудовых лагерях [л.д.27]. Реабилитирована в массовом порядке 7 апреля 1989 года [л.д.30], сведений о её судьбе в деле нет.

А пропал человек – исчезла и проблема. Прекрасный способ борьбы за чистоту колхозных (и не только!) рядов!

Позднее прозрение*

Говорят, что «умение – хорошо, а везение – лучше». Чернецкой Антонине Филипповне не повезло: оказалась не в то время не в том месте.

Чернецкая А.Ф. родилась 18 февраля 1897 года в с. Чарно-ляс Радомской губернии в Польше (в то время Польша входила в состав Российской империи). Училась в Варшаве в институте благородных девиц (её отец, Филипп Павлович, воспитанник одного из польских магнатов, князя Сангушко, был управляющим экономии этого князя в с. Кобзаревка Новогеоргиевского района. Семья приехала на жительство в Украину ещё до Первой мировой войны). Несмотря на дворянское происхождение, в 1908-1912 гг. даже состояла в студенческой боевой организации в Варшаве. Прибыв по окончании учёбы к родителям, Чернецкая два года учительствовала, а затем занялась портняжничеством [л.д. 31]; принимала активное участие в женской работе, в 1922-23 гг. избиралась депутаткой на окружной женский съезд, состояла кандидатом ВКП(б), откуда вышла по собственному желанию [л.д. 8].

После смерти родителей в 1926 или 1927 году стала ходатайствовать о выезде в Польшу, по этому вопросу посещала польского консула в Харькове. В 1929 году через сельсовет получила отказ в разрешении выезда в Польшу, поскольку выехать можно было только до 1922 года. В этот день односельчане видели её плачущей [л.д.6].

В апреле 1931 года ГПУ начинает разбираться с «крестьянскими волынками», выступлениями против колхозов, в ходе чего допрашивает некоего Епика Семёна Федосеевича, упомянувшего и фамилию Чернецкой, которая якобы рассказала ему, что *«она принимала активное участие в том, чтобы добиться самостоятельности Украины по примеру её родины, Польши. Как довод лучшего осуществления существования самостоя-*

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 10159

тельной Украины в будущем она указывала на теперешнее лучшее положение Польши, о которой она говорила, что сейчас там живётся хорошо, что там всё включительно до хлеба дешево. Для того, чтобы достигнуть лучшей жизни на Украине, нужно как можно скорее Украине от Советского Союза отделиться. Этого нужно достигнуть путём организационного восстания внутри страны». Со слов Епика, Чернецкая также предложила ему организовывать повстанческие ячейки по сёлам [л.д.28-29].

В качестве свидетелей были допрошены Хлевной Савва Карпович и Сокуренок Григорий Антонович, которые никаких конкретных сведений в отношении Чернецкой и её возможной подрывной деятельности не сообщили, упомянув лишь о её знакомстве со священником Кордуновским [л.д. 31-33]. (Нам знакомство священника с учительницей в условиях проживания в небольшом селе или даже в соседних населённых пунктах кажется вполне естественным и не обязательно должно свидетельствовать об организованной враждебной деятельности).

Будучи допрошенной в качестве обвиняемой, Чернецкая 18 мая 1931 года показала: «весной в марте 1931 года ко мне в квартиру зашли Хлевной Степан Саввич и Хлевной Гавриил Матвеевич. Хлевной С.С. начал говорить: «Учительство ничего не работает, никакого просвещения не делает нам. Что вы, не видите, что пань и жида над нами взяли власть?» Как дополнительно рассказала Чернецкая, указанные лица были пьяны.

Чернецкая по просьбе священника Кордуновского готовила его дочку к школе, поэтому в доме бывала часто. «Помню, один раз в марте месяце 1939 года я зашла к попу Курдиновскому, где увидела пьянствующими попа Кордуновского, Епика Семёна и ещё каких-то женщин. Когда я зашла, то Епик спросил, поздоровавшись: «Что же это ваша Польша спит и до сих пор не выступает? Я вижу, что Советская власть скоро лопнет, ибо она всем надоела, и мы как организуемся, то тогда это всё лопнет», а потом начал хохотать Кордуновский с женой стояли и хохотали.

Другой раз я той же весной в квартире попа Кордуновского

встретила Сокуренько Григория, то он там мне сказал: «Коли ж вже нас Польща спасе?» Всем я отвечала, что Польщу знаю из истории, а если вы хотите знать, то читайте газеты и вы будете знать» [л.д. 34-35].

2 июня 1931 года ГПУ допросило в качестве обвиняемого Кордуновского Фёдора Ивановича, 1898 г.р., который, не проявив присущей христианским праведникам стойкости и поступив как один печально известный апостол, сообщил следствию: *«Впервые о существовании к/р повстанческой организации я узнал от Епика Семёна, кроме того, об этой организации мне рассказывал Сокуренько Григорий... организация преследовала цель свержения Советской власти путём вооружённого восстания... Подводя итог всему сказанному, я заявляю, что я знал о существовании к/р повстанческой организации в нашем с. Григорьевка и окрестных сёлах, знал, что идейным вдохновителем этой организации являлась Чернецкая Антонина... Организатором этой повстанческой к/р организации являлся Епик Семён, у него я видел оружие (наган)... Признавая себя виновным в том, что я знал о существовании к/р повстанческой организации, способствовал её деятельности, вполне раскаиваюсь в совершённом преступлении» [л.д.38-39].*

Как интересный документ той мрачной и странной эпохи можно рассматривать заявление председателя Кобзаревского сельсовета Мардичко уполномоченному ГПУ: *«Тов. Фірсов! В межах Козарівської сільради мешкає гр-ка Чернецька А.П., коротенька характеристика. Ця гр-ка по національності полячка, між іншим, страшна національність, має вищу освіту, тобто, за старого часу закінчила інститут благородних дівч, дворянського походження... Сама ця особа перебувала у компартії, вийшла з партії «по своєму власному бажанню: не могла переносити грубостів більшовиків», так це сповіщає вона сама.*

Працювала учителькою, залишила учителювати по своїм міркуванням, каже, що «для Советської власті працювати не хочу»... Увесь час ходатайствує, щоб їй видали документа на право виїзду за кордон у Польщу. Ну, справа у тому, що вона займається антисоветською роботою.

По-перше, вона займається шитвом, до неї скупляються жінки, цих жінок вона використовує в напрямку розвалу колгоспу... сама вона теж вступила в колгосп і наряду з цим каже, що працювати в колгоспі не буду, это для меня нізко бити вместе з мужиками. Зараз я їй вручив повідомлення, що їй відмовлено у виїзді за кордон, то вона на ґрунті цього агітує, що Радянська влада дуже знущується з невинних людей, просто ігнорує, а то більше тероризує населення, дає в руки козиря Кобзарівським куркулям.

До цього всього займається ворожінням, передсказує майбутнє. Моя власна думка, що при Кобзарівській атмосфері, при тому, коли крім мене, тут партійних сил немає, треба сказати, що й активу мало, такий агітатор, як ця Чернецька А.П. має велике значення в Кобзарівці. Я думаю, що ви звернете увагу...» [л.д.42].

24 августа 1931 года были проведены очные ставки Чернецкой с Епицом, Хлевым и Кордуновским, в ходе которых Чернецкая отрицала как своё участие в каких-либо контрреволюционных повстанческих организациях, так даже и разговоры о них [л.д. 43-51]. Доказать обратное следствие не смогло.

26 августа «уполномоченный СПО Полтавского сектора ГПУ УССР Кошелев допросил в качестве обвиняемой гр. Чернецкую, которая дала о себе такие сведения: Чернецкая Антонина Филипповна, 1897 года рождения, с. Чарноляс Радомской губ., дворянка, имущества недвижимого нет, УССР, высшее (институт благородных девиц), полька, девица, учительница, прекратила работать по найму с 1924 года, занималась рукоделием, не судилась, беспартийная, была канд. КП(б)У (выбыла по собственному желанию). Не член профсоюза, с. Кобзаревка Ново-Георгиевского района, из дворян.

Свои предыдущие показания подтверждаю, ни в какой к/р повстанческой организации участия я не принимала, идейной вдохновительницей я не была, о существовании ея я не знала. Протокол записан с моих слов правильно. Чернецкая» [л.д.50].

31 августа по делу было составлено обвинительное заключение, в котором, в частности, говорится: «В результате след-

ствия по делу разветвлённой к/р повстанческой организации, существовавшей на территории Н.-Георгиевского района, и ставившей конечной своей целью свержение Советской власти путём вооружённого восстания, выяснилось, что одним из идеологических организаторов её явилась Чернецкая Антонина Филипповна.

Будучи по происхождению дворянкою, Чернецкая получила воспитание в Варшаве в институте благородных девиц. Вполне понятно, что происхождение, воспитание выработали узкобуржуазные, шовинистические взгляды. В первые дни революции Чернецкая мирилась с революционным движением, сама стала принимать участие в общественно-политической жизни, некоторое время была кандидатом КП(б)У, но потом её панское и национально-шовинистическое самолюбие было ущемлено случайно правдиво брошенным ей упрёком, что она дворянка. Результатом этого чванливого панского самолюбия явилось её самовольный уход с партии, с общественной, политической работы и вообще с работы по своей профессии – учительницы. С этого момента, т.е., с 1924 г. А.Ф.Чернецкая стала на путь мести Советской власти за своё поруганное панское самолюбие.

С этой целью Чернецкая, оставаясь на селе, занялась портняжесством, чтобы лучше и легче проводить к/р деятельность, так как в разговоре с заказчиками незначительными фразами можно не только посеять сомнение, но и укрепить антисоветские взгляды, а порою и толкнуть на активные действия против Соввласти...»

Не нужно иметь юридической подготовки, чтобы увидеть в тексте данного документа, призванного быть строго процессуальным по форме и содержанию, элементы заказной газетной статьи с лирическими рассуждениями и необоснованными предположениями. Наше мнение подкрепляет и ещё одна цитата из этого заключения: «Чтобы более замаскировать свою к/р деятельность, Чернецкая возбудила ходатайство о своей поездке на родину в Польшу. Для этой цели она лично ездила в Харьков к польскому консулу, последний, по всей вероятности,

зная её антисоветское настроение, поручил ей проводить к/р повстанческую работу среди селян с целью подготовки селян к восстанию против Соввласти в тот момент, когда начнётся интервенция. Дальнейшая деятельность Чернецкой такое предположение подтверждает...

В заключении отмечено, что «несмотря на ряд предъявленных очных ставок, обличающих Чернецкую А.Ф. в её к/р деятельности, направленной к свержению Соввласти путём вооружённого восстания, Чернецкая виновной себя в этом не признаёт». При всём этом следствие ходатайствовало о применении к Чернецкой «меры соцзащиты 10 лет концлагеря» [л.д. 53-54].

22 октября 1931 года Особое Совещание при Коллегии ГПУ УССР, протокол № 149/74, постановило: «Чернецкую Антонину Филипповну выслать через ПП ОГПУ в Северный край сроком на три года, считая срок с 20.05.31 г. К месту ссылки направить этапом. Дело сдать в архив» [л.д. 55]...

...Долго в архиве дело не пролежало. Вернувшись из ссылки досрочно в феврале 1934 года сначала в Кобзаревку, а затем переехав в Новогеоргиевск, Чернецкая снова попала в поле зрения карательных органов. Уже 13 августа 1937 года она была арестована по ст.ст. 54-10, 54-6 (шпионаж). На первых допросах 13, 21, 22 и 28 августа она полностью отвергала предъявленные ей абсурдные обвинения в шпионаже, после чего следствие сосредоточилось на выявлении и подтверждении фактов и эпизодов антисоветской агитации со стороны Чернецкой.

Интерес представляет дополнительный протокол допроса Чернецкой от 28 августа, который начинается вопросом: «На протяжении 14 дней Вы упорно запираетесь и на допросах говорите следствию ложь. Следствие требует от Вас искренних, чистосердечных показаний о Вашей контрреволюционной шпионской деятельности» [л.д.14-15]. Поскольку Чернецкую уже допрашивали 28 августа [л.д.13-14], то позволим себе предположить, что дополнительный допрос производился в ночное время с целью оказания давления на подсудимую (время начала и окончания допроса, вопреки процессуальным нормам,

не указано). Чернецкая признала, что говорила с колхозницами об их тяжёлой жизни: *«женищинам в колхозе живётся тяжело, работают они много, а заботы о них от власти нет»* [л. д.15], вспомнила также разговор с учительницей Выхрест, в ходе которого сказала, что *«война между СССР и фашистскими странами Германией, Италией и Японией неизбежна, так как эти страны усиленно готовятся против СССР. Во время войны выступают против Советского Союза Польша, Латвия, Литва и Румыния, война продолжаться долго не будет: если в фашистских странах слаба подготовка революционной почвы, то в предстоящей войне будет гибель Советской власти»* [л.д.15].

Следующий допрос проводится 7 октября 1937 года. Сержант госбезопасности Рог в который раз пытается добиться от Чернецкой признательных показаний: *«Вопрос: Следствием установлено, что Вы проводили шпионскую и проч. к.р. деятельность по заданиям иностранных разведорганов, поэтому категорически требуем от Вас дачи показаний по существу. Последний раз предупреждаем и даём Вам возможность изложить все обстоятельства причин, толкнувших Вас на путь к.р. деятельности. Вы намерены изложить чистосердечные обстоятельства?»*

Ответ: *По существу поставленных вопросов я дать показаний каких-либо не могу, так как ни от кого заданий в контрреволюционной работе не получала. О всём, в чём я виновата, я дала чистосердечные показания ранее, но я не считала, что высказывания, которые я проводила, являются контрреволюционной деятельностью»* [л.д.17].

15 октября, не добившись от Чернецкой самооговора, следствие начинает работу со свидетелями Ерёменко Петром Андреевичем, Конограем Тимофеем Семёновичем, Рыбалко Николаем Андреевичем [л.д.18-22], однако они подтверждают только слова Чернецкой о тяжёлой жизни колхозников и о возможной войне с фашистскими странами. Рыбалка вспомнил, что в 1934 году Чернецкая сказала ему, что не может переносить порядков в СССР и что если ей не дадут выехать в Польшу, то она покончит жизнь самоубийством [л.д.21].

В обвинительном заключении по делу Новогеоргиевское РО УНКВД припомнила Чернецкой её осуждение в 1931 году и отметило якобы проводившуюся ею антисоветскую агитацию после отбытия наказания, ссылаясь на цитировавшиеся нами показания свидетелей «и *приложенное к делу ДФ*» [л.д.23]. (Наша справка: ДФ – дело-формуляр, оперативная разработка с данными от агентуры и оперативно-технических мероприятий, то есть, нелегализованными материалами). Чернецкая *«обвиняется в шпионской деятельности в пользу одного из иностранных государств, расположенных по соседству с СССР и изобличена в к/р агитации среди окружающего обвиняемую населения Новогеоргиевского района»*.

...Информация в тюрьме распространяется быстро. То, что её больше не вызовут на допрос, Чернецкая почувствовала, когда одна из сокамерниц обратилась к ней так, как её когда-то называли в селе – «барышня». Она лежала на спине и удивлялась, как она, польская дворянка, смогла принять идеи еврея из Трира и почему так поздно отказалась от них; почему не нашла таких, как сама – умных и честных, не объединилась с ними и не повела вечно недоедающих и полураздетых лапотников на борьбу за достойную труженика жизнь; почему... почему... почему...

Её поставили на колени лицом в угол маленькой каморки, в которой запах хлорки безуспешно боролся с тяжёлым запахом крови. Затылка коснулся прохладный металл и сразу же кожу и волосы обожгла вспышка пороха. Душа, вылетая из сползшего на пол тела, оглянулась: «Ну почему же ты не думала раньше?»...

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 18.10.1937 г., протоколы №№ 129 и 41 Чернецкая Антонина Филипповна осуждена к расстрелу, решение приведено в исполнение 29 октября 1937 года [л.д.24].

Реабилитирована 27 августа 1989 года [л.д.26]. О том, насколько «глубоко, вдумчиво и по-партийному принципиально» относились к реабилитации в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого уже века, красноречиво свидетельствует маленькая

деталь: после реабилитации об этом положено сообщать фигуранту дела (если жив) или его ближайшим родственникам. Так вот, занимавшиеся реабилитацией нашли в анкете обвиняемой упоминание о племяннике Чернецкой, Чернецком Густаве Ивановиче, по сведениям на 1937 год проживавшем в Польше, г. Радом (л.д. 7), которого пытались в 1989 году разыскивать почему-то на территории Кировоградской обл. [л.д.25].

Есть вещи, которые не меняются никогда...

Аптекарь как враг народа*

Начало XX века в Российской империи отмечено, в числе прочего, высоким всплеском антисемитизма. Это и еврейские погромы, и уничтожение представителей этого народа почти всеми воинскими и бандитскими формированиями, заходившими в города, сёла и местечки зоны военных действий.

Девочка осиротела в 12 лет, людей, убивших её родителей, она называет «казаками». Она не делает разницы: казаки белые, красные или зелёные – для неё они просто всадники. Ребёнок должен жить в семье, и эту семью (или её подобие) девочка пытается находить среди дальних родственников, в различных молодёжных объединениях. Оказалось, она права.

30 сентября 1927 года уполномоченному СОО (секретного оперативного отделения) Зиновьевского окружного отдела ГПУ Тейтелю Л.М. был выдан ордер № 52 на арест Аптекарь Хавы Яковлевны, 1907 года рождения, уроженки с. Вороное Уманского округа, еврейки, девицы, из мещан, беспартийной, безработной, члена союза «Нарпит», проживавшей по ул. Нижне-Донской, 102. В тот же день Аптекарь арестовали, обвинили по ст.54-4 УК УССР («Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности, влечет за собой – лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особоотягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым, гражданства Союза ССР и

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 4026

изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества») и поместили под стражу в комендатуру окротдела ГПУ. На первом (и единственном!) допросе 30.09.1927 г. она рассказала: «Родители мои убиты бандой казаков в 1919 г. в с. Вороное Уманского р-на. По причине, что у меня не было никого из родных, я в 1923 г. приехала к дяде, Пинусу Давиду, проживающему по Нижне-Донской, 102.

По приезде в г. Зиновьевск я поступила в 10-ую трудовую школу, которую я окончила в 1925 году в июне м-це. По окончании школы я уехала в с. Вороное м-ца на три. По возвращении в Зиновьевск я поступила домашней работницей к Столинскому Гершу, проживающему по Пашутинской улице, № 3. У последнего я проработала до марта 1927 года. В конце 1925 года я вступила членом союза «Нарпит». В сентябре-октябре 1926 года я была избрана чл. окружного правления союза «Нарпит», каковым и состою по сие время. В марте 1927 года я уехала в Киев, где пробыла несколько дней. В Киеве я проживала у Козаринского Миши, студента Инархоза, по какой улице он проживал я не помню. Из Киева я уехала в Умань, где проживала по ул. Парижской Коммуны, № 55. Приехала я в Зиновьевск обратно недели три тому назад. На предложенные мне вопросы я отвечаю, что никогда ни в каких сионистских организациях, в частности, Единой Всероссийской организации сионистской молодёжи я не принадлежала и не принадлежу» [л.д. 2].

3 октября 1927 года помуполномоченного Зиновьевского окротдела ГПУ А. Фукс допрашивает находящегося под следствием за принадлежность к Зиновьевской организации ЕВОСМ Хромченко Ханина Иудовича (**при таком-то отчестве и не предать своих?!),** 1907 г.р., прож. ул К. Маркса, 47, который показал: «В конце 1925 г. комитет Зиновьевской организации ЕВОСМ состоял из следующих лиц: Хана Янкович, Хава Аптекарь и я. После арестов сионистов организация начала распадаться и приблизительно в марте или апреле м-це 1926 г. в ор-ции осталось человек 10-12, из которых выбрали новый комитет, в который вошли: я, Роза Навроцкая и Хава Аптекарь. В августе м-це я был арестован Зин. окротделом ГПУ, с

Иссахар-Бер Рыбак. Евреи бегут от погрома

того времени я Хава Аптекарь больше не видел... эти же показания мною даны были при допросе в окротделе ГПУ 3 марта 1927 г.» [л.д. 6].

25 октября 1927 года тот же Фукс допрашивает Лещинскую Геню Ильичну, 1911 года рождения, ур. м. Константиновки Николаевского округа, из мещан, девицу, со средним образованием, ученика по броне Госбанка, прож. по адресу ул. Пермская, дом Спивака. Шестнадцатилетняя девушка сообщила, что «в 1922 году в г. Зиновьевске был еврейский скаутский отряд. В 1922 г. нач. отряда был Вальтер Дон. В этом отряде была и Хава Аптекарь. Не помню, в какое время выделилась ор-ция ОСМ. Аптекарь Хава была членом указной ор-ции. В начале 1927 г. в г. Зиновьевск приехал член ЦБ Соцмола Вальтер Дон для ор-ции группы Соцмола. Группа была создана из 8-9 человек, Хава Аптекарь была то время членом этой группы. После высылки из г. Зиновьевска членов фракции Соцмола Аптекарь вошла членом фракции и была ответственна за работу таковой. В ор-ции Соцмола она состояла до последнего времени моего пребывания в ней, а также была членом местной ор-ции ЕВОСМ» [л.д. 8].

30 октября 1927 года Хаве Аптекарь изменяют меру пресечения и освобождают под подписку о невыезде, однако уже 13 января 1928 года выносят постановление о прекращении за недоказанностью уголовного преследования и о применении к Аптекарь как к «социальноопасному элементу» административной высылки из пределов УССР в местность без компактного проживания еврейского населения сроком на три года [л.д. 11-14]. 20 апреля 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановляет: «*Аптекарь Хаву Яковлевну выслать через ПП ОГПУ в Казакстан сроком на ТРИ года*» [л.д. 26], а 3 ноября 1929 года – «*во изменение прежнего постановления Аптекарь Хаве Яковлевне, в случае получения ею заграничного паспорта, разрешить выезд в Палестину через один из южных портов СССР*» [л.д. 24]. С выездом в землю обетованную по каким-то причинам не получилось, по отбытии срока наказания Хаве Аптекарь постановлением ОС от 13.01.31 г. было запрещено проживание в Московской и Ленинградской областях, Харьковском, Киевском, Одесском округах, СКК, Дагестане, ЦЧО, а постановлением от 23.01.31 г. – ещё и в УССР, Крыму, БВО, Казани, Иркутске, Чите, Тифлисе, Омске и в Омском районе. 23.01.31 г. её дополнительно приговаривают к высылке на Урал сроком на три года [л.д. 38]. Прибыла ли она к месту ссылки, отбыла ли отмеренный ей срок, выжила ли, в конце концов – неизвестно. Последний документ в деле на Аптекарь – «дежурное» заключение прокуратуры Кировоградской обл. от 16.02.1994 года о её реабилитации.

Душок денег*

Циничная точка зрения, что, мол, «деньги не пахнут», характерна для современности. Когда-то так не считали. Согласитесь: некоторые деньги пахнут, по крайней мере от них идёт душок. От денег, о которых хотим рассказать, изначально паховало серой, так как были они «от лукавого». «Диавол» явился этой девушке в образе жандармского ротмистра (аналог звания современного капитана) Бригера.

Здесь необходимо небольшое отступление. Одно из наименований дьявола, «Люцифер», в вольном переводе означает «лучезарный», «несущий свет». Именно с подобной темой – нести свет – и обратился его благородие господин ротмистр Бригер, предложив «освещать» настроения и политические взгляды студенческого коллектива. Девушка происходила из бедной семьи, материально обеспечена была плохо, потому и согласилась помочь ведомству «голубых мундиров». Понимая, что поступок её с точки зрения общепринятых моральных принципов не совсем этичен, успокаивала себя, что, мол, деньги брать будет, а жандармам соврёт. Так, по её словам, всё и получилось. Работая негласным сотрудником Киевского губернского жандармского управления с конца 1915 года по осень 1917 года под псевдонимом «Макаренко», она никаких сведений о жизни студенчества, которые нельзя было бы получить официальным путём, не предоставляла. Письменных отчётов агента «Макаренко» её почерком и с её подписью в материалах КГЖУ не выявлено, обнаружены только отметки о выплате ей вознаграждений на общую сумму 430 рублей.

Казалось бы, всё по пословице: «И невинность соблюли, и капитал приобрели», ан нет, сребренники жандармского управления, пахивавшие адской серой, свой душок не утратили: в 1917 году газеты «Киевская мысль» и «Киевлянин» опубликовали списки осведомителей и провокаторов, в которых фигу-

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 14174

рировала и фамилия жительницы города Елисаветграда Чистяковой Марии-Вильгельмины Юльевны, 1885 года рождения, из мещан, с 1913 года слушательницы Высших медицинских курсов для женщин в г. Киеве.

Спустя почти 10 лет помоперуполномоченного секретно-оперативной группы Зиновьевского окротдела ГПУ Тейтель подаёт своему руководству рапорт, в котором пишет: *«Мне сообщили, что 16 ноября 1926 года подсудимый Маевский во время разбора его дела в окрсуде при выступлении свидетельницы Чистяковой Марии Юльевны заявил, что она была сотрудница охранного отделения и об этом было якобы опубликовано в киевской газете. Упомянутая,... будучи вызвана мною, сообщила, что она работала осведомительницей по Киевскому женскому институту с конца 1915 г. под кличкой «Макаренко» у ротмистра Бригер. Она должна дать подробное заявление по существу»* [л.д.1].

Заявление [л.д. 3-6] Чистяковой содержит действительно достаточно подробное описание её жизни. В 20-летнем возрасте она уехала «в Очаков на службу в качестве гувернантки в дом начальника очаковского полигона полковника Алексинского». Время было революционное, и молодая девушка, «не имея никаких связей или знакомств с революционерами, не состоя ни в какой партии, старалась по литературе докопаться до сути дела всяких революций вообще и русской в частности». Полученными знаниями гувернантка делилась с солдатами-денщиками, которые пребывали при доме своего командира. Об этом стало известно её хозяевам, которые искренне уговаривали девушку «не губить себя», так как «революция до добра не доведёт» [л.д.3]. Не довела: после визита жандармского офицера пришлось уехать домой.

В 1909 году, уже будучи замужем, Чистякова выезжает в Ялту, точнее, в Ливадию, куда её муж был командирован для устройства дворцовой телефонизации; устраивается гувернанткой в дом некоей Сверчевской, слушательницы историко-филологических курсов в Москве, социал-демократки по убеждениям. Через некоторое время Сверчевскую высылают

из Ялты, она предлагает Чистяковой уехать с ней в Италию, но та отказывается, не желая расставаться с мужем на неопределённое время.

Жандармы не оставляли её своим вниманием, предлагали информировать о жизни и деятельности революционеров за границей (намекая на Сверчевскую), однако Чистякова не согласилась. Её выселили из Ялты, поскольку такие, как она, «красноглазые» (т.е., сторонники социал-демократии) не могли пребывать поблизости от места нахождения императорской семьи. До 1912 года Чистякова сделала несколько попыток остаться в Ялте, поближе к мужу, но, даже после ряда визитов к полицмейстеру Думбадзе, ей это не удалось. Они с мужем вернулись в Елисаветград, а в 1913 году она поступила слушательницей в женский медицинский институт в г. Киеве.

В декабре 1915 года Киевское губернское жандармское управление привлекло её к негласному сотрудничеству, от которого Чистякова, по её словам, старалась увильнуть: информацию о настроениях в студенческой среде не предоставляла, вступить в партию эсеров по заданию охранки отказалась. Спустя месяц после Октябрьской революции её имя было опубликовано в прессе в списках провокаторов, хотя предательством Чистякова не занималась и никому реального вреда не причинила. Новая власть её тем не менее арестовала, *«посадили в клоповник при участке на трое суток, затем перевели в Лукьяновскую тюрьму... Целых 65 дней нужно было знаменитой следственной комиссии, что-бы убедиться, что не найти ей обвинительного материала, и, наконец, меня выпустили, когда я уже потеряла всякую надежду выйти на свободу. Ну и на что мне вся эта свобода, когда мои силы убиты, энергия угасла, когда я для жизни лишний балласт, когда мне хотелось только покоя?»* [л.д.6].

В мае 1927 года Зиновьевский окротдел ГПУ начинает в отношении Чистяковой предварительное следствие [л.д.14], в феврале того же года материалы передаются в суд, который отмечает, *«что со времени совершения Чистяковой преступления прошло более 10 лет, что за указанный период времени*

*Иван Антонович Думбадзе,
ялтинский градоначальник*

мощь пролетарского государства настолько укрепилась, что Чистякова в настоящий момент не является столь социально-опасным элементом, а посему, руководствуясь социалистическим правосознанием и ст.ст.54-13, 54-2 и 46 УК» в апреле выносит приговор: «лишение свободы сроком на один год со строгой изоляцией без конфискации имущества» [л.д. 31].

Находясь в Зиновьевском допре («тюрьме» по-современному), Чистякова была старостой женского корпуса и членом культкомиссии [л.д.39], на основании чего просила досрочного освобождения с применением амнистии по поводу 10-й годовщины революции. Освобождение затягивалось, потому Чистякова 12 июля 1928 года объявила голодовку, которую прекратила 16 июля, а уже 21 июля была из тюрьмы освобождена

[л.д.39-43]. Судьба Чистяковой после освобождения неизвестна. Сведений о том, что она либо её родственники обращались по поводу реабилитации, в деле нет, но и несмотря на это, последний лист дела – заключение прокуратуры Кировоградской области от 28 апреля 1994 г., в котором, в частности, говорится: *«Доказательств участия Чистяковой Марии Юльевны в активной борьбе против революционного движения по делу не имеется, оснований для привлечения к ответственности за политические преступления не было и на неё распространяется действие ст. 1 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года»* [л.д.46].

Ещё раз обратимся к тексту заявления, поданного Чистяковой в окротдел ГПУ, к его последнему абзацу: *«И вот прошло 10 лет. По отношению ко мне революция совершила ошибку – она вышибла меня из колеи студенческой, она не дала мне закончить образование, она убила во мне силы и энергию; что могу я ей дать теперь?»* [л.д.6]. Наверняка Чистякова признала правоту старших, которые убеждали её, что *«революция до добра не доведёт»*; наверняка она не раз горько пожалела, что не поехала в Италию вслед за своей работодательницей из Ялты Сверчевской. Хотелось бы надеяться, что пережитые события добавили жизненного практицизма нашей героине, и она приняла необходимые меры, чтобы скрыться от *«карающего меча революции»*. В материалах дела есть упоминание о том, что её муж состоял на учёте как меньшевик [л.д.7], а подобная семья – просто находка для чекистов середины 30-х годов! И за меньшие грехи расстреливали ничтоже сумняшеся, а тут – провокатор охранки и идеологический враг!

В материалах мелькнула и ещё одна значимая фраза, *«за указанный период времени мощь пролетарского государства настолько укрепились»* [л.д.31]. Логично возникает вопрос: «А чем тогда оправдать репрессии 30-х и 40-х годов? Ослаблением государства или параноидальным отношением к собственному народу?»

Суд скорый... и справедливый?*

Основной характерной чертой так называемых «правоохранительных» органов на территории нашего проживания была (боюсь сказать, что и есть!) «правильная» отчётность: сколько чего выявлено и вскрыто, кем и как пресечено, сколько и как скоро осуждено, соотношение видов наказаний и т.д.

Наглядным примером «борьбы за показатели» есть дело № 8048 по обвинению гр-ки Солонцовой Софии Ксенофоновны, 1910 г.р., ур. с. Н. Бабанка, прож. на хут. Обланка Дубровского сельсовета бывш. Витязевского района тогда Одесской обл. по ст. 54-10, ч. 1 УК УССР [Госархив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2].

Постановление на её арест было подписано бобринецким районным прокурором Пацюковым (как не пройтись по «говорящим» фамилиям в Бобринце того времени: то прокурор Пацюков, то следователь Гадулко!) 29 ноября 1937 года. И это постановление, и постановление об избрании меры пресечения, вынесенное в тот же день Бобринецким РО НКВД описывают «враждебную деятельность» Солонцовой одним предложением: *«высказывала контрреволюционные похабные слова по адресу Советской власти, её руководителей и вождя трудящегося народа тов. Сталина»* [л.д. 2, 3]. Подтверждает это и низовой орган власти, Дубровский сельсовет: *«Справка. Дана Бобринецкому райотделу НКВД в том, что гражданка села Обланка Дубровского сельсовета Солонцова Сонька по социоложению по с/совету считается доч крупного кулака, который до революции имел 300 десятин земли та весь с/г реманент, а также имел постоянных рабочих 3-4 человека. Сама Солонцова занимается антисоветской агитацией, агитирует против вывешивания законоположения про выборы до Верховной рады, выражаясь в тому, що когда мы эти выборы не знали, как это*

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 8048

раньше было, то мы краше жили» (орфография оригинала соблюдена) [л.д. 5].

Обратили внимание на то, что слово «доч» написано без мягкого знака? Точно таким же образом оно написано в протоколах допросов, составленных следователем Федусенко, и в обвинительном заключении [л.д.12, 14, 22]. Вроде и мелкая деталь, но ведь интересное совпадение ошибок, наводящее на мысли об авторстве документов!

Итак, ноябрь заканчивается, на носу годовщина «Сталинской Конституции» (принята 5 декабря 1936 г.), потому следствие допрашивает Солонцову в день ареста, 29 ноября 1937 г. [л.д. 7-8], приобщает к материалам протоколы допросы четырёх свидетелей от 27 ноября [л.д. 9-18], протоколы очных ставок от 28 и 29 ноября [л.д. 19, 21] (один из протоколов очной ставки не имеет даты [л.д.20]). Напомню: уголовное дело заведено 29 ноября 1937 года, поэтому все следственные действия по нему должны были производиться ПОСЛЕ 29 числа! Очная ставка со свидетелем Ревенко проведена и задокументирована, несмотря на зафиксированный факт неприязненных личных отношений участников действия, что могло повлиять на объективность показаний [л.д.19].

Основные «крамольные» суждения Солонцовой, выявленные и задокументированные следствием, сводятся к следующим: *«Сколько стахановцы в совхозе не будут работать, но ничего не получают от Советской власти. При царизме было лучше: не надо было работать в совхозе, работали в своём хозяйстве и жили лучше»; «Новая Конституция – это обман для рабочих, как были рабочие в нужде – так и есть»; «Сталин для рабочих ничего хорошего не сделал, он ведёт страну к гибели»; «хороших людей расстреляла Советская власть (при обсуждении процессов над Тухачевским и Якиром), а когда расстреляют Сталина?»; «в совхозах сколько ни будешь работать – за труд не получишь»; «стахановцы выслуживаются перед Советской властью и им платят за труд других рабочих»* [л.д. 10-21]. При всей внешней направленности против Советской власти, некоторые из этих высказываний (особенно

же с высоты современного исторического опыта) можно назвать прозорливыми.

На обвинительном заключении, сочинённом уже известным нам Федусенко, даты нет, но материалы рассмотрены «тройкой» при УНКВД по Николаевской области уже 1 декабря 1937 года. Приговор – 10 лет исправтрудлагерей [л.д. 23]. Наказание Солонцова отбывала в Южлаге НКВД, в его подразделениях в Улан-Удэ, Тайшете, Заудинске. Впервые с жалобой на неправильное осуждение обратилась к Верховному Прокурору СССР в январе 1940 года, но эту жалобу проводившая по ней расследование кировоградская прокуратура признала безосновательной [л.д. 24-26].

Повторное обращение в апреле 1966 года повлекло за собой дополнительное расследование обстоятельств дела, при котором выяснилось, что отец Солонцовой имел середняцкое, а не кулацкое хозяйство, и раскулачиванию не подвергался [л.д. 47]; тексты протоколов допросов свидетелей в 1937 году им не предъявлялись, а подписывали они их потому, *«что доверяли сотруднику НКВД»* [л.д. 42]. Свидетель Ревенко не смог вспомнить очную ставку с Солонцовой, а свидетель Педан заявила, что показаний против Солонцовой не давала, в очной ставке не участвовала [л.д.44, 40]. Материалов о конкретных фактах антисоветской деятельности Солонцовой в ходе повторного расследования не добыто.

Президиум Кировоградского областного суда 25 июня 1966 года отменил постановление тройки при УНКВД по Николаевской области от 1 декабря 1937 года в отношении Солонцовой С. К. и дело прекратил за отсутствием в её действиях состава преступления [л.д. 55-56]. В апреле 1992 года комиссия Бобринецкого райсовета народных депутатов по вопросам восстановления прав реабилитированных приняла решение выплатить Солонцовой денежную компенсацию за период отбывания наказания и опубликовать в районной газете сообщение о её реабилитации [л.д. 58-59].

Выдавший в 1937 году органам НКВД справку о Солонцовой председатель Дубровского сельсовета Кирилл Мишук по-

гиб на фронте в годы Великой Отечественной войны [л.д. 36], следователя Федусенко мы не искали – какой смысл?

Смысл имеет ещё раз напомнить, как во имя «борьбы за чистоту идеалов» (а точнее – ради «красивой» отчётности!) за пару дней «слиповали» дело, где на 23-ей странице – уже и приговор. И по этому типичному для того времени обвинению 27-летняя женщина была отправлена сооружать железную дорогу, которую через 50 лет будут гордо величать «БАМ – комсомольская стройка века». Зарплату же ей за этот подконвойный рабский труд выдадут только спустя 55 лет! Кому за такое сказать «спасибо»?

Субъективный комментарий к официальным документам*

«При нормальных рыночных условиях деревня неизбежно пошла бы по пути капитализации (коммерциализации). Если бы коммунистическое руководство искусственно не ограничивало предпринимательскую активность кулаков (т.е. не устанавливало пределы аренды земли и найма рабочей силы и не душило зажиточных крестьян высокими налогами), в деревне постепенно утвердился бы фермерский тип хозяйства. При этом разорилась бы масса бедняков и часть середняков, но оставшиеся крупные хозяйства могли значительно увеличить свою продуктивность. Могла ли партия пойти на это? Вопрос риторический» [Виктор Губарев Исторический очерк о нэпе на Украине и причинах его свертывания в конце 20-х годов. Украина в годы нэпа (1921-1929) [http://history.ukraine-in.ua/unr_ussr/istoricheskij-ocherk].

Эта история о людях, которых уже нет на этом свете. Вспоминаем же о них потому, что невесёлая история типична для того времени. Комментируем, так как считаем, что замалчивать такое неправильно: история должна учить чему-нибудь.

В бывшем Витязевском райотделении УНКВД по Одесской области эти дела на Волкову Марию Августовну, 1886 года рождения, и Волкова Пахома Григорьевича, 1916 года рождения (мать и сына), были заведены одновременно, 28 июля 1937 года, зарегистрированы соответственно под №№ 398 и 399. Производство вёл лейтенант госбезопасности Гадулко («говорящая» фамилия! Как не вспомнить украинского баснописца Глебова:

*«Під дубом у гаю жила Гадюка,
Непросипуца злюка:
Усе було сичить-сичить,
Щоб кого-небудь укусити»).*

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 1487, №8692

К делу Волковой М.А. приобщены две справки Буховецкого сельсовета, обе схожего содержания, но почему-то за одним и тем же регистрационным № 101 от 16 июля 1937 года [л.д. 4, 5]. Прочитируем из обоих текстов (здесь и далее орфография оригинала сохранена): *«Волкова Марія Августовна по соцстану кулак, до революції мала власної землі 60 га, коней 10-12 штук, корів 8-9 штук та молодняка 6-7 штук, кінну молотарку та ввесь крупний і мілкий с/г реманент, вживала найману працю, мала постійних робітників 2 чол. та сезонних до 15 чол. Після революції мала нарізку 27 га, коней мала 4-6 штук, корів 3-4 шт., кінну молотарку,.. експлуатувала бідняцьке населення особливо в 1922 році під час голодовки робили люди за кусочок хліба... після революції весь час позбавлялась виборчих прав... В 1931 році таку було остаточно розкуркулено і вмісті з чоловіком та двома дітьми було виселено в Северний край..., того ж року місяців через 2...вона з висилки втікла з двома дітьми, а чоловік в сучасний мент знаходиться на висилці».*

Обратите внимание, что отчество Волковой – Августовна. На территории южных районов современной Кировоградской области (Бобринецкий, Устиновский и т.д.) проживало много этнических немцев-колонистов. Большинство из них ещё в своё время при переселении на территорию бывшей Российской империи получили приличные земельные наделы, хозяйство вели рачительно, отсюда, возможно, и имущественное благополучие Волковой, чья девичья фамилия в деле не упоминается. Даже после революционных экспроприаций семья осталась зажиточной. В отношении же применения наёмной рабочей силы, то это было обычным делом для Юга Украины, вариантом твёрдого заработка для тех крестьян, кто свою землю утратил в силу различных причин, и для безработных из городов.

«Классового врага» Волкову лишали избирательных прав, однако ведь она во время голода 1922 года давала людям работу, практически шанс на жизнь, отобранный у них государством, которое бросило своих граждан на произвол именно в год создания новой империи, Советского Союза. Волкову, мать семе-

рых детей – двух сыновей и пятерых дочерей – раскулачили «по первой категории», что означало полное изъятие имущества (в протоколе допроса зафиксировано, что «*ничего не обнаружено*») и выселили на Север с двумя младшими детьми. Неграмотная женщина (протоколы в деле она заверяла чернильным отпечатком большого пальца правой руки) нашла способ спасти жизнь своих детей, выехать домой так, чтобы её не возвратили к месту ссылки. Её муж остался в Архангельской области заложником власти.

Неизвестно, где этим людям повезло бы больше, поскольку родное село приняло их без особой радости. Из справки, засвидетельствованной председателем и счетоводом колхоза им. Молотова: «Дана ця Витязівському РО НКВС в тім, що

Волков Пахом Григорович працював в к-ні імені Молотова з 1932 року по 1934 рік, в 1934 році Волкова було вигнано з к-пу як сина крупного кулака, який почав займатися агітацією серед к-ників о не виході на роботу що все рівно будемо голодні як не роби. Волков П.Г. у цьому році женився на біднячки і підмінюючи її на роботі почав працювати гарно. В 1936 році Волкова П. знову було прийнято членом к-пу ім. Молотова, який зразу працював нічого, а коли вийшла Нова Сталінська конституція Волков розперезався на всю, почав знову провадити агітацію серед к-ків про те що хоча і гарний врожай а їсти хліба не прийдеться тому що часть в державу віддадуть а то на позику заставляють продати і знов будем голодні» [л.д. 7].

Правление колхоза выдало ещё одну справку, что «Волков Пахом Григорович перебуваючи конюхом біля племенних жеребців навмисне довів їх до такого стану, що вони були б не придатні до парувальної компанії, за що його було знято з роботи» [л.д. 7].

В обвинительном заключении по делу Волкова П.Г. приводятся такие его высказывания: «Урожай хороший, но хлеба у колхозников не будет, всё заберёт Советская власть, так как скоро будет война, а нам дадут граммы, пока работаешь. Колхозы держат для того, чтобы эксплуатировать народ и ничего им не платит», «сколько можно подписываться и до каких пор нас будут грабить коммунисты, хлеб берут, деньги берут, нам ничего не дают». У местечковых следователей хватило ума не включать в текст обвинения пункт о подрыве Волковым половой мощи колхозных жеребцов.

Волковой М.А. инкриминировались следующие слова: «Вот урожай в этом году хороший и хлеба будет много, но колхозники будут пропадать с голоду и останется им только солома, а хлеб заберёт Советская власть», «колхозы долго не будут, что жизнь такая для народа не выгодная годами находится в нищете», «вот требуют подписаться на заём, для чего этот заём колхозникам: хлеб берут, деньги берут, я тогда подпишусь, когда мне возвратят мой дом, что забрали во время раскулачивания» [л.д. 25-26].

Тройка при УНКВД по Одесской области определила матери и сыну наказание по 8 лет исправительно-трудовых лагерей каждому.

Сейчас мы може признать, что целью коллективизации было полное подчинение крестьян воле государства ради практически бесплатной конфискации результатов их труда. Одновременно уничтожались носители «гена хозяина», которыми всегда была сильна страна. Держава допустила голодовки 1922, 1933, 1947 годов, многие из нас ещё помнят эрзац-хлеб времён правления Хрущёва и недоедание конца 80-х – начала 90-х годов. Может, корень этих бед произрастает из периода раскулачивания и бестолкового колхозного и государственного строительства?

А хорошо знакомые послевоенным поколениям так называемые «внутренние займы», когда практически принудительно деньги изымали из карманов и без того вконец обнищавших людей? Облигации этих займов использовали как обои, поскольку они обесценились за время ожидания выплат по ним.

Почему в середине 30-х годов прошлого века карали за так называемые «антисоветские суждения» тех, кто предупреждал о неминуемой войне? На самом деле война ведь уже шла: полыхали Испания, Дальний Восток, Эфиопия; Советский Союз и Германия готовились к разделу Польши...

Пахом Волков отбывал свой срок на строительстве Беломорско-Балтийского канала (14 отделение лагеря ББК НКВД), откуда 10 января 1940 года обратился с кассационной жалобой [л.д. 28]. 7 сентября 1940 года прокуратура Кировоградской области признала его осужденным справедливо и прекратила надзорное производство, вернув дело в архив [л.д. 29]. В материалах дела его матери жалоб нет: много ли сможет написать неграмотная женщина, используя в этих целях чернильный отпечаток большого пальца правой руки?..

31 марта 1989 года мать и сына Волковых реабилитировали, но сообщать об этом было уже некому.

«Извлечение корней»: два примера

Пример первый*

Российская революция, пообещав евреям освобождение и выход из черты оседлости, привлекла многих из них в ряды своих преданных бойцов. Слепо уверовавшие ушли в ЧК, где стали бороться против тех из соплеменников, кто начал ставить под сомнение правильность практической политики «непогрешимой» партии и её вождей. В результате получилось, что идейные постулаты пересилили «голос крови», и во многих делах того периода массовых репрессий фамилии обвиняемых и их следователей имеют общие семитские корни.

Не так давно в одной из местных газет вышла статья о судьбе Ильи Муравского, дело на которого в 1924 году вёл «сотрудник Зиновьевского окротдела ГПУ тов. Гитлер» [см. газ. «Наше місто», 2016 г.]. Из 20-летнего сапожника пытались «слепить» матёрого сиониста, однако даже харьковскому (столицей УССР до 1934 г. являлся г. Харьков) гепэушному начальству стали смешны нелепые потуги местечковых жандармов от революции, и Муравскому разрешили выезд в Палестину. «Униженные и оскорблённые», «мастера революционного сыска», закусив удила, 1 ноября 1926 года заводят дело № 42599 по ст. 61 УК УССР на его сестру, Муравскую Сарру Моисеевну, 1908 года рождения, Хромченко Ханина Юдковича, 1907 г.р. и Шапиро Ревеку Давидовну, 1905 г.р. Гитлера среди причастных к ведению дела сотрудников уже не видим, однако с задачей успешно справился некий Тейтель.

Анкета арестованной Муравской помогает лучше понять её ситуацию того времени: не указан в ней отец (два года назад, как было видно из материалов дела на Илью Муравского, он болел); мать – «иждивенец соцобеспечения», то есть, инвалид; сестра, Ципа, 20 лет, безработная; брат, Борис, 14 лет, учащийся. Есть и хорошая новость: «брат, Илья Моисеевич Муравский,

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 12801

21 год, Палестина, г. Хайфа, столяр» [л.д. 6]. Уехал-таки, да ещё и профессию выбрал библейскую!

Протоколы допросов обвиняемых занимают от 6 (Хромченко) до 18 (Шапиро) строк [л.д. 18-20]. Все они отрицают какое-либо участие в любых, кроме профсоюзов, организациях, в том числе, в ЕВОСМ (Единая Всероссийская организация сионистской молодёжи). Уже 26 ноября 1926 года Тейтель выносит постановление по делу, где, в частности, пишет: *«Дело по обвинению Муравской..., Хромченко..., Шапиро... В уголовном порядке за недоказанность собранных материалов прекратить, но, принимая во внимание, что перечисленные выше лица впредь будут проводить антисоветскую деятельность,... применить к ним, как социально-опасному элементу, высылку из пределов Зиновьевского округа в местности, где нет компактного еврейского населения, т.е., в один из городов Сибири, сроком на три года»* [л.д.35]. Прокуратура округа это постановление утверждает 1 декабря 1926 года, а 21 декабря того же года Особое Совещание при Коллегии ГПУ УССР постановляет: *«Гр.гр. Муравскую, Хромченко и Шапиро, являющихся руководителями антисоветских организаций, именующих себя «ЕВОСМ» и «Гашимер – Гацоир» и проявляющих активную антисоветскую деятельность, признать соц.опасным элементом и возбудить ходатайство перед Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ о высылке их за пределы УССР сроком на ТРИ года каждого»* [л.д. 79].

На этом этапе в деле № 42599 (арх. № 12801-п) необъяснимым образом появляется подшитое к нему дело № 1138-а от 01.11.1926 г. по обвинению Теплицкой Иды-Ципы Перецевны, 1899 года рождения, медсестры детской поликлиники, проживавшей по адресу г. Зиновьевск, ул. Гоголя, 117, и Злобинской Ривы Аврумовны, 1902 года рождения, модистки-частницы, ул. Гоголя, 115 [л.д. 38 и далее] *«в преступлении, предусмотренном 61 ст. УК»*. Женщины были арестованы в ночь с 31 октября на 1 ноября 1926 года и содержались в местном допре (аббревиатура первых лет Советской власти – «дом предвари-тельного заключения», также «допрзак», «домзак», прим. авт.).

Не сумев найти никаких доказательств преступной деятельности арестованных, следствие (уже известный нам Тейтель!) пытается использовать в качестве свидетеля некоего Касанова Льва Бенционовича, проживавшего ул. Гоголя, 76. В ходе допроса и при очных ставках Касанов даёт путанные и нечёткие показания о своём знакомстве с обвиняемыми [л.д. 65, 66], что заставляет заподозрить его в сотрудничестве с органами ГПУ и действии по их рекомендациям. Теплицкая и Злобинская наотрез отрицали своё участие в каких-либо сионистских организациях, категорически отказались подписывать протоколы допросов и очных ставок [л.д. 62-63].

Несмотря на полное отсутствие доказательств по делу, Тейтель 30 ноября 1926 года выносит постановление с предложением о высылке Теплицкой и Злобинской за пределы округа сроком на три года [л.д. 70], а 14 января 1927 года Особое Соповещение при Коллегии ОГПУ постановляет: «1) *Муравскую Сару Моисеевну*, 2) *Хромченко Ханина Юдковича*; 3) *Шапиро Ревеку Давыдовну выслать через ПП* («полномочное представительство», прим. авт.) *ОГПУ в Казакстан сроком на ТРИ года*; 4) *Теплицкую Иду-Ципу Перецевну*; 5) *Злобинскую Риву Аврумовну выслать через ПП ОГПУ в Среднюю Азию сроком на ТРИ года. Дело сдать в архив*» [л.д. 82].

Хромченко Ханин Юдкович всё это время находился под подпиской о невыезде в г. Харькове. ГПУ УССР 14 апреля 1927 года ходатайствовало о его досрочном освобождении в связи с тем, что тот «опубликовал в прессе о своём выходе из организации ЕВОСМ» [л.д. 83-84]. Проходившим по одному делу с ним женщинам такая возможность представлена не была или они ею не воспользовались, отдав предпочтение «ознакомлению с восточными районами великой страны»: Муравская через Кзыл-Ординский домзак и Актюбинский горотдел ОГПУ попадает на жительство в г. Тургай; Шапиро – через Кзыл-Орду в Семипалатинск; Теплицкая и Злобинская – в Ташкент [л.д. 85-122]. «Гиды» из ОГПУ не оставляли их своим вниманием: по случаю 10 годовщины революции и объявленной амнистии Злобинской был 23.12.1927 г. на одну чет-

верть снижен срок ссылки [л.д. 115], а Теплицкой 29.07.1932 г. по отбытии срока наказания разрешено «свободное проживание по СССР» [л.д.124].

Относительный либерализм пенитенциарной системы того времени проявился и в том, что Муравской, Шапиро и Злобинской, при условии получения ими заграничных паспортов, был разрешён «выезд в Палестину через один из южных портов СССР» [л.д. 94, 104, 105].

Данных о выезде Муравской и Шапиро в Палестину в деле нет, а вот сведения о Злобинской ограничены копией выписки из протокола заседания Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 1 февраля 1932 года: «**Слушали:** дело № 121015/42599 по обв. Злобинской Ривы Аврумовны 61/1 ст. УК (пост. Ос.Сов. 01.27.г. к выс.в Ср.Азию на ТРИ года. Пост. Ос. Сов.23.12.27 г. срок по амн. сниж. на ¼. Пост. Ос.Сов.12.28 г. по отбыт. ср. нак. запр. прож в Моск., Ленингр., Украине. СКК, БВО и Крыму, прикрепл. на ТРИ года, пост. Ос. Сов. от 19.07.29 г. в случае получ. загр. визы и паспорта разрешить выезд в Палестину. **Постановили:** Во изменение прежнего постановления: Злобинскую Риву Аврумовну выслать через ПП ОГПУ в Зап. Сибирь сроком на ТРИ года, считая с 27/10- 31 г. Направить этапом» [л.д. 126]. Материалов, послуживших основанием для этого решения Особого Совещания, в деле нет. По отбытии срока ссылки Злобинская вернулась в родной город, где её осудили и расстреляли в 1938 году (об этом писали наши коллеги). Расстреляли, обвинив в участии в придуманной самими чекистами «контрреволюционной антисоветской подпольной сионистской фашисткой шпионско-террористической организации», формулировочка как раз в стиле кровавых «придумок» того дикого времени (о чём подробнее ниже).

В октябре 1991 года (согласитесь, время тоже было своеобразное!) прокуратурой Кировоградской области были утверждены заключения о том, что все проходящие по делу лица подпадают под действие Закона Украинской ССР от 17 апреля 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» [л.д. 129-133].

Продолжение примера*

Злобинская Рива Абрамовна (она же Аврумовна) родилась 8 июня 1902 года в с. Вершино-Каменка Новгородковского р-на тогда Николаевской (сейчас Кировоградской) области в семье торговца. На момент ареста работала бухгалтером материального отдела артели «Кооптруд», проживала в г. Кировограде, ул.К. Либкнехта, 52. Муж, Лейтман Исаак Михайлович, 1908 г. р., плановик артели «2-я пятилетка», дочь Элла, три года. Арестована 4 января 1938 г., как *«активный член контрреволюционной организации»* [л.д. 76] обвинялась по ст.ст. 54-10, 54-11 УК УССР. Первый допрос проведен 5 января 1938 года мл. лейтенантом госбезопасности Куринским. Из заполненной им анкеты обвиняемой видно, что в 1926 году Злобинская арестовывалась органами ГПУ за причастность к контрреволюционной сионистской организации и была выслана в Среднюю Азию на 3 года, там была повторно арестована и выслана в Западную Сибирь на 3 года. Всего при первом допросе ей было задано два сходных вопроса, на которые было дано два сходных же ответа: *«Вы арестованы и привлекаетесь к ответственности как участница контрреволюционной организации, дайте правдивые показания по этому вопросу» – «Ни к какой контрреволюционной организации я не принадлежу». «Вы говорите неправду. Следствие располагает достаточно проверенными данными о том, что Вы являетесь участницей контрреволюционной организации и проводите контрреволюционную деятельность. Я требую от Вас правдивых показаний по этому вопросу» – «Я утверждаю, что ни к какой контрреволюционной организации я не принадлежу и никакой контрреволюционной деятельности я не проводила»* [л.д. 165-166].

Злобинская продолжала отрицать свою причастность к организованной контрреволюционной деятельности до конца следствия, однако рассказала, что в 1926 году встретила свою подругу детства Теплицкую Ципу, которая призналась ей, что

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 4848

состояла в какой-то организации. В протоколе допроса от 7 января 1938 года написано, что эта организация «сионистская» и «контрреволюционная», однако ни названия организации, ни материалов о деятельности этой «организации» в деле нет. Со слов Злобинской, Теплицкая её в эту организацию не вовлекала, девушки вместе один раз (в 1926 году) сходили на вечер «Озет» (Общество защиты еврейских тружеников), вскоре после чего Злобинская была арестована и по постановлению Особого Совещания выслана в административном порядке в Среднюю Азию сроком на 3 года.

Дальше – перлы следствия: *«Следствие располагает данными о том, что Вы, находясь в административной высылке в Средней Азии, поддерживали тесную связь со ссыльными, высланными за контрреволюционную сионистскую деятельность, и вместе с ними, группируясь, проводили контрреволюционную деятельность»* [л.д.167]. Никакими материалами дела этот вопрос не подтверждается. По словам самой Злобинской, она была *«повторно выслана в административном порядке в Минусинск в 1931 году за связь с ссыльными на три года»* [л.д. 168].

Злобинскую допросили ещё раз, 18 апреля 1938 года, она продолжала отрицать бездоказательно инкриминируемую ей контрреволюционную деятельность, признав только получение анонимной материальной помощи из Палестины три раза на общую сумму три фунта стерлингов. Два фунта получил её муж, Лейтман, арестованный по этому же делу. Злобинскую пытались припугнуть: *«Вы лжёте, следствие располагает абсолютно проверенными данными о Вашем участии в контрреволюционной сионистской организации. Следствие настаивает на даче правдивых показаний, в противном случае следствие вынуждено будет начать изобличать Вас о Вашем участии в контрреволюционной организации очными ставками с участниками контрреволюционной сионистской организации»*, однако она продолжала категорически отрицать своё участие в какой-либо контрреволюционной организации [л.д. 169-171]. Очных ставок Злобинской не организовывали, дальнейшая работа с ней была прекращена.

В обвинительном заключении Кировский горотдел НКВД отмечает, что им была *«вскрыта и ликвидирована на территории Кировского района контрреволюционная шпионская сионистская организация, которая ставила своими задачами проведение активной борьбы с Советской властью»*. Среди задач этой организации названы:

«1. Свержение Советской власти, ориентируясь на интервенцию фашистских государств;

2. Проведение шпионажа в пользу иностранных фашистских государств;

3. Проведение вредительства и диверсии с целью ослабления мощи Советского Союза;

4. Блокирование всех сионистских организаций в общесионистский блок для перехода к более острым формам борьбы с Соввластью» [л.д 209].

По делу в качестве обвиняемых привлечено 18 человек. Под № 16 – *«Злобинская Рива Абрамовна, 1902 г. рожден., уроженка с. Вершинокаменка Новгородковского р-на, еврейка, гр-ва СССР, дочь торговца, служащая, до ареста работала бухгалтером материального отдела арт. «Кооптруд», в 1926 и 1931 г.г. подвергалась высылке в административном порядке как участница контррев. сионистской организации, житель гор. Кирово. В том, что она является активной участницей контрреволюционной сионистской организации, проводила активную контрреволюцион. деятельность, направленную против мероприятий партии и Соввласти, т.е., в совершении преступлений, предусмотрен. ст. ст. 54-10, 54-11 УК УССР не созналась.*

Созналась в том, что она в прошлом являлась участницей контрреволюционной сионистской организации в 1926 и 1931 г.г., за что подвергалась высылке в административном порядке» [л.д. 215]. В протоколе заседания «тройки» при УНКВД по Николаевской области № 40 от 20 апреля 1938 года этот текст дополнен упоминанием о том, что Злобинская, *«находясь на ссылке, была связана с Палестиной – получала материальную помощь»*. Этих материалов хватило, чтобы приговорить её к расстрелу *«с конфискацией всего лично ей принадлежащего иму-*

щества» [л.д. 267]. Решение приведено в исполнение 21 июня 1938 года, данных о месте захоронения, как обычно, нет.

Через 21 год и три дня, 24 апреля 1959 года, дело пересмотрено военным трибуналом Киевского военного округа (№301/0-59) [л.д 625], Злобинская реабилитирована посмертно. Была сделана формальная попытка разыскать её родственников (в анкете записана дочь Эля, которой на момент ареста родителей было три года, то есть, ориентировочно ребёнок 1935 года рождения), однако розыск результатов не дал.

Пример второй*

Волынская Виктория Исаевна, родилась 5 мая 1896 года в с. Большая Виска Одесской (ныне Кировоградской) области в семье торговца, проживала в г. Кирово (ныне Кировоград), ул. Луначарского, 22, работала воспитательницей в Кировском детском доме. Арестована 7 апреля 1938 года УГБ Кировского ГО НКВД УССР, обвинялась по ст.ст. 54-10, 54-11 УК УССР как «*активный член контрреволюционно-националистической сионистской организации*» [л.д. 81]. При обыске, который проводил сотрудник НКВД Жосан (понятым был Цымбаленко Андрей Григорьевич), изъяты золотые часы № 50965 и золотое кольцо (кстати, сведений о дальнейшей судьбе этих предметов в деле нет).

Имеется некоторая нестыковка по датам: Волынскую арестовали 7 апреля 1938 года, хотя как «*активная сионистка*» и участница организации она упоминается только через день, 8 апреля, в протоколе допроса Бермана от 8-9 апреля 1938 г. [л.д. 91-108]. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что аресты производились по имевшимся в распоряжении органов НКВД оперативным материалам, так как фамилия Волынской в протоколах допросов других арестованных (с

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 12801

января 1938 года) участников так называемой организации не встречается.

Волынской дали время «на адаптацию», проведя её первый допрос только 18 апреля, в ходе которого она показала, что «с 1914 года по 1918 год примыкала к сионистской организации, посещала собрания и интересовалась этой организацией. После 1916 года и по настоящее время никакого участия в антисоветской сионистической (так в тексте) организации не принимала... После 1917 года порвала всякие связи с сионистической организацией» [л.д. 174]. В тот же день следствие принимает решение «изобличить» Волынскую, проведя ей очную ставку с «руководителем организации» Берманом Львом Евсеевичем, в ходе которой тот заявил: «Мне, как руководителю, хорошо известно, что Волынская Виктория Исаевна действительно является участницей контрреволюционной сионистской организации, существовавшей в городе Кирово. Практическая её деятельность выражалась в том, что она проводила контрреволюционную сионистскую агитацию среди еврейского населения, дискредитируя (так в тексте) национальную политику, проводимую Соввластью. Кроме того, Волынской также было поручено вовлечение новых членов в сионистскую организацию, а также популяризацию вопроса переселения евреев в Палестину».

Ответ Волынской: «Показания обвиняемого Бермана я не подтверждаю» [л.д. 207]. Дальнейшая работа с Волынской была прекращена, в тексте обвинительного заключения указано: «не созналась. Изобличается показаниями участников организации» [л.д.215]. Ей ещё и «повезло»: скорое «правосудие» того времени, приговорив к расстрелу 16 из 18 подсудимых (выписка из протокола заседания тройки при УНКВД по Николаевской обл. № 40 от 20 апреля 1938 года), определило ей «всего» 10 лет лагерей [л.д. 266]. Жалоба Волынской на неправильное осуждение рассматривалась в 1940 году и оставлена без последствий [л.д. 267-270].

Срок она отбыла, что называется «от звонка до звонка», да ещё и была затем отправлена в ссылку, что подтверждает

справка МГБ СССР: «о высылке наряда на этапирование в ссылку заключённой Волынской Виктории Исаевны, 1896 года рождения..., осуждена Тройкой УНКВД Николаевской области 20.04.1938 г. на 10 лет за участие в а/с шпионской организации. Срок истёк 8 апреля 1948 года. Больная туберкулёзом, инвалид. В ссылку направляется как участник а/с организации» [л.д. 346]. 20 июня 1948 года она была направлена для поселения в с. Чумаково Михайловского р-на Новосибирской обл. В марте 1949 года Волынскую обследовала врачебная комиссия Михайловской райбольницы, указав наличие у неё «дистрофии, миокардита, понижения остроты зрения», признав «неспособность к физическому и умственному труду» и отметив при этом, что она «нуждается в посторонней помощи» [л.д. 350].

«Гуманизм» системы власти проявил себя полностью в тексте короткой справки: «Зам. Министра Госбезопасности СССР генерал-лейтенант тов. Блинов 02.12. 1949 года разрешил поместить в дом инвалидов в Мошковском районе Новосибирской области заключённую Волынскую Викторию Исаевну» [л.д. 348]. Справка под грифом «совершенно секретно»: то ли название должности генерала скрывали, то ли стыдно стало за немощную пожилую женщину.

В числе других проходивших по делу лиц Волынскую реабилитировали в апреле 1959 года. Справка о реабилитации была вручена ей лично только в сентябре 1959 года УВД по Новосибирской области. Она ждала её долгих 10 лет лагерей и 11 лет ссылки...

Ответчица*

В годы Большого террора поговорка «Сын за отца не ответчик» бытовала, но не соблюдалась, чему существует масса примеров. Сам же термин возник ещё на заре Советской власти, когда войска и тогдашние правоохранные органы для обеспечения мероприятий по изъятию «излишков» продовольствия и подобных им акций брали под стражу «ответчиков» из числа авторитетных местных жителей, которых репрессировали в случае неудачи акции. Доказавшую свою эффективность практику работы с населением позже использовали и немецкие оккупанты при организации охраны железных и шоссейных дорог вблизи населённых пунктов. В ходе работы над темой исследования мы наткнулись на пример того, как советские органы госбезопасности использовали сестру в качестве ответчицы за брата.

Советским органам государственной безопасности не повезло с самого начала: они создавались не столько, как спецслужба, сколько как «вооружённый отряд партии». Организатору ВЧК Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому приписывают слова: «умные не нужны, нужны преданные». С такой меркой и подходили к кадровому вопросу, в результате чего и укомплектовали тогда «контору» умственно недалёкими, не всегда грамотными исполнителями чужой, зачастую злой, воли. Когда в текстах протоколов допросов, в обвинительных заключениях и в других процессуальных документах периода Большого террора встречаешь фразы типа «ишпиОн иностранной развѣТки», то задумываешься: как могли такие «кАнтрразвѣТчики» противостоять разведывательно-подрывной деятельности спецслужб противника?

Читая литературно-художественные произведения о ярких, остроумно спланированных и эффективно проведенных операциях чекистов против вражеского подполья внутри страны, против зарубежных антисоветских террористических и дивер-

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 12376

сионных центров и т.п., нельзя не признать, что «рыбаки» из иностранного отдела ГПУ могли по праву гордиться «уловом» в мутных водах эмиграции. Одна успешная провокация сменяла другую. Даже если бы кроме операции «Трест» чекисты совсем ничего бы не сделали, это уже было бы весомым достижением. Подводя краткие итоги, трудно скрыть изумление: заманили в Россию Бориса Савинкова и Сиднея Рейли, выставили наивным юношей генерала Кутепова, развалили всю работу Союза национальных террористов, самых активных боевиков ликвидировали, опорочили Врангеля и всю монархическую идею, одурачили Генштабы минимум шести государств, смогли начать диктовать свои условия Болгарии и Югославии, наконец, похитили председателя Русского общевойскового союза прямо в центре Парижа.

Здесь поневоле начинаешь подозревать, что ЧК использовала в этих целях и знания подлинных профессионалов ещё царских специальных органов, и дореволюционный опыт марксистов-подпольщиков, ибо ограниченным исполнителям (а попросту – костоломам, мясникам!) из районных отделов ВЧК – ОГПУ – НКВД справиться с подобными задачами было бы просто не под силу.

Чтобы избежать возможных обвинений в клевете на «органы», приведём пример.

Заинтересовавшее нас дело начинается постановлением Тишковского райотделения НКВД от 19 февраля 1938 года об избрании Скоблиной Елене Владимировне меры пресечения в виде содержания в тюрьме по обвинению в том, что она *«поддерживала связи со своими родственниками б/офицерами, проживающими за границей, в письмах сообщала им сведения шпионского характера о настроениях масс, среди населения проводила контрреволюционную агитацию, идеализировала жизнь в фашистских странах. Нахождение на свободе Скоблиной может повлиять на ход следствия и суда, последняя может от меры репрессии уклониться»* [д. 12376, д. 1].

Почти через месяц, только лишь 14 марта 1938 года, пом.оперуполномоченного Тишковского РО сержант госбез-

опасности Кропонцев выносит постановление об избрании меры пресечения всем троим подозреваемым: Скоблиной и супругам Чиркиным. Суть обвинения та же: *«указанные лица имеют родственников бывших белых офицеров, проживающих за границей, с которыми поддерживали письменные связи, в письмах сообщали сведения шпионского характера, о состоянии колхозов и о настроениях колхозников, а также среди населения проводят резкую националистическую к-р агитацию»* [л.д. 2]. Ордера на арест выписаны 14 марта 1938 года, хотя санкции прокурора на арест даны с опозданием, 19 и 21 марта того же года [л.д. 12376, л.д. 4, 5]. Обыски у фигурантов проведены 19 марта 1938 года, кроме паспортов ничего не изъято [л.д. 12376, л.д. 11]. Анкеты арестованного на всех троих заполнены 12 апреля 1938 года, т.е., за два дня до ареста [л.д. 12376, л.д. 8-10]. Эта очевидная нестыковка дат может свидетельствовать о том, что работой по делу руководили извне, «подсказывая» проведение тех или иных следственных действий.

Перед тем, как сосредоточить внимание на Скоблиной, немного об арестованных с ней супругах Чиркиных. Чиркин Сергей Степанович, 1893 г.р., уроженец с. Петровское Харьковской области, сын священника, в 1917 г. окончил Харьковскую духовную семинарию, с 1922 по 1924 гг. окончил три курса Харьковского ветеринарного института. После окончания семинарии был мобилизован в армию Временного правительства, получил чин поручика и был направлен служить в Тернополь (в то время территория Польши). После возвращения на родину в 1918 году вступил добровольцем в армию Деникина, где в чине поручика служил до поражения этой армии (в материалах дела он записан как «деникинский поручик»).

В г. Староконстантинове Винницкой (ныне Хмельницкой) области работал ветеринаром. По данным следствия (подтверждающих материалов в деле нет), состоял во «*вредительской контрреволюционной организации*», члены которой «с целью создания недовольства среди населения проводили вредительскую деятельность, распространяли разные эпидемические заболевания, в момент заболеваний поголовья сознательно уни-

чтожали скот, в особенности рогатый скот и свинополовье...», ими якобы «было уничтожено большое количество скота и на почве этого среди населения было создано массовое недовольство и клевету по адресу советской власти» [л.д. 12376, л.д. 14-15].

Его супруга, Чиркина Дарья Яковлевна (дев. Степанюк), 1894 г.р., ур. с. Поповцы Староконстантиновского района, дочь крестьянина-бедняка, малограмотная, на допросе 7 апреля 1938 г. сообщила, что в 1913 году, проживая в г. Киеве, состояла в эсеровской организации, на заседаниях которой присутствовала 2 или 3 раза, однако *«до последнего времени по своим убеждениям была эсеровской ориентации»* [д. 12376, л.д. 20].

Чиркина была знакома со Скоблиной с 1917 года по совместному проживанию в с. Пашковцы и участия в местном драмкружке [д. 12376, л.д. 18-19]. В материалах дела указано, что в с. Тишковку супруги Чиркины переехали в 1936 году по приглашению Скоблиной. Возможно, что необходимость смены ими места жительства была вызвана скорее всего ещё и тем, что в тот период властями проводилась очистка приграничной территории от потенциально враждебного элемента (к тому же, расположенный близко к границе с Польшей Староконстантинов был центром укрепрайона Киевского особого военного округа, в городе размещались крупные кавалерийские части).

На допросе 12 апреля 1938 года Чиркина рассказала, что она, её муж, Чиркин Сергей и Скоблина Елена *«составляли контрреволюционную группировку, обсуждали совместно вопрос о неправильном аресте членов организации правотроцкистского центра; высказывали недовольство Советской властью и её политикой, ожидали перемену власти»* [д. 12376, л.д. 21].

В протоколе допроса от 5 апреля 1938 г. указано, что Скоблина Елена Владимировна родилась 27.02.1895 г. в Староконстантинове в семье бывшего подполковника царской армии, позднее – пристава в Нежине, работала учителем, заведовала школой-четырёхлеткой в с. Тишковка, имела дочь Нинель, 8 лет [д. 12376, л.д. 22-23]. Допрос проводил лично начальник Тиш-

ковского РО НКВД мл. лейтенант госбезопасности Обухов. Он сосредоточил всё внимание на семье Скоблиной и со слов допрашиваемой установил, что её брат Николай *«служил в белой армии в чине генерала и с белыми эмигрировал во Францию в гор. Париж. Зимой в 1937 году или в 1938 году Скоблин Николай в Париже явился на свидание к фашистскому генералу Миллеру и после этого исчез, о чём писали в центральных наших газетах»*. Брат Феодосий в гражданскую войну эмигрировал, местонахождение его неизвестно. *«Скоблин Сергей проживал в Чехословакии в гор. Праге, я от него получила письмо в 1927 году, он писал, что в концлагере, а потом учился в университете. Я ему послала в г. Прагу одну посылку в 1927 году»*.

Сёстры Скоблиной тоже проживали за рубежом: Тамара вместе с братом Николаем в период гражданской войны эмигрировала во Францию, а Валентина в 1921 году ушла в Польшу и осталась там. Письменной связи ни с кем из родственников (кроме Сергея, которому она отправила одну посылку в 1927 году) Скоблина, по её словам, не имела. Её бывший муж, Ординат Николай, якобы служил в армии Петлюры в частях связи [д. 12376, л.д. 22-24].

Второй (и последний!) допрос Скоблиной провёл сержант госбезопасности Кропонцев 12 апреля 1938 года. Он требовал от Скоблиной признать своё участие в контрреволюционной группировке и наличие у неё нарезного огнестрельного оружия. Скоблина отрицала наличие оружия, но призналась, что с супругами Чиркиными *«часто обсуждали вместе вопросы контрреволюционного содержания, сожалеая о расстреле врагов народа и восхваляли их... клеветали по адресу Советской власти и партии, распускали провокационные слухи о войне и гибели Советской власти»* [д. 12376, л.д. 25].

Высказывания Скоблиной по поводу остроты экономического кризиса в стране засвидетельствовали Наута Ф.И., Шудра В.И. и Сикорский А.И., однако при очной ставке с Шудрой 12.04.1938 г. Скоблина эти показания опровергла [д. 12376, л.д. 26-32].

Обвинительное заключение по делу датировано тем же

Дополнительные показания

Обвиняемый Овчинников
Денис Владимирович - за
16 апреля 1955 года.

Вопрос: Из показаний обвиняемых Дирякина Бориса
Александровича и его жены Дирякиной Марии Владимировны
выяснилось, что участники контрреволюционной группировки
открыто сформированной в г. Ленинграде.

Ответ: Я это отрицаю.

Вопрос: Ваши показания касаются деятельности
участников этой группы, в частности, что вы
считаете контрреволюционной группировкой, а именно
с Дирякиными, Дирякиной, Дирякиной, Дирякиной, Дирякиной,
иными лицами, которые вы считаете участниками.

Ответ: Я это отрицаю, потому что я не
знаю, что и кто из них.

Вопрос: Вы были участником контрреволюционной
группировки, в которой вы были с Дирякиными, Дирякиной,
Дирякиной, Дирякиной, Дирякиной, Дирякиной, Дирякиной,
иными лицами, которые вы считаете участниками, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со

Ответ: Я это отрицаю, потому что я не
знаю, что и кто из них.

Вопрос: Вы так утверждаете, что вы
не участвовали в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со

участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со

Ответ: Я это отрицаю, потому что я не
знаю, что и кто из них.

Вопрос: Считаете ли вы, что вы участвовали
в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со

Ответ: Я это отрицаю, потому что я не
знаю, что и кто из них.

участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со

участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со
участием в преступлении, в частности, со

34

Секретариат УНКВД по Одесской области
1937 г. 12. 12. 1937 г.

Секретариат УНКВД по Одесской области
1937 г. 12. 12. 1937 г.

Секретариат УНКВД по Одесской области
1937 г. 12. 12. 1937 г.

1937 г. 12. 12. 1937 г.

1937 г. 12. 12. 1937 г.

Секретариат УНКВД по Одесской области

1. **Секретариат УНКВД по Одесской области** 1937 г. 12. 12. 1937 г.
Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.
Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.

2. **Секретариат УНКВД по Одесской области** 1937 г. 12. 12. 1937 г.
Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.
Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.

3. **Секретариат УНКВД по Одесской области** 1937 г. 12. 12. 1937 г.
Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.
Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.

Секретариат УНКВД по Одесской области
1937 г. 12. 12. 1937 г.

Секретариат УНКВД по Одесской области
1937 г. 12. 12. 1937 г.

Секретариат УНКВД по Одесской области
1937 г. 12. 12. 1937 г.

Иванов
1937 г. 12. 12. 1937 г.

Выписка из протокола № 177 34
заседания Тройки при УНКВД по Одесской области
29. 12. 1937 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
1. ВНО № 1946 ТИНОВСКОГО РАЙОНА ИЗД. 30. Секретариат УНКВД по Одесской области 1937 г. 12. 12. 1937 г. Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г. Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.	Секретариат УНКВД по Одесской области 1937 г. 12. 12. 1937 г.
2. Секретариат УНКВД по Одесской области 1937 г. 12. 12. 1937 г. Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г. Секретариат УНКВД по Одесской области, 1937 г. 12. 12. 1937 г.	Секретариат УНКВД по Одесской области 1937 г. 12. 12. 1937 г.

Ведом. Секретариат Тройки

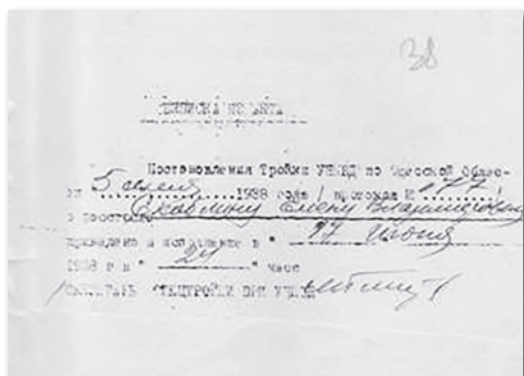
12 апреля 1938 года. В нём воедино сведены бывшие известными и до начала следствия сведения о том, что Чиркин – сын священника, служил поручиком в армии Деникина; что его жена в 1913 году состояла в эсеровской организации; что один из братьев Скоблиной – генерал белой армии, а ещё два брата и две сестры проживают за границей; что Чиркины и Скоблина восхваляли жизнь при царе и клеветали на советскую действительность и т.п. [д. 12376, л.д. 33-34].

В подготовленных к заседанию «тройки» при УНКВД по Одесской области материалах секретарём Фишманом указано, что *«Чиркин... из попов, ...бывший офицер, служил добровольцем в деникинской армии в чине поручика. Являлся участником контрреволюционной вредительской группы»*; Чиркина Д.Я. указана почему-то *«дочь бывшего генерала царской армии»* (хотя по всем анкетам она из крестьян-бедняков!), отмечено, что она *«с 1913 г. – б. эсер. Являлся (?) участником контрреволюционной вредительской группы»*; *«Скоблина Елена Владимировна,.. дочь пристава Нежинского полицейского управления,.. имеет 2-х братьев и 2-х сестёр, эмигрировавших с белыми за границу, один из братьев – Николай, был генералом в белой армии. Являлась участницей контрреволюционной группы»* [л.д. 35-37].

«Тройка», заседая 29 апреля 1938 года, протокол № 177, приговорила всех перечисленных лиц к расстрелу.

Роль супругов Чиркиных в этой истории не до конца понятна. Скорее всего, им была определена роль «болвана» (как в некоторых карточных играх). Готовясь к акции против сестры генерала Скоблина, сотрудники НКВД подбирали людей на роли её «сообщников по враждебной деятельности» для последней возможной имитации наличия контрреволюционной организации если не шпионского, то антисоветского толка, и для фальсификации обвинения Скоблиной по ст.54-11 УК УССР. Нельзя исключать, что именно с этой целью семья Чиркиных, как давних знакомых Скоблиной, и была под удобным предлогом переселена в Тишковку, где она, естественно, оставилась на жительство у сестры генерала Скоблина.

В то время в советских тюрьмах расстреливали из пистолетов Маузера или ТТ, использовавших достаточно мощный патрон с сильным боем, что приводило к, мягко говоря, неэстетичному виду трупа осужденного. Во избежание этого было принято решение применять револьвер системы Нагана, бой которого был «мягче». По постановлению «тройки» (правда, в выписках из расстрельных актов указано, что по протоколу № 177 от 5 мая 1938 года) выстрелы из нагана прозвучали 17 июня 1938 года [л.д. 38-39]. Сведения о месте захоронения, как и обычно в таких делах, отсутствуют. Это было особенно важно в данном деле, когда стояла задача стереть всякую память о семье Скоблиных.

Елена родилась и выросла в семье подполковника старой армии и черкесской княжны. Один из её пятерых братьев, генерал белой армии Николай Владимирович Скоблин, был одновременно и одним из руководителей яро ан-

тисоветской эмигрантской организации, Русского общевойскового союза, и агентом ОГПУ-НКВД. При его активном участии органами советской разведки и контрразведки были ликвидированы такие известные авторитеты Белого движения, как генералы Кутепов и Миллер. После ошибки, допущенной при проведении одной из этих операций, Скоблин исчез. Возможно, его ликвидировали «друзья» из НКВД, при этом, естественно, ни даты гибели, ни места захоронения они не сообщили. Начало уголовного преследования сестры генерала может, по нашему убеждению, совпадать со временем исчезновения Скоблина, ибо дальнейшее существование заложницы, «ответчицы», просто теряло смысл...

В одной из революционных песен были такие слова: «Мы

на зависть всем буржуям //Мировой пожар раздуем, //Мировой пожар в крови!» Зарево этого пожара охватило всю страну, «топливом» пожара были люди, которых «подбрасывали в огонь» представители вновь созданных властью карательных органов. Служить в них соглашались лишь политические активисты, а также авантюристы всех мастей, расплодившиеся в мутной воде того периода. Показательно также, что в кадрах ЧК было относительно мало представителей славянских национальностей! Октябрьский переворот не приняла и интеллигенция страны, потому её представителей в спецорганах тоже практически не было: ни за паёк, ни за деньги они не хотели служить новому режиму.

...На относительно тихой улице в окраинном микрорайоне города, где я живу, располагаются рядышком продуктовый маркет и киоск по продаже колбасной продукции. Эти два объекта стали местом обитания для стаи бездомных беспородных собак. Маразматические бабушки с претензиями на сердобольность подкармливают животных, приобретая для тех в киоске дешёвую кровяную колбасу. Стая отъедается и наглее, часто окружая идущих с покупками женщин и детей, рычанием и лаем запугивая их и требуя вкусных подачек в качестве платы за свободный проход. Подростков они практически не трогают, а вот мужчин откровенно боятся.

Стая очень не любит, когда в районе «их территории» прогуливают на поводке породистую домашнюю собаку. Разжиревшие, но всё же жалкие псы поднимают вой и истерически лают, однако нападать на чужака при этом не решаются: боятся или понимают свой низкий статус в собачьем социуме. Вот так, твякая с поджатыми хвостами, они вроде бы и себя подбадривают, и породистую собаку беспокоят, однако стоит лишь рослой немецкой овчарке или спокойно-безразличному лабрадору повернуть в их сторону голову, стая сразу же отступает на несколько шагов и в её скулеже появляются жалобные нотки.

Елена Стеблина осталась беззащитной и подобная же «стая» убила её за «породу»...

Интересное совпадение*

Остроконечный четырёхгранный штык к трёхлинейной винтовке Нагана-Мосина образца 1891/1930 гг. стал героическим символом революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Конвойные войска НКВД были вооружены такой же винтовкой. Примкнутый к ней штык делал оружие крайне неудобным из-за неповоротливости, но зато придавал ему устрашающий вид. Штыком поддерживали строй этапа, им же караульные на воротах проверяли на предмет возможного побега вывозимые из тюрем и лагерей трупы заключённых.

Штыки торчали из-за спин конвоиров кировоградской тюрьмы жарким летом 1941 года, когда они спешно (немцы наступали слишком быстро!) формировали этап для отправки заключённых в глубинные районы страны. К городу Кировограду и местной тюрьме имела прямое отношение и героиня этой истории.

Соколовская В.И.

Женщину на фото трудно назвать красивой или просто привлекательной. Обыкновенная женщина, каких много, которые живут и работают рядом с нами, воспитывают детей и внуков. Женщине на фото – всего 36 лет, хотя выглядит она значительно старше. Это Вера Соколовская, 1901 года рождения. Она родилась в Иркутске, где её родители отбывали свою первую ссылку как члены РСДРП – Российской социал-демократической рабочей партии, предшественника ВКП(б) и КПСС. Эта организация в 1903 году разделилась на две фракции – большевиков и меньшевиков. Последние были приверженцами

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 12306

более демократических идей, широкой опоры на интеллигенцию, не восприняли «наганно-маузерный» метод коллективизации и индустриализации. Большевики их критиковали, а придя к власти, стали, по примеру царского правительства, репрессировать своих политических оппонентов.

Вера Ильинична Соколовская проживала в Одессе с 1902 года, закончила женскую гимназию, в конце 1917 – начале 1918 г. училась на естественном факультете Одесского университета, посещала местный клуб меньшевиков, где слушала лекции и доклады. Позже вступила в партию меньшевиков. Её мать – домохозяйка, а отец, Соколовский Илья Львович, до 1904 г. состоял в РСДРП (меньшевиков), затем с партийной работы ушёл и занимался журналистикой в газете «Одесские новости».

На допросе 8 февраля 1939 г. Вера Соколовская говорит о том, что к 1918 году её отец уже не разделял взгляды ни меньшевиков, ни большевиков. Свою дочь он воспитывал «в революционном социалистическом духе» [л.д. 67]. Из родственников в Одессе проживали сёстры матери, Белявские Софья Ильинична и Фаня Ильинична, а также брат отца, Соколовский Григорий Львович. В Кировограде проживал её муж, Даенман З.С., и двое их сыновей, Евгений, 7 лет, и Александр, 9 лет.

За участие в работе меньшевистской организации Соколовскую в ночь на 25 апреля 1923 года арестовывают и направляют в ссылку в г. Вятку сроком на два года. В 1924 году приговаривается к ссылке в г. Ташкент на 3 года её отец, поэтому по отбытии собственного срока ссылки Вера уезжает на жительство к родителям в Ташкент, где знакомится со ссыльным меньшевиком Даенманом Зейликом Самойловичем и выходит за него замуж.

В то время в Ташкенте проживало много ссыльных меньшевиков, за общение с которыми Соколовскую арестовывают

Муж Соколовской,
Даенман З.С.

повторно и оставляют в Ташкенте отбывать ещё одну ссылку до 1929 года. Она прожила в Ташкенте до 1931 года, дожидаясь окончания срока ссылки мужа, после чего вдвоём с ним уехала на Урал, в г. Шадринск, куда к тому времени в очередной, третий, раз был выслан её отец, *«кадровый меньшевик»*, как его неоднократно называют в материалах дела.

Семья прожила в Шадринске до 1934 года, затем выехала на жительство в Одессу. В то время в Одессе, да и в ряде других крупных индустриальных центров, действовали ограничения в прописке. Естественно, семье бывших ссыльных меньшевиков в прописке отказали. По совету старого знакомого они уехали в г. Кировоград, где нашли жильё и работу, с которой, правда, не всё складывалось: в 1936 году Соколовскую и её мужа увольняют как родственников *«трижды презренного врага народа Троцкого»* (именно так написано в деле!) [л.д. 30-65]. Они это родство и не скрывали.

Пришло время скучного абзаца о том, что же такое этот самый меньшевизм, за приверженность которому люди проводили долгие годы в ссылках. Те, кого вынуждали изучать историю СССР как историю Коммунистической партии Советского Союза, помнят о расколе РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии) на фракции *«большевиков»* и *«меньшевиков»* на II съезде партии в 1903 году в Лондоне. Именно тогда *«была создана партия большевиков, которая под руководством Ленина повела пролетариат и трудящееся крестьянство России по пути борьбы за свержение царского самодержавия и создание социалистического общественного строя»* [ФС, с.179].

«Пробным камнем» для различных теорий революции стал 1917 год. Исследователь Ларс Т. Лих в статье «Ложь о Ленине» (апрель 2015 г.) пишет: *«Да, многие существенные и весьма интересные идеи о русской революции берут начало в троцкистской традиции – однако я все равно ощущаю, что их авторы зачастую более интересуются своими теоретическими абстракциями, чем реальностью самой русской революции, через которую прошли реальные люди. Одна из основных тем дебатов*

о русской революции всегда звучала следующим образом: была ли Россия готова к социалистической революции или пока только лишь к буржуазной? Одну позицию по этому вопросу занимали в свое время большевики, а другую – меньшевики. Кто был прав, а кто не прав в этих дебатах? Если правы были меньшевики, то Октябрьская революция была ошибкой. Если же правы большевики, тогда следует **отбросить меньшевизм, как контрреволюционное заблуждение** (выделено нами, авт.)». Его и «отбросили», а приверженцев этого политического течения стали полагать врагами народа со всеми вытекающими из этого последствиями.

Далее, по мнению Лиха: «Основной вопрос, стоявший перед социалистическими партиями заключался в следующем: можно ли выйти из кризиса, охватившего российское общество, при помощи сотрудничества с образованными слоями общества или же решение этой проблемы требует новой суверенной власти, базирующейся исключительно на «народ», то есть – рабочих и крестьянах?..

Суть стычек между большевиками и меньшевиками по подобным вопросам в 1917-м году лежала не в плоскости доктрины, а, скорее, в области практики. К тому же, нельзя сказать, была ли одна сторона правой, а другая – нет. Каждая из сторон в чем-то правильно оценивала ситуацию, а в чем-то выдавала желаемое за действительное».

Меньшевики были за поиск «буржуазного партнёра», они терпимо относились ко Временному правительству. Большевики же не верили в возможность соглашения с образованными слоями общества, считая, что «российский пролетариат готов взять на себя ответственность за революцию».

Исследователь полагал, что «в обоих случаях в основе мы имеем дело не с теоретической ошибкой или идеологической установкой, а с правильным, по сути, эмпирическим взглядом на российское общество 1917-го года. Меньшевики сознавали, что, с одной стороны, современное общество не сможет обойтись без образованных специалистов и профессионалов, а с другой стороны – что российский пролетариат был недостаточно

организован и «целенаправлен» для осуществления власти в состоянии изоляции, а российское крестьянство не являлось надежной базой для осуществления «диктатуры пролетариата».

Большевики же понимали, что, несмотря на всю показуху, образованная элита общества никогда не будет с энтузиазмом осуществлять «цели революции» (даже, если они будут оформлены в строго «демократических» терминах). Они сознавали и то, что образованные слои общества в итоге повернут против революции и станут стремиться к «диктатуре буржуазии», то есть – к чему-то вроде альянса между российскими либеральными политиками и военными...»

С дистанции в почти сто лет исследователь отмечает, что основным вопросом ситуации того времени был вопрос заключения соглашения с образованными слоями общества или отказа от него. *«И если рассматривать революцию в России с такой точки зрения, то, получается, что выбор был не между тем, чтобы совершить ошибку или избежать ее. Трагедия заключалась в том, что приемлемого решения просто не было. Однако по поводу конфликта между меньшевиками и большевиками следует сказать еще одну вещь. У обеих сторон были свои ошибки, и верные идеи. Только меньшевиков их комбинация правильных идей и ошибок в итоге парализовала, а большевиков – привела к подъему и толкнула к действиям. И уже только по этой причине само будущее (хорошо это или плохо) принадлежало большевикам»* [<http://liva.com.ua/lieswetell-aboutlenin.html>].

Дискредитировав и/или проигнорировав идеи своих противников и физически устранив многих из них, большевистское руководство «разогнало демократически избранное Учредительное собрание (январь 1918 г), национализировало землю и промышленность, ликвидировало товарно-денежные отношения, создало однопартийную политическую систему. Все это вызвало недовольство землевладельцев и предпринимателей, демократической интеллигенции, крестьян-середняков, политических соперников большевиков...

Драматические события 1919 года связаны с красным тер-

рором. Большевики утверждали, что это был ответ на белый террор, но на самом деле это был террор против всех потенциальных врагов советской власти, а не только против белых. Только осенью 1918 г. большевики расстреляли около 15 тыс. аристократов, офицеров, буржуа, меньшевиков, эсеров, кадетов... Самой трагической страницей борьбы на внутреннем фронте в этот период стали события на Дону и Кубани, где после выступления белых войск большевики установили режим жестокого контроля и выявления всех контрреволюционных элементов»...

Приверженцы «Ленина и Ко» могут сколько угодно говорить о том, что их идеи «завладели массами», но в тот период всё обстояло далеко не так, как им хотелось бы: «К противникам большевизма принадлежали монархические, кадетские, октябристские партии и организации, военные диктаторские режимы, объединенные неприятием большевизма. На их стороне был опытный командный состав, прошедший горнило мировой войны, прекрасная кавалерия, костяком которой было казачество, временная поддержка сибирского крестьянства и даже части рабочих масс (Ижевско-Воткинские полки), интервенция и оккупация значительных районов России зарубежными союзниками, материальная помощь интервентов, установление международной блокады Советской России».

Следует отдать должное большевистскому правительству: в этой экстремальной обстановке «была создана система чрезвычайных органов снабжения, контроля, борьбы с контрреволюцией и т.д. Вместо товарно-денежной системы, которая не действовала, происходил натуральный продуктообмен. В идеологии была сделана ставка на революционную стойкость, фанатизм, самоотверженное мужество, внеэкономическое принуждение и террор в отношении несогласных с действиями власти, подчинение личных интересов государственным».

Гражданская война стала поистине гуманитарно-экономической катастрофой: «с обеих сторон погибло 2,5 млн. человек, эмигрировало 2 млн. человек. Всего население России сократилось более чем на 10 млн. человек. Национальный доход упал с

11 млрд. руб. в 1917 г. до 4 млрд. в 1920 г. В политической жизни утвердилась диктатура большевизма».

Важным фактором для последующих политических дискуссий в стране явилось и то обстоятельство, что гражданская война носила характер войны оккупационной, имперской по отношению к национальным окраинам России и новым независимым государствам (наступление большевиков на Украину в 1918 и 1919 гг., на страны Прибалтики – в 1919 г., на Польшу, Азербайджан и Армению – в 1920 г., на Грузию – в 1921 г., на Среднюю Азию – в 1920-1922 гг., что было войной «красного империализма», попытками вернуть утраченные территории и сформировать новую империю под красным флагом» [http://uchebnikonline.com/istoria/vsesvitnaya_istoriya_-_gonchar_bm/radyanska_derzhava_1918-1939.htm].

Не стоит забывать и о типично российской особенности политических ли, бытовых ли споров: их обязательная национальная подоплёка. Не вдаваясь в подробности генеалогического древа Ленина и отдельных его соратников, отметим высокий процент евреев среди меньшевиков. В 1905 году революционер, атеист, грузин по национальности Сталин, выступая перед рабочими Батуми, скажет: *«Ленин возмущен, что Бог послал ему таких товарищей, как меньшевики! В самом деле, что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод – жида обреченные. Да старая баба Засулич. Поди и работай с ними. Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусы и торгаши!»* [Воспоминания видного меньшевика Р. Арсенидзе] (цит. по <http://rusmirzp.com/2012/11/17/category/society/5780>)

А в 1907 году, вернувшись с Лондонского съезда и анализируя национальный состав партийного руководства, Сталин писал: *«Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи, далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи, затем грузины и т.д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя, что меньшевики – еврейская фракция, большевики – истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить*

в партии погром» [<http://rusmirzp.com/2012/11/17/category/society/5780>].

Слово «**pogrom**», вошедшее во многие языки если и не всего мира, то Европы, наводило ужас на жителей черты осёдлости большинства городов Российской империи, особенно её южной части. Черносотенные погромы закончились после гражданской войны, большевистские – стали набирать силу и размах в начале 20-х годов прошлого столетия. Когда же Сталин был искренен: в 1907 году или в 1931, когда, отвечая на вопрос Еврейского телеграфного агентства из Америки, он сказал: *«Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеческоненавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма.*

Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью»? [цит. по <http://rusmirzp.com/2012/11/17/category/society/5780>].

Честно говоря, меньшевикам, независимо от национальной их принадлежности, было в чём упрекнуть своих бывших однопартийцев: провалы при проведении коллективизации и индустриализации, голод и разруха на просторах громадной страны, искоренение политического плюрализма и подавление любых проявлений общественной жизни, не санкционированных Соввластью и Компартией, ущербная и авантюрная внешняя политика государства (а выше мы уже говорили о гражданской войне).

Реакция властей на подобные критические замечания была проста и бесхитростна: аресты, ссылки, увольнения с работы. Всё перечисленное испытала на себе еврейская семья Соко-

ловских. На допросах Вера Соколовская по требованию следователя называла людей, с которыми контактировала и была знакома. Фамилии Локерман, Цейтлин, Янкелевич, Кейлис, Малкина, Гезенцвейн, Левин, Резуль, Штерн, Якобсон, Брук, Заславский и др. [л.д. 73-78 и далее] имеют очевидное неславянское происхождение, с этими людьми Соколовская общалась в Одессе, встречалась в тюрьмах и в ссылках. Все они – члены меньшевистской партии. Такими же меньшевиками были и проходящие вместе с нею по этому делу её муж Даенман и их знакомый из такой далёкой одесской жизни Соломон Ильич Чижик, 1904 г.р., прошедший Одесскую и Суздальскую тюрьмы, побывавший в ссылках в Череповце, Енисейске и Ярцево Красноярского края, но не изменивший своим убеждениям («я являюсь убеждённым меньшевиком, есть и, какую бы меру наказания я сейчас ни получу: 3 года, 10 лет и даже 25 лет ссылки, я при своих меньшевистских убеждениях останусь и впредь») (допрос от 11 августа 1938 г., [л.д. 106-116]). Подобное заявление в те годы и в стенах той организации требовало большого мужества!

В то же время многие, большинство из них, отрицали свои антисоветские взгляды, а тем более – проведение антисоветской агитации. Верить ли в это? Несмотря на постоянные заявления следователей типа *«следствие располагает неопровержимыми документами и уликовыми данными о том, что вы являетесь участником антисоветской меньшевистской организации»* [л.д. 116], *«меньшевистского подполья»*, *«меньшевистского центра»* [л.д. 33-39 и многие другие], каких-либо документальных подтверждений этому в деле нет. Обвинения частично основывались на материалах допросов Кейлиса Иосифа Яковлевича, умершего в кировоградской тюрьме 28 июля 1938 года [л.д. 152-а].

Единственный объективный пункт «обвинения» Веры Соколовской – её родство с Львом Троцким. Вот что она сообщила допрашивавшим её сотрудникам НКВД: *«подтверждаю, что я являюсь племянницей Троцкого, но антисоветской работой я не занималась»* [л.д. 39]; *«сестра моей тётки Бронштейн-*

Соколовская Мария Львовна проживает в г. Кировограде, Карла Маркса, 4, у которой содержатся на воспитании двое детей младшей дочери Троцкого – Нины Львовны – сын Лев Невельсон в возрасте 17 лет и дочь, Валентина Бронштейн в возрасте 13 лет» [л.д. 87]. Какую-либо связь с Троцким и/или его единомышленниками на территории СССР, а также проведение враждебной деятельности по их заданию Соколовская отрицала, а подтвердить и доказать свою точку зрения следствию не удалось.

23 февраля 1938 года областному прокурору «для дальнейшего направления по подсудности» передаётся утверждённое начальником Управления НКВД УССР по Кировоградской обл. Небораковым обвинительное заключение, в котором читаем: «обвиняются: 1. Соколовская Вера Ильинична, 1901 года рождения, уроженка г. Иркутска, еврейка, гр-ка СССР, служащая, б/п, дочь видного меньшевика, племянница врага народа Троцкого, до ареста работала бухгалтером в 11 и 16 школах г. Кировограда, проживала в г. Кировограде, в том, что она являлась активной участницей меньшевистской контрреволюционной организации, в прошлом за антисоветскую агитацию имела две ссылки.

В Кировограде с 1934 г. по день ареста состояла участницей меньшевистской подпольной организации, где вела активную контрреволюционную деятельность, направленную против политики Коммунистической партии и Советской власти... виновными признали себя частично, в том, что они собирались на квартирах и опошляли политику партии. Участие в подпольной меньшевистской организации отрицают» [л.д. 215-218].

Материалов судебного заседания в дела Соколовской нет, имеется отметка от 22.06.1955 г. о направлении дела на хранение «как на осужденных на разные сроки» [л.д.218]. В заключениях о реабилитации, утверждённых прокурором Кировоградской области 7 июля 1989 года, указано, что Соколовская и её муж Даенман 28.04.1939 г. Кировоградским облсудом были осуждены по ст. 54-10, 54-11 УК УССР к 8 годам ИТЛ каждый. После отбытия наказания были повторно арестованы по аналогичным статьям УК РСФСР и за принадлежность к мень-

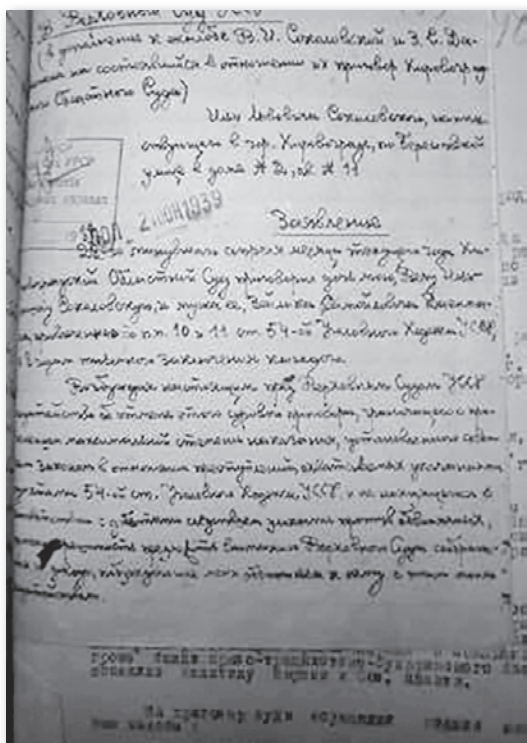
шевистской организации постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 09.02.1949 г. отправлены на поселение. Чижик С.И. в 1939 г. был осужден к 10 годам ИТЛ. Эти люди сознательно решили не «стоять» за Советскую власть, а «сидеть» за неё. Все они реабилитированы, однако дальнейшая судьба их и их родственников не установлена.

При обсуждении с коллегой-историком проекта данного материала тот посоветовал обратиться к воспоминаниям М. Штейнберг, опубликованным в сборнике **«Память» [ПАМЯТЬ, Исторический сборник, Выпуск первый, Москва 1976, Нью-Йорк, 1978]**. В предисловии редакция отмечает, что печатает записанный со слов Штейнберг рассказ «Этап во время войны» потому, *«что о судьбе заключённых в тюрьмах прифронтовой полосы в 1941 году существует множество слухов и любые сведения по данному вопросу имеют особое значение»* [с. 159].

Штейнберг, которая начала свой тридцатилетний путь в «Архипелаге ГУЛАГ» со середины 20-х годов прошлого века, содержалась в кировоградской тюрьме в июне-июле 1941 года и в составе большой группы других заключённых была отправлена в составе пешего этапа на восток страны (немецкие войска вошли в Кировоград 5 августа 1941 года). Дальше – просто цитаты из её рассказа: *«После Аджамки я 30 километров тянула за собой мою сокамерницу Соколовскую. Это была старая женщина, лет под семьдесят, совершенно седая, ярко выраженного еврейского типа. Она была рафинированной интеллигенткой. Она приходилась родной сестрой первой жене Троцкого. Только потому её и посадили (здесь примечание редакции: «Автор ошибается: шедшая с ней в этапе Берта Ильинична Соколовская была арестована, вероятно, из-за своего мужа, бывшего братом первой жены Л.Д. Троцкого – Натальи Львовны»).*

«Ей было очень трудно идти. Она цеплялась за меня и всё время говорила про свою 15-летнюю внучку, с которой жила. Последним страхом в жизни Соколовской был страх, что эту внучку тоже возьмут. Мне было тяжело тащить её за собой,

и я сама стала падать. Она говорит: «Ну, отдохни немного, я пойду одна». И тут же отстала на два метра. Мы шли последними. Когда я почувствовала, что она отстала, я обернулась, хотела взять её – и увидела, как её убили. Её закололи штыком. Со спины. Она не видела. Но, видимо, хорошо закололи. Она даже не шелохнулась. После я думала, что она умерла более лёгкой смертью, чем все остальные. Она не видела этого штыка. Она не успела испугаться» [с. 168-169].

«Да, я могу повторить, что в нашем этапе, в основном, погибали мужчины. Помню ещё одного из них, Седого. Он был до революции редактором газеты «Одесские новости». Когда его взяли, ему было уже далеко за семьдесят – он был глубокий старик. И меня поразило, с какой заботой относилась к нему мо-

подёжь. Его всё время вели под руки, поддерживали по двое. Вели эстонцы, латыши... То ли это были сокамерники, то ли нет – мне трудно сказать, какое это было знакомство. Я не могла выйти из рядов, чтобы с ним познакомиться, но я знала, что это – Седой. Я его всё время видела.

...Его доби́ли, когда выбилась из сил молодёжь, когда никто не мог тащить никого и ничего». Есть примечание редакции: «Седой» – литературный псевдоним редактора «Одесских новостей» Ильи Львовича Соколовского (другой псевдоним «Вестовой»), бывшего в молодости близким другом Троцкого и родным братом его первой жены – Натальи Львовны. Мемуаристка либо не знала, либо запаматовала, что к моменту ареста И.Л. Соколовский был уже совсем слепым (поэтому, вероятно, его и поддерживали под руки), а упомянутая выше Б.И. Соколовская – жена «Седого» – была его спутницей во всех скитаниях, начавшихся во второй половине 1920-х годов ссылкой в Ташкент, и в описываемом этапе также шла вместе с ним» [с. 178].

Сложно судить о правильности и глубине политических убеждений «Седого», однако текст и почерк приобщённого к делу письма И.Л. Соколовского в Верховный суд УССР [л.д. 195-197], выдают в нём человека образованного и глубоко интеллигентного.

Пересказанная история, пусть и с опозданием, но приоткрывает неприглядные стороны и называемой «Великой» Октябрьской революции, и марксизма-большевизма как «единственно правильного революционного учения», и работы «вооружённого отряда партии». Увы, давно сказано, что история учит тому, что ничему не учит...

P.S.

Помните должность лица, утвердившего обвинительное заключение по делу? Тогда не полнитесь и прочтите ещё один пассаж из воспоминаний Штейнберг: «Через некоторое время я оказалась в лагере в Караганде. Сначала доходила на общих работах, а потом одна женщина-врач спасла меня – взяла к себе в помощницы. Я поселилась в ИТРовском бараке.

И вот однажды зимой занесло снегом барак, даже окно в

крыше было залеплено снегом. Я стояла у окна, внутри. И ждала. Слышала, что лопатой соскребавают снег, и вот-вот окно откроется. И когда окно открылось, я увидела ногу. Нога была в глубокой галоше. Отёк этой ноги был так велик, что он свисал на галошу. Цвет кожи был страшный, жёлто-землистый, как бывает у трупов.

Не помню, почему, но с вечера я свою баланду не съела. На трубу, которая вела от печки, мы положили кусок железа – и вот на этом железе стояла моя баланда. Она была не горячая, но всё-таки тёплая. И когда я увидела эту ногу, я постучала: мол, откапывайте скорее и войдите. И вот он вошёл. Я поставила ему баланду. Спросила, как всегда спрашивают при встрече в тюрьме: кто вы, откуда, в чьей бригаде, что вы делали до полустационара? Он ответил, что он из Кировоградской области, работал начальником НКВД. Я ему спокойно сказала: «Значит, я вам обязана своим пребыванием здесь?» – «Может, и нет»... Я спросила: «Ну, как же вы, начальник НКВД, сюда попали? Как вы могли сюда попасть, за что?» И он мне рассказал, что когда немцы стали подходить ближе, они все следственные дела передали военным частям, которые там стояли, и весь НКВД целиком пошёл на фронт. Они доехали до Петровки – это в 30 километрах от Александрии, только с другой стороны, чем Верблюжка и Аджамка. В Петровке их окружили. Они все закопали свои партбилеты, постарались снять с себя все знаки отличия, но им удалось всё-таки пробиться к нашим. И когда они всё рассказали про окружение, их спросили: «Где ваши партбилеты?» – «Закопаны». – «А, значит, они, немцы, вас выпустили. Они вас послали».

Дали им шпионаж, самые страшные статьи шпионажа, да ещё групповой шпионаж – представляете, в той обстановке что всё это значило?!

Он выглядел страшно. Баланду, которую я ему поставила, он не доел – уже есть не хотел. Ему уже важнее было то относительно тепло, которое было в этой землянке.

Через 3-4 дня – конец. Я сама навешивала ему бирку, какую навешивают на мертвецов» [с. 183-184].

Как думаете, совпадение?

«“Католические шпионки”» или «гарантировано конституцией»*

7 августа 1876 года в Леувардене (Нидерланды) родилась Маргарета-Гертруда Целле, снискавшая известность как танцовщица и авантюристка под псевдонимом Мата Хари (по-индонезийски «солнце» или «Глаз рассвета»). Она была расстреляна во Франции в 1917 году за шпионаж в пользу Германии. Псевдоним Мата Хари стал ассоциироваться с такими понятиями как шпионаж, интрига и чувственность.

Мы уверены, что «шпионки», речь о которых пойдёт ниже, выглядели менее импозантно.

Вас удивили двойные кавычки? Так всё просто: первая пара кавычек означает, что текст есть цитатой, а вторая – что значение текста подвергается авторами сомнению.

Конституции советского периода (а их была не одна!) «гарантировали» свободу совести, то есть, граждане могли исповедовать какую-нибудь религию или быть атеистами. Внешне всё было именно так: на территории страны функционировали храмы, верующим дозволялись религиозные отправления. Собственно, и сами большевики позаимствовали многое из практики христианства: это и «храм»-мавзолей с забальзамированным телом «верховного жреца», портреты-иконы с изображением вождя и его «апостолов»-членов ЦК, «проповеди»-доклады на партсъездах и их последующее обсуждение на партсобраниях и в коллективах трудящихся и т.п. Чего стоит одно только определение его общественной теории: «Учение Ленина всесильно, ибо оно верно»!

На деле же большевики вели постоянную непримиримую борьбу против своего конкурента – религии и её носителей. Практически сразу после Октябрьского переворота (так сами большевики называли революцию 1917 года) по всей стране были физически уничтожены тысячи служителей различных

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 4134

культов, были десакрализованы и разрушены тысячи храмов и мест поклонения. Приёмы и методы этой борьбы были, как и на всякой войне, не очень рыцарскими.

Издавна на территории нашего края проживают поляки, что и не удивительно: за эту территорию столетиями воевали литовцы и поляки, русские, татары, немцы и т.д. Представители названных и других народов оседали здесь, занимаясь хозяйством, торговлей, ремёслами. Известно, что поляки в массе своей – католики, потому и был у них костёл и небольшая община при нём. Местная послереволюционная власть, кое-как терпевшая православные храмы, костёл невзлюбила. К этой нелюбви добавило горечи поражение от «панской Польши», которое та нанесла воспетой советской историографией Первой конной армии в 1920 году во время возглавленного Тухачевским провального наступления на Варшаву.

Решительные оргвыводы власть реализовала в начале 30-х годов, когда католический храм был ликвидирован, а его служители разогнаны. Нужно отдать должное силе убеждений прихожан: они, даже при отсутствии клириков, продолжали собираться на частных квартирах, где молились, слушали по радио проповеди и религиозные отправления из Польши. Подобная практика показала властям неприемлемой для общества, в котором «весь советский народ, как один человек...», потому к делу подключили НКВД.

Всего по делу № 4134-п (заведено 18 июня 1937 года, решение вынесено Народным комиссаром внутренних дел Ежовым и Генеральным прокурором СССР Вышинским 18 августа 1937 года) проходило 37 человек, из которых 7 – женщины. Самым старшим в группе был Ксаверий Келлер, 1867 года рождения, самой молодой – Ванда Савицкая, 1902 года рождения. Из числа фигурантов расстреляно – 14, осуждено на 10 лет лагерей – 3, на 8 лет – 4, на 5 – 1. Все были реабилитированы Военным трибуналом Киевского военного округа в феврале 1958 года. До дня реабилитации дожили двое из осужденных.

Взять и арестовать человека ни что ни про что, а затем посадить в тюрьму, а то и расстрелять – недемократично. Потому

и придумали «рыцари Дзержинского» целую *«подпольную польскую националистическую антисоветскую организацию»*, к которой и причислили прихожан костёла. А чтобы история выглядела более драматической и угрожающей для власти, некоторых из них ещё и в шпионаже обвинили. Шпиономания 30-40-х и начала 50-х годов прошлого столетия была навязана, привита населению властью с целью оправдать недочёты и откровенные ошибки этой же власти *«происками коварного врага»*. Объективности ради следует одновременно признать, что спецслужбы западных государств действительно проводили против СССР подрывную деятельность. Не последней среди них по активности была Польша, западный сосед СССР и его недавний противник в войне. Вполне понятной, разумной и оправданной выдаётся и тактика, в частности немецких и польских спецорганов, делать ставку на колонии своих соотечественников в СССР; но, извините, обвинять в шпионской деятельности малограмотную 67-летнюю пенсионерку только на том основании, что она – верующая католичка, это уже слишком!

Речь идёт о Плавинской Франциске Ивановне, 1870 года рождения, проживавшей в Кировограде, пер. Чигиринский, 25. Она родилась в бывшей Подольской губернии, её родня проживала на территории Польши, куда в 1924 году нелегально выехал её сын, Плавинский Иосиф. Из протокола допроса: «Вопрос: *Какие вы имели делавия связи с вашими сыновьями и братьями проживающими в Польше шпионского характера?»*.

«Ответ: *Деловых связей со своими сыновьями и братьями проживающими в Польше шпионского характера я имела, а именно: в 1936 году я получила письмо шифрованное от своего брата проживающего в городе Варшаве Журковского Филипа Яновича. Это шифрованное письмо которое я расшифровать не могла, но всё же отдельные фразы я расшифровала и поняла оттуда из этих расшифрованных фраз о близости войны с СССР, остальное я не сумела расшифровать и письмо сожгла.*

В январе месяце 1937 года я получила письмо от моего сына Плавинского Иосифа Густафовича который нелегально в 1924 году ушёл закордон в Польшу, в этом письме мой сын

Иосиф предложил мне достать план с расположением стратегических объектов города Кирова, так как этот план ему необходим.

После получения таких явно шпионских предложений от брата Журковского Филипа и от моего сына Плавинского Иосифа я пришла к твёрдому убеждению что они являются шпионами и хотели меня втянуть в шпионскую деятельность

Вопрос: Ещё какие шпионские задания вы получали из-за границы, какие именно и откого?

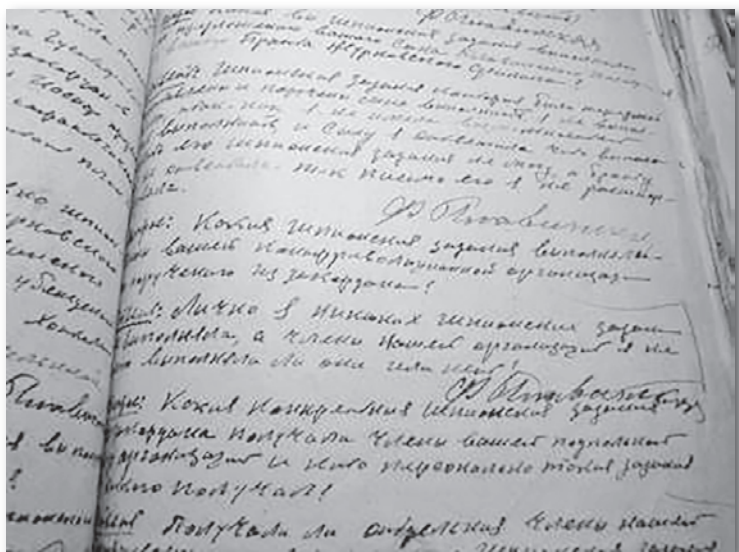
Ответ: Больше никаких заданий шпионского характера я ни откого не получала» [л.д.123].

Вы заметили ошибки? Это не наши ошибки, именно так пишет в протоколе сержант госбезопасности Козинец. Подобной безграмотности и бреда с претензией на контрразведку в деле из 647 страниц много, но за недостатком места мы не будем приводить дополнительные примеры.

В своё время одному из авторов пришлось анализировать значительные объёмы рукописных документов на разных языках. Почерки, которыми были исполнены эти объекты исследования, содержали массу информации о своих авторах. Конечно, графологию (как и астрологию) можно не признавать науками в полном смысле этого термина, но многие серьёзные люди признают несомненные достижения обеих. Так вот о почерках: подписи малограмотной Плавинской на листах протоколов чёткие, скоропись выработанная, буквы соединены. Почерк сержанта г/б Козинца маловыработан, каждую букву он пишет отдельно. Вместе с грубыми орфографическими ошибками и отсутствием представления о существовании знаков препинания это говорит о невысоком уровне его интеллекта.

Савицкую Ванду Антоновну, 1902 года рождения, замужнюю, домохозяйку, проживавшую по адресу ул. Львовская, 38, арестовали 20 июня 1937 года. Проведенный в тот же день допрос начинается прямым вопросом: «С какого периода времени Вы состоите членом подпольно-контрреволюционной организации, существующей в г. Кирова?» Ответ: «Являясь по национальности полькой и будучи с малых лет воспитана в польском

националистическом духе своими родителями Сятецкими, которые в 1921 году нелегально бежали из СССР в Польшу, я по своим убеждениям являюсь и продолжаю оставаться настроенной в националистическом духе польской националисткой, в то же время патриоткой нынешней Польши, куда нелегально бежали мои родители, отец, мать, брат и дядя». Глубокомыслием и логикой поражает следующий вопрос следователя (ст. сержанта госбезопасности Козинца): «Когда Вы примкнули к польско-контрреволюционной националистической организации?» Ответ: «К польско-националистической контрреволюционной организации я примкнула совместно со своим мужем, Савицким Марьяном Владиславовичем в 1922 году после нелегального ухода всей нашей семьи в Польшу» [л.д.151].

Вопрос: «Какие конкретно задачи ставила перед собой подпольная контрреволюционная организация?» Ответ: «Контрреволюционная деятельность польской к.р. организации и её участников сводилась к: 1) создание подготовки польских националистических к.р. кадров; 2) Воспитание молодёжи в польском националистическом духе, прививая им патриотизм к

нынешней Польше и ненависть к Советской власти и советской культуре; 3) Разжигание недовольства существующим строем и пропаганда антисоветских взглядов участниками к.р. организации; 4) Сбор средств среди участников к.р. организации для оказания помощи организатору польской контрреволюционной организации ксёндзу Шенфельду, находящемуся в концлагере, и др. руководителям польскими к.р. ячейками ксёндза Пшежецкого, проживающий в Умани, который... организует нелегальные молебны и к.р. проповеди среди польского населения» [л.д. 152].

Шедива Мария Иосифовна, 02.02.1894 г.р., ур. Гродненской губ., немка, портниха, инструктор по шитью в детдоме и регистратор женской консультации, прож. пер. Покровский, 13. На допросе 4 июня 1937 года: «...с малых лет как немка воспитана в лютеранском духе, но начиная с 1927 года я была втянута в польскую националистическую среду, приняла католическую веру и по своим убеждениям всё же продолжала продолжая оставаться ярким патриотом Германии, несмотря на то, что все члены к.р. националистической организации, в которой я состою, являются польскими националистами, активными сторонниками Польши» [л.д. 211].

Менялго Екатерина Флориановна, 1902 г.р., ур. г. Ковно, литовка, портниха-кустарь, образование 4 класса. Член совета общины, собирались после 1934 года по квартирам «на чашку чаю», на именины и т.п., несколько раз слушали радио. 4 июня 1937 г.: «разговоров о выезде за границу я никогда ни с кем не имела», «повторяю свои показания и подтверждаю, что ни с кем я разговоров о переходе границы в Польшу не вела и об этом со мной никто никогда не говорил» [л.д. 227].

Кокина Марта Антоновна, 1888 г.р., ур. г. Двинска, латышка, двое сыновей: Артур, 28 лет, авиатехник, и Бронислав, 23 года, оканчивал машиностроительный техникум г. Кирова. «26 августа 1926 г. я с сыном Брониславом приехала по визе советского полпредства в Латвии к моему мужу, который работал на стопальном заводе в г. Днепрпетровске» [л.д.277].

«Мой муж, Кокин Иван Антонович, до нелегального перехода

в СССР, т.е., до начала 1926 года, состоял членом Социал-демократической Латвийской партии. В конце 1925 года во время правительственных выборов мой муж с группой социал-демократов откололись от партии и представляли из себя более левую группу, вели активную работу среди населения и рабочих, за что были арестованы... Перед самыми выборами муж в числе пяти человек был арестован полицией и направлен в Ригу в центральную тюрьму. В тюрьме муж просидел шесть месяцев и был освобождён под залог, деньги были собраны среди рабочих... После освобождения из рижской центральной тюрьмы мой муж, Кокин Иван Антонович через несколько дней, приблизительно пять-шесть, першёл нелегально советскую границу» [л.д. 279].

Мельникова Стефания Игнатьевна, 1897 г.р., ур. Польши, экспедитор готовой продукции завода «Красная звезда», г. Кирова, ул. В. Быковая, 1;

Гулдари Мария Францевна, 58 лет, Подольская губ., русская, с домашним образованием, инструктор детдома №4, допрос от 15 августа 1937 г.: «Вопрос: Вы обвиняетесь как член польской подпольной к.р. националистической организации и в проведении к.р. националистической деятельности. Признаёте себя виновной?» Далее следователь задаёт дополнительные вопросы, содержание которых мы не приводим, оно становится понятным из ответов обвиняемой: «Виновной себя не признаю... Никем и никогда я не вербовалась... Никаких участников польской к.р. организации не знаю... Ничего практически мною не проделывалось, так я не состояла в к.р. организациях... Никакой к.р. работой я не занималась... Так как я никогда ни в какой организации не состояла и о свержении Соввласти вооружёнными восстаниями тоже никогда и не думала, и с ксёндзами никогда не встречалась и не встречаюсь... Я Шенфельда не знаю и сведений никаких ему не давала... Никакую к.р. организацию не знаю» [л.д. 302-303].

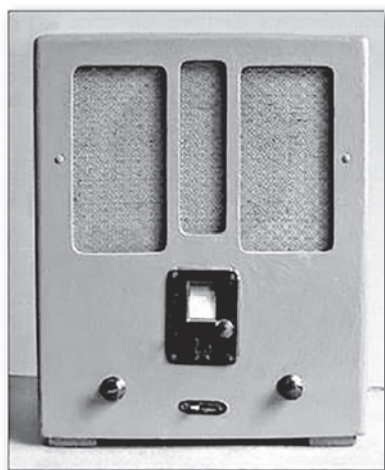
К делу приобщено заявление в политотдел 90 авиабригады, г. Конотоп, от старшего метеоролога-воентехника 2 ранга Кокина Виктора Ивановича. В конце июня 1937 года, получив от брата письмо об аресте родителей, он обратился в политотдел

и в особый отдел части, написав в своём заявлении: *«Проработавши приказ Народного Комиссара обороны Маршала Советского Союза и Народного Комиссара Внутренних Дел, считаю своею обязанностью донести Вам о взглядах и прошлой деятельности моего отца».*

Кокин рассказывает о том, что его отец – член Коммунистической партии с 1917 года, участвовал в революционных событиях в Латвии, был арестован, затем освобождён под залог, нелегально бежал в СССР. После прибытия в СССР начал было ходатайствовать о переводе его в ВКП(б), но позже от этой мысли отказался, так как не разделял политику партии, критиковал Сталина за сокрытие от коммунистов так называемого «завещания Ленина», высказывался в поддержку троцкистско-зиновьевской, а затем и бухаринской оппозиции. Введение карточной системы на хлебные продукты и мясо рассматривал не как «временные трудности роста», а как кризис Советской власти.

Сын подробно расписал, как родители слушают передачи польского радио, как комментируют информацию о положении в Советском Союзе. Упомянул и о высокой степени религиозности матери, которая по воскресеньям приглашает подруговесниц и других прихожан упразднённого костёла слушать церковную службу из Варшавы [л.д. 304-309].

Мы нашли фото и описание радиоприёмника, которым пользовались «шпионы». Этот радиоприёмник прямого усиления "СИ-235" (Сетевой Индивидуальный 2-контурный, 3-ламповый 1935 года выпуска) начали производить на Московском заводе имени Серго Орджоникидзе, а позже и на Александровском радиозаводе. Производство радиоприёмника "СИ-235" продолжалось до конца 1939 года. Благодаря своей простоте и небольшой стоимости приёмник быстро завоевал популярность у населения. Приёмник предназначен для приёма радиостанций, работающих в диапазонах ДВ – 714-2000, СВ – 200-545 метров. Номинальная выходная мощность унч – 0,6 Вт. Потребляемая мощность от сети 110, 127 или 220 в – 40 Вт. Размеры модели 340х420х215мм. Приёмник собран в корпусе

из многослойной фанеры, с фактурной отделкой поверхности под шагрень. Снятие задней стенки отключает напряжение сети. Цена приёмника 250 руб (1935). К примеру, проезд в метровокзал то время стоил 30 копеек.

Обвинительное заключение по делу звучит как самореклама карательных органов: *«Кировским горотделом НКВД раскрыта и ликвидирована польская к.р. националистическая организация, которая на протяжении ряда лет проводила активную контрреволюционную фашистскую работу с целью отторжения Советской Украины и присоединения её к фашистской Польше»* [л.д. 331]. Спасибо, родные, спасли от присоединения к Европе!

Из двадцати двух обвиняемых виновными себя признали 9 чел. (из них 4 женщины), частично виновными – 9 (женщин – 2), не признали своей вины четверо (одна женщина, Голдари). Все были осуждены 18 сентября 1937 года. Расстреляны (из числа женщин) Плавинская Ф.И., Мельникова С.И., Меньяло Е.Ф., Савицкая В.А.; Шедива М.И. и Кокина М.А. получили по 8 лет, Голдари М.Ф. – 10 лет исправительно-трудовых лагерей [л.д. 360-380].

20 декабря 1957 года Кокина М.А. обращалась с письмом в УКГБ по Кировоградской области с просьбой о пересмотре дела. С аналогичной просьбой обращалась в Главную военную прокуратуру СССР дочь Ванды Савицкой Шароварова Елена Марьяновна (г. Кировоград, ул. Красногвардейская, 12). Дело было пересмотрено Военным трибуналом Киевского военного округа 7 февраля 1958 года и прекращено *«за отсутствием состава преступления»*, все проходящие по нему лица реабилитированы [л.д. 564-577]. Оставшимся в живых фигурантам или их родственникам были вручены соответствующие справки, за которые Кокина и Шароварова даже *«сердечно поблагодарили»* [л.д. 609, 612].

В апреле 1958 года Шароваровой Е.М. к тому же была выплачена компенсация в счёт ранее конфискованного имущества её родителей в сумме 1496 (одна тысяча четыреста девяносто шесть) рублей [л.д. 639-644].

В феврале 1958 года Шедива М.И. проживала по адресу: Ка-

захская ССР, Илийский р-н, ст. Толгар, ул. Сталина, 83 [л.д. 587].

Обвинение членов католической общины в проведении антисоветской деятельности, шпионаже, подготовке вторжения на территорию СССР со стороны Польши и Германии, *«подрывной работе под руководством польского консула в Украине»* подтверждения не нашло, однако «заказ» был, потому «высокоинтеллектуальные контрразведчики» Ежова скоренько «подумали» фабулу, в соответствии с которой и расправились с группой прихожан.

Народная мудрость утверждает: «Правда всегда победит». Если ленинское учение и на самом деле было правдивым и «единственно верным», то почему оно не победило? Почему его «жизнеспособность» надо было доказывать, расстреливая непринявших его, не поверивших в него?

В конце концов, прогуляйтесь по центру города, вы увидите римо-католический храм. Он возвышается всего в нескольких сотнях метров от здания нефункционирующего уже обкома той партии, которая когда-то торжественно заявляла: «Всё – во имя человека, всё – на благо человека». Победа, как говорится, налицо.

Могилы же людей, погибших за свои убеждения, за веру в победу Высшей правды, мы уже не отыщем: этой тайны архивные дела не открывают...

«Япона-шпиона»*

Пожалуй, до конца 80-х годов прошлого столетия в спецслужбах Советского Союза сохранялось убеждение, что побывавший за рубежом – почти шпион. В 30-40-х годах пребывание гражданина СССР за границей практически на 100% влекло за собой арест и суровое дознание с гарантией как минимум тюремного срока. И это не досужий вымысел, не клевета на наших славных: тому масса примеров среди архивных следственных дел.

Вот только одна из таких историй. Жеденко Мария Фёдоровна родилась в 1884 году в станице Отрадной Краснодарского края в многодетной семье. Отцу было непросто всех прокормить, поэтому в 1908 году во время кампании по переселению в Уссурийский край, Мария вместе с тёткой решила уехать на заработки. Поезд проходил через Харбин, где тётка её оставила, устроив на работу в какую-то еврейскую семью. Через два года она вышла замуж за Жеденко Фёдора Яковлевича, слесаря на железной дороге, и проживала в Харбине до 1935 года, когда Советский Союз продал КВЖД. Советскому персоналу было предложено выехать на родину. Распределительная комиссия в Иркутске направила Жеденко Ф.Я. в Ташкент, но, поскольку он был уже пенсионером, то по направлению не поехал, а махнул в Кировоград, где у него были мать и сестра.

Семья купила жильё по адресу ул. Индустриальная, 69/34, жили на пенсию мужа и на валюту, которую получали от японцев (по договору о продаже КВЖД те ещё три года платили компенсацию советскому персоналу дороги) [л.д.18]. Вот вам и основание для подозрений! Жеденко Ф.Я., 1879 г.р., был арестован в 1937 году, а его сын, Яков Фёдорович, 1918 г.р., в начале 1938 года. Оба, естественно, как японские шпионы.

Жеденко Мария Фёдоровна дождалась своей очереди 27 июня 1941 года [л.д.1-4]. Её обвинили в антисоветской аги-

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 3697

тации, высказывании пораженческих настроений и, конечно же, в шпионаже в пользу угадайте какой страны. После ареста мужа и сына Жеденко жила на деньги, вырученные от продажи привезенных из-за границы вещей, выращивала и продавала на базаре овощи. Эти овощи и подвели её однажды: она понесла их продавать под военный городок лётчиков на Ново-Николаевке, тогда одной из окраин города (забор, окружавший городок и после войны, был снесён уже в 60-х, свой статус закрытой территории городок утратил, сейчас о его «боевом» прошлом напоминают лишь трёхэтажные ДОСы – дома офицерского состава – да здание бывшего штаба авиасоединения, ныне роддом).

Из протокола допроса от 6 июля 1941 года: «Вопрос. Чем Вы занимались в 1940 году? Ответ. В 1940 году летом я ухаживала за овощами – помидорами, баклажанами, луком, чесноком и другими, а также за яблонями и грушами. Когда всё это стало созревать, я как овощи, а так же яблоки и груши носила продавать на базар в гор. Кировограде и на окраине в Ново-Николаевской слободке. Вопрос. В военном городке вы продавали тоже яблоки, груши и другие овощи? Ответ. Раза два ходила продавать яблоки около военного городка лётчиков, но в связи с тем, что там милиция не разрешает продавать, я затем решила больше не ходить туда. Вопрос. Скажите, с какой целью вы ходили к военному городку лётчиков? Ответ. К военному городку лётчиков я ходила продавать яблоки исключительно с той целью, что там можно было продать дороже. Вопрос. Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы ходили продавать яблоки к военному городку с целью разведывания наших воздушных сил, находящихся в окрестностях Кировограда. Почему Вы это скрываете?» [л.д.23-24].

Так называемую «антисоветскую агитацию против мероприятий Советской власти», якобы проводимую Жеденко, следствие безуспешно попыталось подтвердить показаниями её соседей от 1938-39 гг., «шпионаж» решительно остановился на плодово-овощной торговле, однако 19 июля 1941 года подготовило обвинительное заключение по её делу [л.д.40-42].

Следующим документом идёт заявление оперуполномоченному Усть-Каменогорской тюрьмы от заключённой Якубе Анны Алексеевны, а затем протоколы допроса от 23 апреля 1942 года её и ещё одной жительницы г. Кировограда, Курганской Татьяны Никаноровны. Как было установлено, 1 августа 1941 года, ввиду сильных бомбардировок города Кировограда противником, всех заключённых местной тюрьмы решили эвакуировать из прифронтовой зоны в г. Павлоград, вели пешим этапом. При остановке на ночлег в неизвестном населённом пункте, в сарае, Жеденко предприняла попытку самоубийства через повешение, однако принятыми своевременными мерами была из петли вынута и реанимирована [л.д.43-47].

Управление НКВД по Восточно-Казахстанской области «доработало» полученное из Кировограда следственное дело в отношении Жеденко М.Ф., а Особое Совецание при НКВД СССР *«постановило: Жеденко Марию Фёдоровну, как социально-опасный элемент, заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая срок с 28 июня 1941 года. протокол № 2-м от 09.01.1943 г.»* [л.д.58-59]. Её освободили в 1946 году, однако сама она домой ехать не могла, так как в результате болезни в период пребывания в лагере получила паралич верхних и нижних конечностей. В 1947 году из лагеря её отправили в Кировоград в сопровождении медсестры.

5 февраля 1957 года Военный трибунал Киевского военного округа *«установил: Жеденко была арестована 27-го июня 1941 года и заключена в ИТЛ в связи с тем, что её муж, Жеденко Фёдор Яковлевич и сын, Жеденко Яков Фёдорович, прибывшие из Харбина в СССР в 1935 году, были репрессированы в 1937 году по обвинению в шпионаже.*

В протесте военного прокурора указывается, что Жеденко Мария была репрессирована неосновательно. В материалах дела нет никаких доказательств, изобличающих Жеденко в том, что она знала о преступлениях своего мужа и сына. В деле нет никаких доказательств о её виновности...

Определил: Протест военного прокурора удовлетворить. Постановление Особого Совецания при НКВД СССР от 9 ян-

варя 1943 года в отношении Жеденко Марии Фёдоровны отменить и дело о ней производством прекратить за отсутствием состава преступления» [л.д.64].

Здесь следует отметить, что при аресте Жеденко в июне 1941 года у неё было конфисковано имущество, список которого занимает в деле несколько страниц [л.д.8а-15]. При реабилитации всё конфискованное подлежит возврату или денежной компенсации. Этот процесс занял много времени, с августа 1948 года по февраль 1953 года [л.д. 60-133], однако сведений о выплате Жеденко положенной ей компенсации в деле нет, как, впрочем, и сведений о самой Жеденко.

Железный принцип: «Кому я должен – всем прощаю!» сбавтал и в отношениях государства с конкретным гражданином. Загублена семья, растрчено здоровье, сама жизнь прошла, какое уж здесь имущество: потерявши голову по волосам не плачут. Да и кому компенсировать? Японской шпионке?! А завтра они Курильские острова потребуют?

«Шпионка» из музея*

Мы встречали не одно уголовное дело, возбуждённое оперуполномоченным 3-го отделения УГБ Кировского горотдела Управления НКВД Украины по Одесской области сержантом госбезопасности Козинцем. «Простота» того, что должно было бы быть в них юридическими формулировками, обезоруживает! Прочитируем из очередного постановления о начатии очередного предварительного следствия в отношении очередной жертвы: *«...Козинец, рассмотрев материалы о преступной деятельности гр. Вишевской Марии Лаврентьевны, 1894 года рождения, урож. Польши, гр-ва СССР, работает в историческом музее, проживает Шевченко, 22, выразившейся в том, что Вишевская Мария Лаврентьевна является сестрой секретаря польского консула в Кишинёве Владимира, агента польской разведки, с которым поддерживает нелегальную связь, помогает ему в шпионской деятельности»*. И ничего, что фамилия подозреваемой на самом деле «Вишневская», на подобные мелочи стоит ли обращать внимание в государстве с узаконенным беззаконием! Главное – «закрыть» жертву, ибо *«оставление на свободе Вишневской может повлиять на ход следствия и дать возможность скрыться от следствия и суда»* [л.д.1-2]. Случившееся затронуло не только Марию Вишневскую, но и её мать, Викентию Осиповну, 1860 года рождения (к моменту ареста дочери ей было уже 77 лет!), и сестёр, Инну, учительницу, и Евгению, машинистку.

Мария Вишневская родилась в 1894 году в с. Ступник Литинского уезда (ныне – территория Винницкой области), имея высшее образование, работала в музее, одновременно преподавала в городских школах №№ 6 и 11. Её арестовали 22 августа 1937 года и содержали в городской тюрьме. Сейчас трудно определить, сколько времени Козинец «рассматривал» первичные материалы перед возбуждением дела, но вот первый допрос Вишневской проведен только 21 октября 1937 года: давали по-

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 4326

дозреваемой «дозреть». На первый вопрос о проживающих за границей родственниках Вишневская сообщает о своём брате Владимире, офицере российской царской армии, который в 1917 году вернулся с фронта и проживал в Киеве с матерью и сёстрами. В 1918 году он был арестован петлюровцами, но сумел бежать и оказался в Румынии. Детали его побега сестре не были известны, но она рассказала, что в Кишинёве в то время проживала сестра её матери Шиманская Мария Осиповна (Шиманская, спасаясь от преследований со стороны румынских властей за её революционную деятельность, в 1922 году нелегально перешла границу в сторону СССР, проживала в семье Вишневских до своей смерти в 1929 году). Именно от Шиманской и стало известно, что в начале 20-х годов Вишневский Владимир якобы устраивался на работу в польское консульство в Кишинёве.

Поскольку «дело пахло шпионажем», к допросам подключился начальник Кировского горотдела НКВД лейтенант госбезопасности Шевченко. Он допрашивал Вишневскую 26 октября и 18 ноября 1937 года. Та сообщила, что *«о пребывании моего брата в Румынии мне и моей семье стало известно в 1922-23 годах из письма, полученного от жены брата, которую мы не знали, т.к. брат женился в Румынии. Не помню подробно содержание этого письма, но оно было исключительно семейного порядка. Тогда же мне стало известно о том, что брат работал в польском консульстве в Кишинёве и что намерен заниматься сельским хозяйством на земле, принадлежащей жене. После того первого письма было ещё одно, а возможно больше, точно не помню, письмо, содержание которых вспомнить сейчас не могу. После получения писем, извещающих о том, что брат жив, в семье было принято решение прекратить всякую переписку во избежание каких-либо последствий»* [л.д.11].

Переписка с братом не велась, однако, по словам Вишневской, *«в 1932-34 г.г. на имя моей матери поступило несколько денежных переводов через Торгсин от брата. Я помню несколько таких переводов в сумме 5, 10 и 20 долларов, которыми пользовалась только моя мать, которая в это время было тяжело*

больна. Кроме этого, ею же была получена одна вещевая посылка с поношенной одеждой, повидимому, посланной женой брата». Вишневская твёрдо заявила, что никакой переписки с братом не вела, связей с ним не имела, а также не знала, с кем из лиц, проживавших на территории СССР, он мог поддерживать связи [л.д.11-12].

Скорее всего «для очистки совести» (хотя какая совесть у подобных личностей?!) 18 ноября 1937 года Шевченко прямо заявляет Вишневской: *«Вы обвиняетесь в том, что были связаны с разведывательными органами Польши, проводили шпионскую деятельность»*. Все эти беспочвенные догадки и измышления Вишневская отмечает, заявляя, что никакой связи с иностранными разведками не имела, переписки с братом не поддерживала, о роде его занятий, о его возможных связях на территории СССР ничего не знает [л.д. 14-15].

Примечательно (и во многом характерно для подобных дел того периода), что допрос 18 ноября проводился уже при составленном ещё 15 ноября 1937 года обвинительном заключении [л.д.16-17], в тексте которого Козинец (уже повышенный до должности начальника отделения горотдела НКВД) лихо сплёл воедино тезисы о проводимой польским консульством шпионской работе против СССР, о службе брата Вишневской в белой армии, о нелегальном переходе границы её тёткой, о письмах и денежных переводах из-за границы, на основании чего «Особое Совещание при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР» 21 февраля 1938 года постановило: *«Вишневскую Марию Лаврентьевну за к.-р. деятельность заключить в концлагерь сроком на десять лет, считая срок со дня ареста»* [л.д.18].

В августе 1957 года Вишневская М.Л. обратилась с письмом к Генеральному Прокурору СССР: *«Мне предъявлено было обвинение в том, что у меня за границей брат, что я поддерживала с ним нелегальную переписку и помогала ему в шпионаже. Но о брате моём я за много лет до этого потеряла всякие сведения, ни в какой переписке с ними никогда не состояла и ни к какому шпионажу причастна никогда не была...»*

Я отбыла наказание в Карагандинском трудовом лагере и в 1947 году была освобождена. Здоровье моё было разрушено, силы подорваны и морально я тяжело страдала и страдаю до сих пор, как человек, незаслуженно понесший наказание и вышибленный из колеи. Я не запятнала себя никаким преступлением и считаю себя совершенно невиновной, моя совесть перед Родиной и народом чиста...

Прошу Вас разобрать моё дело и снять с меня тяжёлое обвинение, лежащее на мне позорным пятном» [л.д.20].

16 мая 1958 года Военный трибунал Киевского военного округа, рассмотрев материалы дела и дополнительного расследования, определил: «*постановление Особого совещания при НКВД СССР от 21 февраля 1938 года в отношении Вишневской Марии Лаврентьевны отменить и дело о ней прекратить за отсутствием состава преступления*» [л.д.38-39]. Справку о своей реабилитации Вишневская М.Л. получила 28 мая 1958 года [л.д.42].

Жаль только, что Военный трибунал КВО никакого решения в отношении Козинца и Шевченко не принял, хотя ой как надо было бы! Согласны?

Немцы-лютеране*

Похожий на изображённый выше радиоприёмник был изъят при обыске и у членов лютеранской общины г. Кировограда. Этнических немцев было не так много, но всё-таки в количестве, достаточном для национальной и религиозной общины, центром которой стала лютеранская кирха (она располагалась на территории городского квартала между улицами Гоголя и Преображенской, Паишутина и Тарковского; здание снесено в 1934 году). Как и поляков-католиков, немцев-лютеран власть тоже не жаловала.

Причина отсутствия благоволения проста: в то время на улицах города можно было услышать не только украинскую и русскую речь, но и молдавскую, польскую, идиш и немецкую, а власть, с использованием христианского постулата о том, что «несть ни еллина, ни иудея, есть только верующие в Меня», активно стремилась внедрять в жизнь и закреплять постулат марксистский о том, что «у пролетариата нет национальности». Таким образом создавалась база для сделанного КПСС через десятилетия заявления о «создании новой исторической общности – советского народа».

Языки немецкий и идиш очень похожи, оба (на бытовом уровне базарного и уличного общения) в городе понимали, потому выбор своего псевдонима неустановленным, к сожалению, агентом органов НКВД «Штольцем» оправдан. «Штолец» по-немецки – «Гордый»! Гордиться агенту было чем: именно с упоминания его (или её) псевдонима начинается обвинительное заключение по делу №3862-фпд на Гильденбрандта и др. (ст.ст. 54-10, 54-11 УК УССР): «Обвинительное заключение по обвинению 1. Радомской Иды Иосифовны; 2. Мааса Райнгольда Георгиевича; 3. Гильденбрандта Юлия Васильевича; 4. Гидт Альбины Фёдоровны; 5. Шредер Екатерины Абрамовны; 6. Маас

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 3862

Лилии Христиановны; 7. Ябс Эмиля Генриховича; 8. Браун Магдалины Даниловны; 9. Седова Николая Ивановича; 10. Корецкого Никиты Никитича в преступлениях, предусмотренных ст. 54-10, 54-11 УК УССР.

По данным агента «Штольца» в гор. Кирово существует немецко-националистическая контрреволюционная организация, активными участниками которой являются обвиняемые по данному делу Радомская, Маас, Шредер, Гильденбрандт и др., проводившие в течение ряда лет контрреволюционную деятельность, направленную к сколачиванию контрреволюционных элементов – немцев-националистов, для активной борьбы с Соввластью, пропагандируя фашизм и разжигая патриотизм за фашистскую Германию» [л.д. 86].

Смешивать оперативную деятельность с легальным уголовным процессом – профессиональный моветон. Неизвестно почему в процессуальном документе упоминается, что данные получены оперативным путём от негласного сотрудника органов НКВД? Возможно, это обстоятельство свидетельствует о каком-то нездоровом позёрстве или о стремлении показать пренебрежительное отношение НКВД к процессуальным нормам даже того времени?

Собственно дело начинается ордерами на арест (л.д. 1-10), затем идут постановления об избрании меры пресечения [л.д. 11-20], далее – постановления местного прокурора об их утверждении [л.д. 21-24] и протоколы обысков [л.д.25-30].

В ходе обысков изъяты личные документы арестованных (паспорта, профсоюзные членские билеты, переписка и т.п.), но «контрреволюционности» организации безусловно добавили изъятые у Мааса Р.Г. радиоприёмник, а у Гильденбрандта – «охотничье ружьё № 40145, патронов 13 штук, охчнего поруху 400 г, патронов 88 ш., капсулей коробочка не извесное колч, дроби не извесное количество» [л.д. 27]. Серьёзное «подтверждение» получила и версия о шпионаже, антисоветской агитации и пропаганде, терроризме: у Маас Лилии Христиановны, 1906 года рождения, выпускницы Московского института языков, преподавателя немецкого языка городской школы № 25,

было изъято «разной перепіски на немецком языке і різні за-
меткі, літературное Энціклопедія под редакцією Скріпніка,..
мелкокаліберная вінтовка, патронов к м/к вінтов. 1 пачка»
[л.д. 30].

(Здесь хотелось бы внести некоторую ясность: мелкокали-
берная винтовка (кал. 5, 65 мм) всегда считалась оружием пусть
и огнестрельным, но чисто спортивного предназначения. Охот-
ники на мелкого пушного зверя часто хранили «мелкашку»
дома без регистрации, как, впрочем, и охотничьи ружья и при-
пасы к ним. В пачке патронов кал. 5, 65 – как правило 50 штук.
Для целей террора и/или революции оружие маломощное, да
и патронов маловато.)

Кроме учительницы Маас Л.Г. в группу арестованных вхо-
дили следующие женщины: Радомская Ида Иосифовна,
1882 г.р., малограмотная, вдова, подёнщица; Гидт Альвина Фё-
доровна, 1890 г.р., с низшим образованием, уборщица; Шредер
Екатерина Адамовна, 1888 г.р., домохозяйка с низшим образо-
ванием; Браун Магдалена Даниловна, 1918 г.р., с низшим об-
разованием, счетовод бухгалтерии завода «Красная Звезда».
На момент ареста самым старшим в группе был Ябс Эмиль
Генрихович, 67 лет, самой младшей – Браун М.Д., 19 лет. Высшее
образование было только у Маас Л.Г., остальные – практически
без образования. По национальности – все немцы, кроме укра-
инцев Корецкого и Седова. Внешних причин для объединения
в группу не видно, однако у следователей для выяснения есть
инструмент допроса, которым активно и воспользовались.

Первой сотрудник Кировского горотдела НКВД Недрит ло-
просил Иду Радомскую (22 октября 1937 года): «Вопрос: След-
ствие изобличает вас в принадлежности к немецкой фашист-
ской к.-р. организации и в проведении по заданиям последней
контрреволюционной деятельности. Дайте показания о про-
водившейся вами контрреволюционной работе как участника
данной организации? Ответ: Признаюсь, что я действительно
входила в немецкую националистическую к-р организацию,
часть которой была организована вокруг бывшей немецкой лю-
теранской кирхи и в основном состояла из бывших богачей. Дру-

гая часть немецкой националистической к.-р. организации группировалась под видом группы сектантов-баптистов» [л.д. 46].

Интерес именно к Радомской можно объяснить тем, что ещё в августе 1937 года НКВД Украины поручил Кировскому горотделу «осветить» её как имевшую переписку с родственниками в Румынии (Радомская родилась в Бессарабии) и просившую помочь ей с выездом из СССР.

На первом же допросе Радомская даёт показания о том, что *«немецкая националистическая контрреволюционная организация»* была создана ещё с самого начала существования Советской власти, в 1922-23 гг., и функционировала вокруг лютеранской кирхи. На своих собраниях прихожане (а, по сути, это были именно прихожане, а не заговорщики-контрреволюционеры!) обсуждали проблему получения материальной помощи через международные религиозные и гуманитарные организации, изучали возможности выезда из СССР по религиозным мотивам.

Пользуясь солидным возрастом и неграмотностью некоторых фигурантов, следователи в ходе допросов ставили вопросы таким образом, что ответ на них звучал (или, по крайней мере, записывался) так: *«из числа лиц, входивших в немецкую националистическую группировку, составлявшую немецкую лютеранскую общину, мне известны...»* [л.д. 68 и др.], то есть допрашиваемый, называя своих знакомых немцев, косвенно подтверждал, что те – участники контрреволюционной группы.

Маас Лилия Христиановна держалась мужественно и твёрдо: *«Подтверждаю, что лютеранскую кирху я действительно посещала.,, однако о существовании немецкой националистической контрреволюционной организации под прикрытием лютеранской кирхи мне не известно и свою причастность к такой организации отрицаю»*. Подобную позицию в НКВД принимать не желали, поэтому *«следствие настаивает на дачу правдивых показаний»* (так в тексте!), но Маас даёт ответ: *«Повторяю своё отрицание о моей причастности к указанной к.-р. организации. О существовании такой организации мне не известно»*. Это был её последний допрос, 29 октября 1937 года.

Мужества не признаться в инкриминированной им деятельности хватило и у Гильденбрандта, Ябса, Гидт и Корецкого, но дело, «на основании приказа Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова за № 00485», было направлено на рассмотрение «в особом порядке» [л.д. 89]. Далее идут приобщённые к делу выписки из актов о приведении в исполнение приговора, расстрел 12 декабря 1937 года в 24 часа.

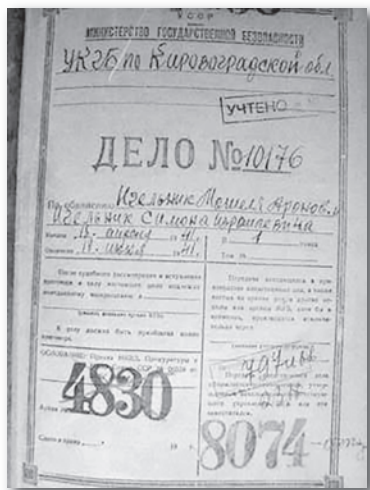
По жалобам подставников Корецкого и Ябса дело пересмотрели в августе 1940 года, но приговор признали правильным. Пересмотр дела в 1957 году показал, что осуждённые лица являлись прихожанами лютеранской кирхи, а позднее – баптистской общины, их контрреволюционная деятельность не доказана, в связи с чем все фигуранты дела были реабилитированы с выдачей родственникам соответствующих справок и «липовых», как требовала тогдашняя тактика сокрытия масштабов репрессий, свидетельств о смерти (расстрелянный в 1937 году Ябс, например, «умер» в лагере в 1943 году от «язвы желудка»).

Сегодня на улицах города не услышать идиш или немецкий, сегодня массово звучит суржик, языковой ублюдок, отражающий состояние души населения. Интересный народ в результате всего получился...

Возможно, им и повезло...*

Одним из результатов длительных близких контактов между СССР и Германией, а позднее – последствий пакта Молотова-Риббентропа, по которому территория Польши была поделена между нацистской Германией и СССР, стала нелегальная эмиграция в Советский Союз тысяч польских евреев, оказавшихся на территории, оккупированной немцами. Смертоносное дыхание государственной политики антисемитизма вынуждало людей искать прибежища в стране «победившего социализма». В рискованный вояж отправлялись, главным образом, мужчины. Они еще не знали, что окажутся между молотом и наковальней. Они еще надеялись, что им повезёт, что смогут устроиться на новом месте и забрать к себе жен и детей...

«Они» – это Эстер Игельник, 1909 г.р., и её дочь Марина, 1935 г.р., которые в 1935-41 годах жили в городке Томашув-Мазовецкий Лодзинского воеводства в Польше. Вопрос об их переселении в СССР начал решаться (см. фото), но решился ли? (В деле хранятся письма Эстер Игельник из Польши, датированные маем 1941 года, то есть, скорее всего переезд в СССР не состоялся). Если не решился – им повезло, так как инициатор переезда, их муж и отец, Симон Израйлевич Игельник, в то время как раз угодил в сталинские трудовые лагеря. Участь его семьи в подобной ситуации, будь они в СССР, можно себе легко представить: как минимум ссылка и полуголодное прозябание в нищете в тех районах страны, где снег не тает по 8-10 месяцев в году.

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 8074

С другой стороны, если они остались на родине, то могли попасть под репрессии со стороны фашистской Германии, оккупировавшей отведённую ей по пакту Молотова-Риббентропа часть Польши. Правда, в списках жертв нацистов того периода по данным израильского института Яд Вашем они не числятся, но кто может поручиться за полноту сведений о массовых репрессиях? Судьбы матери и дочери ещё можно, пусть и чисто теоретически, попытаться установить, разыскав и опросив их соседей, знакомых и родственников в том самом небольшом городке, где они проживали до и во время Второй мировой войны. О судьбе же их мужа и отца расскажем, используя материалы хранящегося в Государственном архиве Кировоградской области архивного следственного дела № 8074-фпд, в котором не только постановления на арест, протоколы допросов и прочие официальные документы, но чудом сохранившиеся личные фотографии подозреваемых (а вскорости и обвиняемых), братьев Игельник Мошеля (Арика) и Симона, а также письма жены Симона. Они приоткрывают нам мир людских надежд и страданий в эпоху «великих перемен».

Итак, наши герои проживали до начала Второй мировой войны в городке Томашув-Мазовецкий Лодзинского воеводства в Польше. На фотографиях мы видим три поколения семьи Игельник: предположительно, мать братьев Мошеля и Симона, самих молодых людей (один из них, вероятно, Симон, в форме солдата польской армии), групповые снимки и жену Симона Эстер с дочерью, которая носит польское имя Марыля, и которую советский следователь, ничтоже сумняшеся, переименовывает в понятную ему Марину.

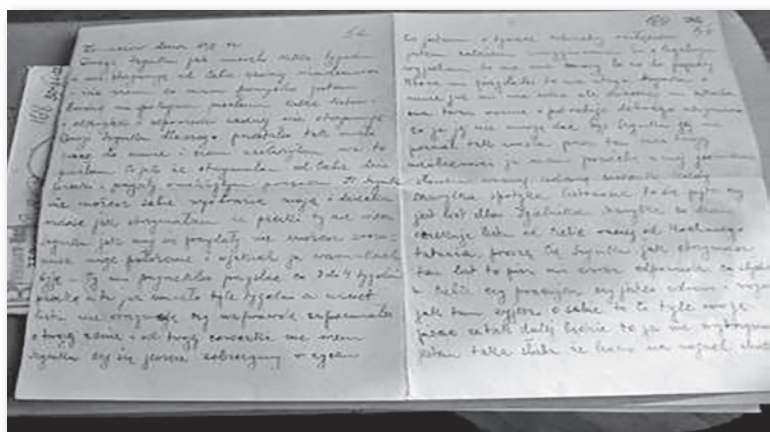
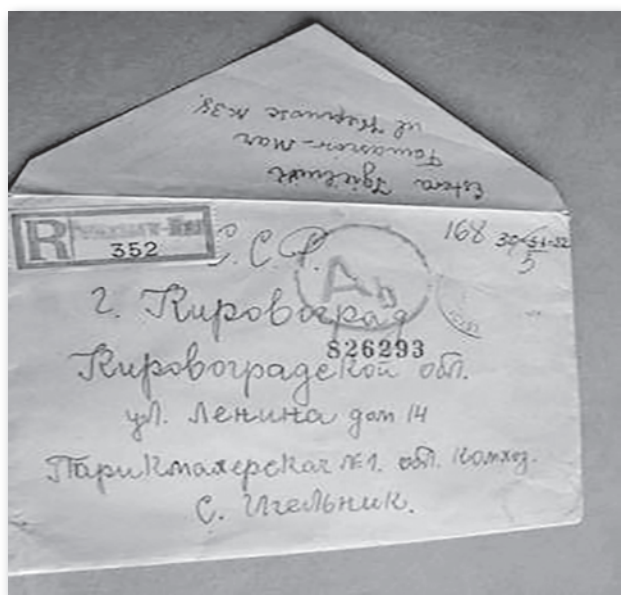
Сюжеты мирной гражданской жизни вполне традиционны, но резким контрастом к радостному выражению лица маленькой дочери Симона выступает выражение лица молодой матери: оно предельно напряжено и испугано, а ее поза скована. Учитывая то, что девочка родилась в 1935 г., фотография могла быть сделана накануне побега Симона в СССР осенью 1939 г., когда решение о нем уже было принято. Спустя полгода после этого в марте 1940 г. молодая женщина писала мужу: «Шимка,

ты не знаешь мою боль и тоску по тебе. Не проходит и дня, чтобы я не плакала, так как самую большую ошибку я сделала, когда не поехала вместе с тобой».

Письма, адресованные в Кировоград на ул. Ленина в парикмахерскую коммунхоза, вскорости вместе с адресатом оказались у начальника 3 отдела УГБ УНКВД УССР по Кировоградской обл. сержанта госбезопасности Мельникова, который 17 апреля 1941 года вынес постановление об избрании меры пресечения (содержание под стражей) в отношении Игельника Симона Израйлевича, 1910 г. р., уроженца Варшавы, по подозрению в проведении антисоветской агитации (ст. 54-10 УК УССР). На допросе 16 мая 1941 года Симон Игельник на вопрос *«Почему Вы перешли нелегально госграницу сами и оставили жену на территории Германии?»* ответил: *«...моя жена, Игельник Э.Р. в то время имела дочь Марину 4-х лет, в силу чего и не решилась переходить госграницу вместе со мною. Однако перед переходом госграницы своей жене я сказал, что после того, когда устроюсь на работу в Советском Союзе, то обязательно через консульство заберу её к себе».*

И действительно: Симон обратился в консульский отдел Народного комиссариата иностранных дел в Москве с просьбой разрешить его жене въезд в СССР, на что и он, и его жена получили официальные разъяснения процедуры подачи документов для получения гражданства СССР. Взволнованная, растерянная Эстер сообщала мужу: *«Любимый Шимка!.. Консул написал, что принял мою просьбу и прислал 4 формуляра для заполнения, а также просит 5 моих фотографий и все это выслать почтой. И я должна ждать ответа 5-6 месяцев. Я все это сделаю и отправлю. Но это так долго ждать! Не мог бы ты поторопить их, так как я ничего не могу сделать... Еще ни одна женщина не выехала легально. Только нелегальным путем. Напиши, что мне делать... Любимый Шимка, не могу сейчас много писать, так как мы переживаем страшное время... Мы все должны жить в еврейском районе... Напиши, что мне делать, чтобы быть вместе с тобой. Я не могу больше терпеть, а Марылька страшно тоскует по тебе...»* В следующем письме

Эстер опять возвращается к тому, что «еще ни одна женщина не выехала легально к своим мужьям. А ты заставляешь меня ждать бумаг... Я в критической ситуации».

Кроме моральных тягот Эстер переживает и материальные: «...Работы нет. Не мог бы ты выслать посылку? Мне продать уже нечего, так как ничего нет. Шимка, ты не можешь себе представить мое положение». Но и Эстер не могла себе представить того, что произойдет с ее мужем и деверем буквально через несколько месяцев: братьев Игельник обвинили в проведении антисоветской агитации, а проще говоря – в сравнении условий жизни в Польше и в СССР. Сравнение, естественно, было не в пользу СССР.

Процитируем обвинительное заключение: «обвиняются Игельник М.А. и Игельник С.И., в том, что они в октябре месяце 1939 года нелегально перешли госграницу из Германии в сторону Советского Союза, а также, проживая в городе Кировограде (УССР) с 1940 года проводили антисоветскую агитацию, клеветали на Советский Союз и восхваляли жизнь в б/польском государстве» [л.д. 103-104].

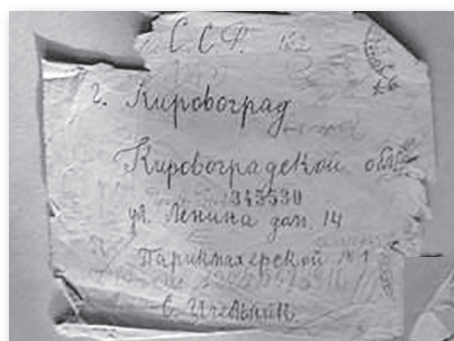

В судебном заседании 30 июня 1941 года (шла уже вторая неделя войны!) братья себя виновными в проведении антисоветской агитации не признали, однако были приговорены «до позбавлення волі в далеких таборах СРСР терміном на десять років кожен» с поражением в правах на 5 лет после отбытия наказания [л.д.116].

Как сложилась судьба Эстер и ее дочери – нам неизвестно. От почтового штампа со зловещей свастики на конвертах с письмами Эстер веет куда более страшный, чем сибирский, холод. Но в них, в этих письмах жива душа любящей женщины: *«Я не знаю, когда закончится мое терпение. Будем ли мы еще вместе, я не могу больше. Я еще надеюсь, что мы встретимся и будем вместе. Прощаюсь, твоя Эстера и твоя дочурка Марыльчка, которая хочет увидеть тебя как можно быстрее...»*

В 1966 году в судебную коллегия по уголовным делам нар-суда г. Кировограда письменно обратилась гр-ка Израйлова Сабина Адольфовна, г. Одесса-18, Зелёная, 4-2, с просьбой получить решение о реабилитации Игельников, которые якобы являлись братьями её матери. Просительница упомянула также, что намеревалась исхлопотать пенсию для Игельника С.И. (возможно, в тот период он проживал в Одессе). В письме сообщается, что братья Игельники отбывали наказание в г. Свияжске, учреждение УЭ 148/5 ТАССР, Арон Игельник якобы умер в колонии от побоев в 1943 году, а Игельник С.И. был освобождён 06.09.1944 г. [л.д. 120-123]. Оба реабилитированы по постановлению судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР от 07.10.1966 г. [л.д. 128], о чём заявительница уведомлена письменно [л.д. 131].

Мы уверены, что судьбы Игельник (ур. Зигмунтович) Эстер-Райзли и её дочери Марины (Марыли) можно установить с использованием имеющейся в деле информации о родственниках семьи, которая содержится в текстах писем (их ещё надлежит перевести), а также в материалах допросов Симона Игельника. Он, в частности, упоминает проживавших в то время в Польше, в Томашуве-Мазовецком, братьях жены Зигмунтовиче Янике, 39 лет, Зигмунтовиче Шиме, 37 лет, Зигмунтовиче Шмиле,

44 лет, сестре жены, Зигмунтович-Плятт Марии, 46 лет (жила в г. Лодзь). Брат матери Симона, Аврум Коклович, 58 лет, и сестра матери, Хая Вичковская, 60 лет, проживали в Лодзи. Брат отца, Пинхус Игельник, до 1917 года выехал во Францию, но место его проживания не известно.

На территории СССР проживали следующие родственники С. Игельника: сестра, Игельник-Вайс Поля Израйлевна, 43 лет, г. Львов, ул. Тарновского, 26; брат, Игельник Хеник Израйлевич, 33 лет, г. Тернополь; сестра, Игельник-Юзефович Маня, 40 лет, и её муж, Юзефович Юзек, 44 лет, г. Севск [л. 29-30].

С одной стороны, заниматься розыском скорее всего давно умерших родственников семьи бедных ремесленников – занятие неблагодарное и малоперспективное, с другой – из судеб таких людей складывается история целых народов, целых стран.

«Учительница первая моя...»*

14 апреля 1944 года бывшее Витязевское райотделение Управления НКГБ по Кировоградской области арестовало Иванченко Александру Михайловну, 1902 года рождения, учительницу Витязевской средней школы, обвинив её по ст. 54-10 УК УССР в антисоветской агитации.

Следствием было выявлено, изучено и доказано «целых» два эпизода этой самой агитации: осенью 1941 года в своём докладе на конференции учителей Витязевского района Иванченко призвала «не цвенькати» на московском языке, а учиться правильно говорить на литературном украинском, при этом отказаться от политизации учебных программ и больше ориентироваться на западноевропейскую культуру; на уроке при разборе старого гимна «Ще не вмерла... » Иванченко объяснила ученикам, что гимн был запрещён при Советской власти, так как в нём говорится о независимости Украины, которая при большевиках была угнетена и только немцы её освободили [л.д.3, 22].

Первый муж Иванченко, Семён Иванович, был в 1933 году выслан в Архангельскую область, вернулся из ссылки в 1935 году, а в августе 1937 года был вторично репрессирован: осужден на 10 лет и сослан в Сибирь. Неудивительно, что отношение Иванченко к Советской власти было недружелюбным, приход оккупационных войск она восприняла как освобождение Украины от гнёта большевизма и шанс на приобщение к развитой цивилизации, о чём неоднократно говорила знакомым и коллегам [л.д. 11, 12, 16 и др.]. В процессе следствия Иванченко сначала отрицала свою вину, а позже призналась: «В предъявленном мне обвинении по ст. 54-10 ч.2 УК УССР признаю себя виновной в том, что я в декабре месяце 1941 года на районной конференции учителей выступала с докладом антисоветского содержания. В процессе доклада я призывала учи-

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 2066

телей, чтоб они, т.е., учителя, говорили на украинском языке, призывала отбросить московский язык, а ориентироваться нужно на западноевропейскую культуру, подальше от политики в преподавании, при большевиках в программах школ было много политики, тем самым перегружали программы, сейчас нужно строить метод преподавания по немецкой структуре и прививать любовь детям к природе и освободителям Украины от большевиков – немцам» [л.д. 12].

Военный трибунал войск НКВД по Кировоградской области в закрытом заседании 22 июля 1944 года приговорил *«Иванченко Александру Михайловну на основании ст.54-10 часть 2 УК УССР к лишению свободы с отбывтием в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 (десять) лет; на основании ст. 29 п.п. «а», «б», «в» УК УССР лишить прав сроком на 5 лет и конфисковать лично принадлежащее осужденной имущество»* [л.д. 42].

Иванченко А.М. реабилитирована постановлением президиума Кировоградского областного суда от 21 марта 1990 года [л.д. 50-51], однако сведений о сообщении об этом ей или родственникам в деле нет.

Похоже, что бывший Витязевский район нашей области может заявить о своём вкладе в дело пропаганды украинского языка, деполитизации учебных программ и ориентирования на ценности европейской культуры. Текст «Ще не вмерла» стал государственным гимном Украины, мы всё меньше «цвенькаем» на «московском языке», вот только процесс приобщения к европейским ценностям затягивается. То ли народ их не понимает, то ли не принимает, то ли ждёт внешнего воздействия... А, может, боится долю Иванченко повторить?

Политическая гинекология*

Наверное, грубоватое выражение о пришивании к одному месту бубенчика было в ходу и полсотни лет тому назад, иначе разве смогли бы «рыцари Дзержинского» «пришить» врачу-гинекологу «бубенчик» контрреволюционной деятельности? А ведь пришили! Пришили «чистыми руками», рассудив «холодной головой» и посоветовавшись с «горячим сердцем».

Судьба их очередной жертвы достаточно сложна, хотя ничего объективно выдающегося в ней нет. Виктория Эдуардовна Буч родилась в 1915 году в с. Катериненталь Варваровского района Николаевской области. Её мать умерла в 1932 году, отец, учитель местной школы, был репрессирован в 1937 году, его судьба неизвестна. В 1937 году был также арестован и сослан и брат отца. В семье было ещё три сына и три дочери, однако связи с ними Виктория не поддерживала. В школу пошла шести лет от роду, училась до шестого класса, затем работала в местном колхозе, а в 1932 году уехала в Одессу учиться при рабфаке мединститута. С 1934 г. по 1939 г. училась в Одесском медицинском институте, получила специальность врача. Направлена на работу в с. Берёзовку Устиновского района Кировоградской области, где заведовала врачебным участком до прихода немецких войск. С октября 1942 г. проживала в г. Бобринец, работала заведующей акушерско-гинекологическим отделением местной больницы.

По национальности Буч – немка, чего никогда и не скрывала. Вполне естественно, оккупационные власти оформили ей документы «фольксдойче», что дало право на получение продовольственного пайка и на некоторые льготы. Опрошенные по делу свидетели рассказали, что в состав пайка входили масло и мясо, консервы и пшеничный хлеб, была даже водка [л.д. 18, 20, 22].

И всё было бы хорошо, если бы не стремление оккупантов

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 7881

к повышению качества медицинского обслуживания местного населения, в силу чего направили они Викторию Буч на стажировку в город Зальцбург для повышения квалификации. Следует признать, что у Бобринца и Зальцбурга есть одна общая черта: оба города не меняли своих названий. На этом сходство и заканчивается. Наш Бобринец – скорее местечко, а вот австрийский Зальцбург – город большой, университетский. В нём и замок большой на горе, и река полноводная. Зальцбург – родина Моцарта, поэтому вся торговля сувенирами и сладостями в нём связана с именем композитора. Одному из нас довелось побывать там несколько лет тому назад, побродить по старинным улочкам и торговым галереям, выпить кофе в кафе «Моцарт», прицениться к разноцветным – желтоватым, зеленоватым, белым кускам кристаллической соли – символа города (Salz – по-немецки «соль»). Яркие и приятные впечатления не утратили своей остроты и до сих пор.

Реально предположить, что наша врач, которая, правды не утаишь, училась в Одессе, но постоянно проживала то в берёзовках, то в устиновках и бобринцах, была приятно изумлена чистотой, организованностью и красотой своей исторической родины. Об этом она и упомянула в разговорах с коллегами, не подозревая, что скоро тех допросят в качестве свидетелей. Обыкновенная человеческая зависть и такие привычные для рядового советского трудящегося ежедневные злыдни говорили устами одной из её коллег: *«Из Германии она привезла для себя подарок, а именно: 2 пальто, зимнее и демисезонное, туфли, шерстяное платье, кофту шерстяную и другие вещи, эти вещи я видела собственными глазами. Вернувшись из Германии, она восхищалась немецким строем и порядком, немецкой наукой и т.д. Она говорила: «немецкая наука достигла очень много интересного и нового в медицине, всё там аккуратно и красиво построено»* [л.д.20]. Признайтесь: многое ли изменилось за прошедшие после войны 70 лет?

В разговорах с коллегами Буч обронила ещё одну фразу: *«Мне не хотелось бы, чтобы русские вернулись на Украину, придут и опять бояся НКВД и ночами не спи»*, но у неё для этих

слов были достаточные личные основания. Следствие выдвинуло ей обвинение в способствовании укреплению фашистского режима, однако Буч заявила: *«Признаю себя виновной только в том, что я состояла в числе лиц, именовавшихся «фольксдойче», и получала особый паёк, продукты питания. В том, что я способствовала в установлении немецко-фашистского режима, в этом себя виновной не признаю, так как я не способствовала, а просто обыкновенно работала в должности врача, как и другие врачи»* [л.д. 26]. «Бубенчик», который ей стремилось «пришить» следствие, назывался ст. 54-1а УК УССР, «измена Родине» и означал 10 лет исправтрудлагерей. Дали ей «по-божески», «всего» только 5 лет и отправили в Черногорский лагерь.

Только 1 сентября 1964 г. Виктория Эдуардовна Буч (по мужу Шоленберг), проживавшая в то время в г. Новосибирске, обратилась в Верховный суд УССР с просьбой о пересмотре её дела. Кстати, при повторном допросе свидетелей по делу выяснилось, что у одной из них Буч якобы отбила мужа, а другая завидовала Буч, потому что та привезла из Германии «пальто и две кофты».

В декабре 1964 года президиум Кировоградского областного суда признал осуждение Буч безосновательным [л.д. 61-62]. Но ведь пришитый «белыми нитками» «бубенчик» прозвенел целых 20 лет!

Театральный этюд с хэппи эндом*

Елисаветград – колыбель профессионального украинского театра. Таковою колыбелью он и оставался, нося названия Зиновьевск, Кирово и Кировоград. В период временной оккупации (5 августа 1941 г. – 8 января 1944 г.) немцы попыток переименовать город не предпринимали, однако театру позволили функционировать. И не о репертуаре мы сейчас, а о сохранении очага культуры и места проведения досуга местным населением, для которого посещение театра за долгие годы его существования стало привычным делом. Работа же, или, на жаргоне театральных, «служба» в театре, стала источником определённых средств существования для труппы и техперсонала. Можно ли их деятельность считать изменой Родине?

Среди наших героинь – «антисоветчиц» есть и «изменницы Родине». Именно так считал сотрудник УНКГБ по Кировоградской обл. Корнев, который в постановлении от 19 февраля 1944 года на арест Вайраух Александры Даниловны, 1914 года рождения, уроженки и жительницы г. Кировограда (Первая Мотузянка, 75), «нашёл: Вайраух А. Д., проживая на временно оккупированной территории немцами в Кировограде занималась предательской деятельностью, написала заявление на Задкову, что у неё служит сын в НКВД и она от него получила письмо, за что она подвергалась аресту, также подавала заявление на Картузова о том, что он служил в г. Кировограде нарсудьёй, получала немецкие продовольственные пайки» [л.д. 2]. Эти деяния были им квалифицированы по ст. 54-1 «а» УК УССР, т.е., «измена Родине». В тот же день Вайраух арестовали и поместили во внутреннюю тюрьму УНКГБ.

На допросах Вайраух рассказала о себе, что её родители проживали в Кировограде, отец, Тригер Данила Иосифович, занимался столярным делом, а мать, Синкевич Евдокия Филипповна, работала поваром в городских столовых. С 1925 по

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 2250

1932 г. обвиняемая училась в школе №8, а закончив 7 классов, поступила в машиностроительный техникум. В 1936 году окончила техникум по специальности «техник машиностроения» и пошла работать на завод «Красная звезда». Выйдя замуж, выехала с мужем на Донбасс в г. Константиновку, где с 1938 года работала актрисой в местном театре. В августе 1940 года вместе с мужем переехала в г. Кировоград, работала на кондитерской фабрике, затем в редакции газеты «Кировоградская правда» до 4 августа 1941 года (немецкие войска вошли в город 5 августа, прим. авт.). В период временной немецкой оккупации Вайраух с мужем, Вайраух Александром Александровичем, матерью и сыновьями Виктором, Олегом и Александром проживала по адресу г. Кировоград, ул. Ленина, 36. В марте 1943 года немцы переселили их по адресу ул. Первая Мотузянка, 75. Муж Вайраух работал в местном театре инспектором сцены, помощником режиссёра и актёром, в декабре 1943 года (город был освобождён 8 января 1944 г., прим. авт.) вместе с другими сотрудниками театра эвакуировался в тыл немецких войск, и судьба его неизвестна.

По словам Вайраух, она 2-3 раза посещала здание 2-го участка полиции, приносила передачи своей соседке Янковской Т.З., арестованной немцами по подозрению в краже угля с железнодорожной станции. Тогда же её допрашивал по этому делу сотрудник охранной полиции. Каких-либо других контактов с полицейским и/или карательными органами оккупантов она не имела и следствие подтвердить и доказать их не смогло. Не обнаружены также и заявления, которые Вайраух якобы писала на жителей города. Были выявлены отдельные факты ссор и скандалов между соседями по месту проживания Вайраух, в ходе которых стороны грозили друг другу полицией. Причины ссор носили выраженный бытовой характер: козлёнок забрёл в огород, дети обообрали соседскую шелковицу, подрались между собой мальчишки [л.д. 16-28].

На прояснение своих подозрений следствию потребовалось «всего лишь» четыре месяца: Вайраух была освобождена 21 июня 1944 года [л.д. 30]. За это время никто не поинтересо-

вался, как и на какие средства жили трое её сыновей и пожилая мать. В этой связи процитирую один из документов дела, протокол допроса Вайраух от 18.02.44 г.: *«мой муж от немецких оккупационных властей получал паёк следующий: хлеба на день 400-500 грамм, мяса 70-80 грамм, масло сливочное 30-40 грамм, сахар 30 грамм, круп 30-40 грамм, кофе 10-15 грамм, чай 2-5 грамм. Кроме этого я на себя и своих детей получала паёк иждивенческий, как и все жители гор. Кировограда»* [л.д. 13].

Предыдущий абзац нынешним пенсионерам лучше и не читать!

Труженицы стальных магистралей*

Во время Октябрьского переворота Ленин не напрасно ориентировал своих сторонников на быстрый захват и безусловное жёсткое удержание мостов и вокзалов: транспорт имел (и имеет!) важное значение как в военное, так и в мирное время. Так было, так есть, так будет! Транспорт, в частности, железная дорога, всегда пребывал под особенным контролем со стороны правоохранительных органов, существовали даже специальные их подразделения на транспорте.

Именно этот усиленный контроль привёл к тому, что осенью 1945 года в поле зрения транспортного отдела Управления НКГБ Одесской железной дороги оказались две жительницы г. Знаменка – Пляченко Любовь Кондратьевна, 1922 года рождения, и Гаврикова Ирина Иосифовна, 1921 года рождения, обе – сотрудницы отдела службы движения станции. Обоих заподозрили в проведении «антисоветской агитации» (ст. 54-10 УК УССР) и арестовали: Пляченко – 30 ноября 1945 года, а Гаврикову – 28 января 1946 года. Девушкам в то время было соответственно 23 и 25 лет.

Следствие было проведено быстро: обвинительное заключение им предъявили уже 25 февраля 1946 года. Процитируем: *«Следствием установлено, что Пляченко, будучи антисоветски настроенной, среди своих сослуживцев систематически высказывала клеветнические измышления на советскую действительность, дискредитировала руководителей партии и Советского правительства. Высказывала недовольство на проводимые мероприятия партией и правительством. Осуждала политику Советского Союза по вопросу войны с Германией. Восхваляла условия жизни при оккупантах и клеветала на условия жизни в Советском Союзе (л.д 18-32, 31, 57-59, 60-63).*

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 7999

Гаврикова, работая совместно с Пляченко, разделяла её антисоветские высказывания, поддерживала их и в свою очередь среди работников службы движения высказывала недовольство на мероприятия, проводимые партией и Советским правительством, распространяла антисоветские провокационные слухи, клеветала на условия жизни в Советском Союзе, восхваляла жизнь за границей. Дискредитировала руководителей партии и Советского правительства (л.д 25-28, 47-48, 59, 67, 70)» [а.с. 77]. С учётом серьёзности обвинений, военный трибунал Одесской железной дороги 12 марта 1946 года вынес им приговор: Пляченко – 5, а Гавриковой – 4 года лишения свободы с поражением в правах на три года каждой. Кассационные жалобы были оставлены без удовлетворения.

И только лишь в августе 1965 года, после протеста Генерального прокурора СССР, вынесенного на основании письма Пляченко, Верховный Суд Союза ССР определил: «Приговор военного трибунала Одесской железной дороги от 12 марта 1946 года и определение Военной железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 2 августа 1946 года в отношении Пляченко Любови Кондратьевны и Гавриковой Ирины Иосифовны отменить и дело о них производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления» [л.д. 129]

Перелистаем пожелтевшие страницы дела в поисках подтверждения «антисоветской» деятельности осужденных. Вот девушки говорят о том, что вместо премий балеринам деньги лучше было бы потратить на самолёты для армии [л.д. 18]; вот пересказывают слова Черчилля о том, что люди в СССР выглядят как нищие, но всё же ходят с портфелями; вспоминают, что до вхождения русских войск в Финляндию там не было воровства; что перед войной наше правительство отправляло в Германию хлеб и жиры, из-за чего уровень жизни людей в СССР резко упал [л.д. 22-28, 47-48 и др.]. Жаловались они и на налог на бездетность, на нехватку одежды, то есть, описывали реалии экономической ситуации того времени. Голод 1947 года, официально признанный советской историографией, объективное подтверждение тому. Может, следователи, получая

калорийный паёк и вещевое обеспечение, не чувствовали проблем населения страны и просто отработывали задание власти по вскрытию «антисоветского элемента»?

В большинстве подобных дел кроме положенных процессуальных документов обычно содержатся бумаги или другие материалы, несущие определённую личностную характеристику осужденного или отражают какую-нибудь особенность эпохи. В данном деле таких два: письмо Гавриковой из лагеря матери [л.д.1-7] и протокол личного обыска Пляченко [л.д. 9]. Листок письма сложен треугольником, как складывали свои письма солдаты-фронтовики, на нём стоит штамп «просмотрено военной цензурой» (к счастью, забытое, а для большинства читателей – неизвестное явление). В протоколе отмечено, что у Пляченко изъято служебное удостоверение № 16819, выданное 08.05.1944 года, и комсомольский билет №16615141, выданный 15 августа 1944 года Знаменским горкомом ЛКСМУ. То есть, девушка пошла работать сразу же после освобождения территории от оккупантов, вступила в комсомол, что никоим образом не может свидетельствовать о её антисоветских взглядах. Тем не менее, следствие решило иначе...

Молоко для оккупантов*

Немцы вошли в Кировоград 5 августа 1941 года. Не будем здесь о том, что нашлись люди, встречавшие их с цветами и хлебом-солью, хотя большинство населения посматривало на втягивавшуюся в город по ул. Яна Томпа колонну солдат и транспорта с достаточно угрюмым выражением на лицах. Случай, о котором хотим рассказать, произошёл 9 июля 1941 года, то есть, меньше, чем за месяц до начала немецкой оккупации города.

В этот день на базаре в центре города (сейчас на этом месте универсам «Сельпо») бдительные граждане Федченко Г.П. и Медведева Л.С. стали свидетелями того, как пожилая женщина сказала покупавшей молоко домохозяйке: *«Зачем вам покупать молоко, когда не сегодня-завтра к нам придёт немец?»* Сказавшую это выследили, сопроводив до места жительства, а потом сдали её в милицию. Пессимисткой (или провидицей?) оказалась Белая Евдокия Леонтьевна, 1879 года рождения, уроженка Кировоградской области, домохозяйка, неграмотная, проживавшая по адресу г. Кировоград, ул. К. Маркса, 50 [л.д.4-7].

На допросе она рассказала, что вышла на базар купить три стакана молока. Услышав, как незнакомая ей женщина договаривалась с молочницей, чтобы та носила ей молоко домой, обронила: *«Разве сейчас о молоке можно думать? Ведь сегодня живём, а завтра – кто знает»* [л.д.3]. В стране уже действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 о борьбе с паникёрами и распространителями слухов, в соответствии с которым на Белую и было 10.07.1941 г. заведено уголовное дело [л.д.1].

На вопрос следователя: *«Вам предъявлено обвинение в том, что Вы, будучи на рынке 09.07.41 г. распространяли неправдивые слухи о том, что якобы сегодня или завтра в г. Кировоград*

---

* Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 5803

придут немцы, т.е., совершили предусмотренное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6-го июля 1941 г. Признаёте ли Вы себя виновной в предъявленном обвинении?» Белая ответила, что виновной себя не признаёт [л.д.12].

Далее в деле подшито несколько документов: постановление об окончании предварительного следствия от 10.07.41 г. [л.д.14], обвинительное заключение от 12.07.41 г. [л.д.15], постановление о предании суду выездной сессии Военного трибунала войск НКВД от 18.07.41 г. [л.д.22] и даже список подлежащих вызову в судебное заседание свидетелей. Нарушительница же Указа ПВС в это время содержалась в тюрьме г. Кировограда.

Можем только смутно догадываться, что же помешало этому суду состояться. Завесу тайны приоткрывает л.д. 18, постановление военного прокурора войск НКВД Красноярского края военного юриста 2 ранга Жолдубаева, который, *«рассмотрев следственное дело по обвинению гр-ки Белой Евдокии Леонтьевны, нашёл: Белой вменено в вину распространение ложных слухов в военное время, сеющих среди населения тревогу. Это выразилось в том, что она 9.07.41 г. в г. Кировограде на рынке среди публики выразилась – «зачем Вам молоко, когда сегодня или завтра придёт немец».*

Однако с момента совершения преступления прошло более 8 месяцев, так что предание Белой суду в данное время не вызывается необходимостью, тем более, что Белая преклонных лет (64 года) и что высказанные ею слова не носят злостного, умышленного характера.

Поэтому постановил: следственное дело по обвинению Белой Евдокии Леонтьевны дальнейшим производством в уголовном порядке прекратить, таковую из-под стражи освободить. Копию настоящего постановления направить начальнику тюрьмы №1 г. Красноярска для исполнения».

Интересно, куда пошла бабушка Дуся после освобождения из красноярской тюрьмы? Молиться Богу за то, что Он хоть Жолдубаева вразумил наконец-то? И как долго бабушка не могла без содроганий смотреть на молоко?

Почти в каждом подобном деле, в этом тоже, есть инте-

ресная подробность, деталь. В данном случае это – фамилия народного следователя, Березовский. Человек с такой фамилией и очень похожей подписью в 1936-38 годах подвизался в Кировском горотделе УНКВД по Одесской области в качестве то следователя, то оперативного работника и был непосредственно причастен к фальсификации материалов по уголовным делам того периода. Стиль деятельности, по крайней мере, схож.

Несмотря на Указ Президиума Верховного Совета от 06.07.1941 года, немцы быстро наступали. Красная Армия несла огромные потери в живой силе и боевой технике, предстояла колоссальная по объёмам перевозок эвакуация населения и объектов промышленности в восточные районы страны, но вместо этого на Восток шли эшелоны со «спецконтингентом», заключёнными из тюрем с территорий, которые вот-вот должны были быть захвачены армией противника. Сколько там ехало подобных «распространителей тревожных слухов»? Надо ли было их эвакуировать в тыл, чтобы потом осудить за в прямом смысле «базарные разговоры»?

Что это, как не столь характерная для советской правоохранительной системы борьба за «палочку» в отчётности об искоренении преступности; занятие тем, чем занимается скупающий от безделья пёс (простите за невольную грубость)! Наверное, от укоренившихся годами привычек *«ташишить и не пушиать»*, вместо реального обеспечения безопасности страны, трудно было отказаться даже под бомбами Люфтваффе...

«Смешная» фамилия или как работала контрразведка*

Сначала объясним заголовок. Украинский антропонимикон (то есть, система имён собственных человека, источники и способы образования, функционирование в социуме) является одним из наиболее выразительных в мире. Только припомните интересные имена, фамилии и прозвища своих знакомых! А вот контрразведка, как это и ясно из самого названия, должна работать против разведок противника, выявляя и обезвреживая сотрудников и агентов спецорганов противника. Каким же образом эти два определения объединяются в следующем ниже тексте?

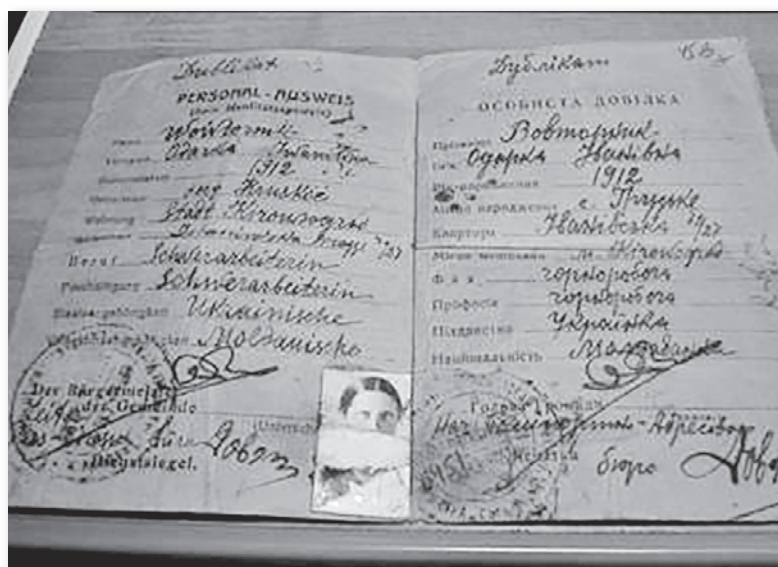
Всё просто: 11 февраля 1944 года контрразведка задержала жительницу г. Кировограда Дарью Вовторник, 1912 года рождения, молдаванку, уроженку с. Грузское, малограмотную, беспартийную, обвинив её в том, что «в период временной оккупации гор. Кировограда немецкими войсками имела тесную связь с офицерами немецкой армии, с ними у себя на квартире сожительствовала, была арестована немецкими карательными органами СД, освобождена по неизвестным причинам. На квартире на видном месте хранила портрет Гитлера и много разных белогвардейских контрреволюционных газет. Вовторник Д.И. подозревается как агент немецких разведывательных органов» [л.д. 4]. Ну ясно и понятно, именно так и должен был вести себя настоящий агент карательных органов врага: повесить вместо иконы портрет Гитлера, быть арестованным теми же самыми карательными органами, а затем подозрительно-таинственным образом освободиться из под ареста. А чтобы никаких сомнений в отношении шпионажа – ещё и газетки белогвардейские распространять.

Кировоград был только что освобождён от немецко-фа-

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 11466

Фото, которые оставляли Дарье Вовротник её постояльцы

шистских оккупантов (8 января 1944 г.), поэтому среди массы разных задач актуальным было и выявление диверсантов, террористов и шпионов противника, а также их возможных пособников среди населения города. О несчастной Дарье информировал контрразведку бдительный старшина-моряк, который, зайдя к ней в квартиру, увидел на стене портрет Гитлера, а у печки – несколько оккупационных газет. Старшина стал проявлять к женщине «знаки внимания», а когда та ему отказала (в протоколе судебного заседания написано проще и грубее – «не дала») [л.д. 40] – пошёл со своей обидой и патриотизмом в соответствующие органы.

В ходе следствия (с 08.02.44 по 26.05 1944 г.!) установлено, что в период временной оккупации города, не имея средств для существования, Вовторник устроилась уборщицей в немецкую воинскую часть (та размещалась в помещении нынешнего горвоенкомата, где, кстати, до войны, Вовторник также работала уборщицей).

Именно из-за безденежья она стирала бельё немецким солдатам, находившимся у неё на постое, принимала от них продукты и вещи. С одним из них она одно время была близка. Этот солдат по имени Карл был водителем грузовика, работал на стройке.

Однажды Дарью даже арестовали и в течение шести дней (сравните сроки следствия!) содержали в тюрьме: кто-то порезал и украл телефонный провод в комендатуру, который был проложен по её двору. Может, это был акт доблести партизан или подпольщиков, а, может, кому-то понадобился кусок верёвки бельё сушить. Немецкий офицер, допросивший женщину через переводчика, выяснил, что та не похожа на диверсантку, и освободил её. Это обстоятельство заинтересовало контрразведчиков. На допросах Дарью «кололи», чтобы она созналась в том, что дала согласие на сотрудничество с немецкими карательными органами, пытались выяснить, какие «задания» давал ей шофёр Карл. Когда же поняли смехотворность своих версий, сосредоточились на на портрете Гитлера и газетах.

Учитывая общеобразовательный уровень фигурантки и

широко распространённую в народе тенденцию чем-нибудь прикрывать голые стены, объяснение портрету нашлось. Почему именно Гитлера, а не, к примеру, Сталина или Черчилля, тоже понятно и объяснимо. Что же касается газет, то ситуация с ними сложилась в пользу следствия, ибо Вовторник их так распространяла. Так получилось, что во время боёв загорелась типография (Дарья проживала поблизости). Женщина собрала и принесла домой охапку газет («для растопки» и «бытовых нужд», как сказано в материалах судебного заседания [л.д.26, 40]). Поделилась газетами и с соседками, то есть, практически, «распространила» их.

Спецколлегия Кировоградского областного суда 3 июня 1944 года по статье 54-10 ч. 2 УК УССР приговорила Вовторник к 5 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на 3 года. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР 27 февраля 1990 года признала отсутствие в деяниях Вовторник состава преступления и дело прекратила. Вовторник была реабилитирована.

Дело не содержит материалов о дальнейшей судьбе Дарьи Вовторник: неизвестно, где и как она отбывала несправедливое наказание, вернулась ли домой и сколько ещё прожила. Выводы же из этой истории напрашиваются следующие: контрразведке после освобождения города легче было «показать работу» на таких, как Вовторник, чем вдумчиво искать реального врага. Материалы, которые, даже на первый взгляд, не заслуживали серьёзного внимания и которые можно было проверить на месте и опровергнуть в течение считанных часов, находились в работе в течение трёх с половиной месяцев; судебные органы потратили время на малозначительный объект, а приговор вынесен и наказание выбрано на эмоциях, «под горячую руку». Пострадала же молодая женщина, единственная вина которой заключалась в том, что она осталась в оккупации без элементарных средств к существованию.

Война до сих пор в памяти народной, восприятие того времени неоднозначное, но справедливым представляется одно: сейчас мы не имеем права судить участников, героев и жертв тех событий. Они жили в своём хронотопе (то есть, пространстве-времени), который нам объективно не дано воспринять полностью. Кто-то пошёл в армию добровольцем, кто-то прятался по чердакам и подвалам. Одни цепляли портрет «Гитлера-освободителя», другие тайком молились на портрет Сталина, творца Голодомора и инициатора репрессий. В этой битве «портретных идолов» победил Сталин. Как результат – голод 1947 года, насильственное переселение целых народов, продолжение репрессий до середины 1953 года.

Отступавшая Красная Армия уничтожала средства производства, запасы продовольствия, лишая таким образом гражданское население шансов на выживание. Возвратившись, она обвинила сотни молодых кировоградцев в пособничестве врагу (они же ведь «жили под немцем») и направила их на передовую, вместо оружия выдав им, да и то не каждому, по красной звёздочке на домашнюю шапку или фуражку. Просевшие и частично заброшенные братские могилы в районе станции Шестаковка напоминают о тех пацанах, часть из которых замёрзла

на смерть в траншеях в ночь мобилизации, а другие, безоружные, приняли смерть в бою, искупая вину тех, кто громогласно утверждал, что *«чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»*. Исследования последнего времени дают возможность по-другому увидеть картину военного лихолетья, без идеологических шор советской историографии.

Ранее, (до ознакомления с делом) мы воспринимали фамилию «Вовторник» как анекдотическую, искусственно созданную, однако совсем недавно на Ровенском кладбище города заметили памятник с такой же фамилией (станьте спиной к сторожке и идите по главной аллее почти до конца кладбища, с правой стороны сами увидите). Может, это родственники Дарьи Вовторник? Ведь фамилия-то не очень распространённая. А история так и вовсе не смешная...

Как избежать пули...*

В Кировоградской области до сих пор сохранились болгарские сёла. Когда-то в их сельсоветах даже делопроизводство велось на болгарском языке, в районе выходила газета на болгарском, в школе на болгарском обучали детей. Всё правильно: ведь «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А где же им ещё соединяться, как не в первой в мире стране социализма, где «человек шагает как хозяин необъятной родины своей»?

Она жила в с. Ольшанка, работала на земле, воспитывала детей. На её жизненном пути были русско-японская и Первая мировая войны, революции 1905 и 1917 и последовавшие за ними внутренние и внешние военные конфликты, голод, нищета и разруха. Она терпела лишения, находя утешение в семье и вере в Бога, но церковь власти закрыли, а потом придумали, как отобрать и имущество, назвав это «раскулачиванием». Семью к тому же обложили непомерным налогом. За несвоевременную уплату так называемых «гособязательств» были арестованы её муж, Павел Ануфриевич (он позже умер в тюрьме), и брат, Абатей Иван. Спустя несколько лет, в 1937 году, был репрессирован и её зять, Петков Фёдор Леонтьевич.

В 1930 году она всё-таки вступила в колхоз, но уже через три дня «забрала своих лошадей, при этом высказывалась в антисоветском духе по отношению к колхозному строю, распространяла антисоветскую агитацию против колхозного строя, заявляла, что Советская власть начинает с лошадей, а потом дойдёт очередь до того, что заберёт наши дома, одежду, и будет складывать в «красный сундук», и что якобы колхозники будут обречены на верную гибель» [л.д.16]. Её участие в «кулацкой волынке», «разгроме и разграблении колхоза», как это названо в материалах дела [л.д. 9, 21, 23], принесло осуждение к 5 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на 2 года.

---

*Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, д. № 1345

Возвратилась она в 1936 году и стала «группировать вокруг себя кулацкий церковный элемент», «собирая нелегально подписи за открытие церкви», а также «организовала сбор средств для посылки ходатай в центр с целью открытия церкви» [л.д. 11, 23, 28]. Власть припомнила ей всё, и 4 марта 1938 года арестовала и посадила в одесскую тюрьму, обвинив в «преступлениях, предусмотренных ст. 54-10 УК УССР, выразившихся в том, что она – активная церковница, в 1930 году принимала активное участие в кулацкой волынке по разбору колхозного имущества. В последнее время поддерживает тесную связь с церковниками, проявляет себя антисоветски» [л.д.2].

Расследование двигалось по пути вскрытия и документирования фактов «преступной антисоветской деятельности» обвиняемой, набирая материал для рассмотрения на «тройке» по «первой категории», то есть, осуждению к расстрелу, но судьба распорядилась иначе – избежала наша героиня чекистской пули, что подтверждено соответствующим актом: *«1939 года октября 13-го дня. Мы, нижеподписавшиеся, главврач больницы тюрьмы Давнер, ординатор Фельдман и дежурный пом.нач. тюрьмы Мустафин составили настоящий акт в том, что 7-го сентября 1939 г. была доставлена в больницу Топонарь Елизавета Лукьяновна, 1881 года рождения, уроженка и жительница села Ольшанка Ольшанского р-на по поводу мозгового инсульта. Заключённая Топонарь Елизавета Лукьяновна 13-го октября 1939 г. скончалась на койке в больнице тюрьмы от кровоизлияния мозга»* [л.д.33].

Елизавета Топонарь была простой неграмотной крестьянкой, она не могла даже расписаться в протоколе. «Народная» власть ограбила её, разрушила семью, но вот возможности осуществить над собой акт «революционного правосудия» Топонарь этой власти не дала. Такой вот своеобразный протест или проявление Высшей воли...

Послесловие

В нём мы хотели бы сказать, что пик художественной литературы о лагерях пришёлся на 60-е годы прошлого столетия. Достаточно только вспомнить «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицина, «Колымские рассказы» В. Шаламова. Наша книга – в другом жанре, который можно было бы назвать «документалистика с элементами личной оценки». Её персонажи – не вымышлены, это реальные люди со своими добродетелями и недостатками, которым крепко не повезло в одном: они оказались в реальной ситуации страны, где самоявленная сила сумела сломить сопротивление народа, превратив его в «иванов-родства-не-помнящих», покорно пошедших на заклание во имя призрачных идеалов, которые навязчиво мерещились группке фанатиков за высокими стенами красного кирпича бывшего оборонительного сооружения в центре одного очень большого города. Многих из этой группы захоронили в этой же стене или около неё, часть потом канонизировав, а часть – предали анафеме. Народ же мало обращал внимания на придворные игры жрецов и вождей: он продолжал жить и страдать на своей земле, поливая её честным потом тружеников и кровью воинов.

Из научно-фантастической литературы XX столетия известен так называемый «эффект бабочки», под которым понимают, что даже самое незначительное вмешательство в прошлое приводит к непредсказуемым изменениям в настоящем и будущем. Наше прошлое существовало не в какой-либо машине времени, оно объективно имело место. Власть, на словах народная, руководствуясь «самой гуманной в мире» человеконенавистнической идеологией, изъяла из этого прошлого сотни тысяч единиц челове-

ских судеб, миллионы детств, неизмеримое количество любви, счастья и просто спокойствия и умиротворённости. Реки крови и слёз впитались в нашу землю, и без того уже многострадальную.

Прочитав эту книгу, не размышляйте над характеристикам жанра, возможными достоинствами и бесконечными недостатками: помяните её персонажей и многие тысячи таких же людей, вспомните своих дедов-прадедов, взгляните на детей-внуков и вернитесь к «эффекту бабочки» – ведь в настоящем вы уже, а существует ещё и надежда на будущее. Не правда ли, есть над чем задуматься, чтобы в дальнейшем «жить по-новому» в «единой стране»?..

Анотація

Більшовики, які мали позитивний досвід захоплення влади, знали в цьому ціну пропаганди й агітації. Більшовицька влада усвідомлювала, що населення її не любить, їй не довіряє, її не підтримує, тому вживала всі заходи для власного захисту не лише від посягань на своє виняткове становище в країні, а й від будь-яких негативних розмов про себе, визнавши навіть такі розмови кримінальним злочином. Діапазон покарань за подібні «злочини» був широким: смертна кара або ж оголошення ворогом трудящих з позбавленням волі не менш як на шість років. І все це – з конфіскацією майна повністю або частково.

Персонажі пропонованої читачеві книги – прості трудівниці, жінки-матері, берегині сімейного вогнища, вся провина яких була лише в тім, що «державна робітників і селян» позбавила їх і їхніх дітей елементарної можливості насититися хоча б простим хлібом і мати мінімум одягу. «Заповіді демократії», проголошувані новими «місяцями від Маркса-Леніна-Сталіна», з кожним черговим роком їхньої влади ставали все більш розмитими, а згодом взагалі зникли з скрижалей Народ же легковірно й просто-душню очікував обіцяне благоденство...

Про те, до чого в низці типових для того часу випадків призводили легковажна віра й елементарне людське прагнення до кращого існування – в цій книзі.

За матеріалами архівних слідчих справ, що зберігаються в Державному архіві Кіровоградської області.

Для широкого кола читачів, що цікавляться історичним минулим України в складі радянської імперії.

Annotation

The Bolshevik experience in seizing state power has proved a major role of propaganda in the process. The Bolshevik power was sure that it was neither loved, nor trusted or supported, so it took measures to protect itself from all and any negative talk concerning it. Such talks were declared a criminal offence, entailing a wide variety of retaliation: capital punishment by firing squad or being declared an enemy of the people, but not less than six years in jail, and in any case – with total or partial requisition of personal property.

The persons the book tells about are simple working women, mothers, home keepers, whose only guilt was that the “state of workers and peasants” deprived them and their children of a chance to have enough bread and a set of clothing. “Commandments of democracy”, declared by new “messiahs” from Marx – Lenin – Stalin with every year of their being in power became all the more vague, until they disappeared from the tables completely. Still the people remained naïve enough to keep enquiring about the promised plenty...

The book provides some examples of what naïve beliefs and an elementary human desire for a better life, so typical of that time, have led to.

Based on materials of closed criminal files, being preserved in the State archives of Kirovograd region.

For a wide circle of readers, interested in the history of Ukraine within the Soviet empire.

Библиография

---

1. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923. – Симферополь: Таврия, 1990. – 262 с.
2. Семенюк О.А. Мови періодів соціальних перетворень: деякі загальні риси // Франція та Україна, науково-практичний досвід у контексті діалогу національних культур. V Міжнародна конференція. – Збірник наукових праць. – Том 1. – Ч.1. – Дніпропетровськ: Арт-Прес, 1998. – С. 164-169.
3. Уорф Бенджамин Л. Отношение норм поведения к языку // Новое в лингвистике. – Вып.1. – М.: Иностран. лит-ра, 1960. – С. 135-168.
4. Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941): Стан і статус. – Чернівці: Рута, 1998. – 208 с.
5. Баландин Р.К., Миронов С.С. «Клубок» вокруг Сталина. – М.: Вече, 2007. – 320 с; илл. – (Тысячелетие русской истории).
6. Сталинский порядок / Сигизмунд Миронин. – Алгоритм, 2007. – 272 с.
7. Тайна сталинских репрессий / Александр Север. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.
8. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. – М.: «Автор», 1991. – 352 с.
9. Очищение армии / Г.В. Смирнов. – М.: Алгоритм, 2008. – 368 с. – (Загадка 1937 года).
10. Краскова В.С. Кремль. Тайны кремлёвских жён, детей, кланов. – Минск: Современный литератор, 2007. – 640 с.
11. <http://liva.com.ua/lieswetell-aboutlenin.html>;
12. http://uchebnikonline.com/istoria/vsesvitnya_istoriya_-_gonchar_bm/radyanska_derzhava_1918-1939.htm;
13. <http://rusmirzp.com/2012/11/17/category/society/5780>;
14. <http://rusmirzp.com/2012/11/17/category/society/5780>;
15. ПАМЯТЬ, Исторический сборник, Выпуск первый, Москва 1976, Нью-Йорк, 1978;

16. Государственный архив Кировоградской области, фонд 8907, опись 2-р, дела №№ 11318, 4574, 9639, 2590, 11230, 1934, 8977, 8973, 10159, 4026, 14174, 8048, 1487, 8692, 4848, 12801, 12306, 4134, 3697, 4326, 3862, 8074, 2066, 7881, 2250, 7999, 5803, 11446, 1345;
17. Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. Комиссии С.Ф. Ахромеев. – М.: Воениздат, 1986. – 863 с. с ил., 30 л. ил.;
18. Ожегов С.И. Словарь русского языка : 70 000 слов/ Под. Ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.;
19. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. – 1600 с.;
20. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – 444 с.;
21. Біблія або Книги Святого Письма Старого і Нового Заповіту. – М.: Видання Московського Патріархату, 1988. – 1534 с.
22. *Timoty Snyder Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin.* New York: Basic Books, 2010.
23. *Comrie B., Stone G. The Russian Language since the Revolution.* – Oxford University Press, 1978. – 214 p.

НАУКОВО-ПОПУЛЯРНЕ ВИДАННЯ

Бабенко Оксана Антатоліївна

Бабенко Олег Олександрович

Білоус Віктор Борисович

**СТАТТЯ 54-10,
або
ЖІНКИ
«КОНТРРЕВОЛЮЦІЇ»**

російською мовою

Редактор:
Оксана Бабенко

Коректори:
Надія Рябоконь, Дарина Третьак

Верстка та обкладинка:
Вячеслав Сорокін

*Видання здійснене за сприяння
Відкритого університету Св. Арх. Михаїла
БО «Центрально-Української Православної Духовно-соціальної
академії» та Міжнародної громадської організації
«Міжнародний Орден «Пріорат лицарів Архангела Михаїла»*

*У книзі використано архівні матеріали
з фондів Державного архіву Кіровоградської області*

Підписано до друку 26.05.2018. Формат 45х64 1/16

Папір офсет. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 12,1

Зам. № 03/07. Наклад 300 прим.

**Державний архів Кіровоградської області
25030, м. Кропивницький, вул. Академіка Корольова, 3
тел.: (0522) 37 31 95**